

**ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**III РИМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ.
«СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ:
ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ,
УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

27 марта 2020 года

**Соорганизаторы конференции:
Отделение общественных наук
Российской академии наук (ООН РАН)**

**Москва
2020**

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**III РИМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ.
СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ:
ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ,
УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ**

**Материалы Международной
научно-практической конференции**

27 марта 2020

Соорганизаторы конференции:

Отделение общественных наук Российской академии наук (ООН РАН)

Москва

2020

УДК [330.564.2+330.567.2+338](470+571)(082)

ББК 65.9(2Рос)

Д71

Ответственный редактор – В.В. Локосов, директор Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), д. социол. н., профессор.

Редактор – О.А. Ефанова, к. филос. н., с.н. с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, доцент,

III Римашевские чтения. Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни. Сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва 27 марта 2020 г.) // ИСЭПН ФНИСЦ РАН (отв. ред. Локосов В.В., ред. О.А. Ефанова). Москва, ООО "Фабрика Офсетной Печати", 2020. – 264 с.

В сборнике представлены доклады и тезисы участников **Международной научно-практической конференции** «III Римашевские чтения. Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни», организованной ИСЭПН ФНИСЦ РАН в память о выдающемся российском ученом – Наталье Михайловне Римашевской, д.э.н., член-корреспонденте Российской академии наук, Советнике РАН. Многогранность научных интересов и многомерность методологических подходов к постановке и решению социально-экономических проблем народонаселения, которые были свойственны Н.М. Римашевской, отчасти нашли свое отражение в тематике выступлений на конференции и в структуре разделов сборника: 1. Демографические показатели современной России: рождаемость, смертность, расселение и миграция населения - основные тенденции и их детерминанты; 2. Человеческий потенциал России: образование, физическое, психическое и социальное здоровье населения и определяющие их факторы; 3. Уровень жизни населения: что происходит с занятостью, какими являются и какими должны быть зарплаты, пенсии, социальные трансферты.; 4. Качество жизни населения: экологическая и продовольственная безопасность, жилищная обеспеченность, доступность социальных услуг, возможности профессиональной самореализации; 5. Победа в Великой Отечественной войне – уроки и итоги - в цифрах и выводах. Конференция объединила ученых, специалистов и аспирантов, а также представителей государственных органов власти из разных республик и регионов России, Беларуси, Узбекистана, Японии, которым близки идеи и методология российской социо-демографической школы Н.М. Римашевской.

Материалы, представленные в сборнике, адресованы широкому кругу научных работников, преподавателей высших учебных заведений, представителей государственных органов власти, специалистов, аспирантов и студентов, которых интересуют социально-экономические и демографические проблемы, а также государственная социальная политика, цель которой сбережение и повышение качества жизни населения России.

ISBN 978-5-4465-2988-9

© ИСЭПН ФНИСЦРАН

© Коллектив авторов

Оглавление

Предисловие – В.В. Локосов , директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, доктор социологических наук, профессор	8
Раздел 1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ, РАССЕЛЕНИЕ И МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ - ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИХ ДЕТЕРМИНАНТЫ	
<i>Моргунов Е.В. Основные методологические подходы к прогнозированию качества народонаселения России</i>	11
<i>Будилова Е.В., Лагутин М.Б. Типология городов России по демографическим показателям</i>	15
<i>Джумабаева Ш. Х. Анализ рождаемости и смертности в Республике Каракалтакстан</i>	22
<i>Рыбаковский О.Л., Фадеева Т.А. Депопуляция в регионах России до начала 1992 года</i>	27
<i>Попова Л.А. Тенденции смертности и продолжительности жизни населения в северных регионах России</i>	31
<i>Амосов А. И. О судьбе отечественной цивилизации</i>	36
<i>Ноздрина Н.Н., Шнейдерман И.М. Роль крупнейших агломераций России в формировании качества жизни населения</i>	42
<i>Пациорковский В.В., Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д. Динамика численности населения приоритетных геостратегических территорий России в 2010-2018 годах</i>	47
<i>Коровкин А.Г. Королев И. Б. Миграционное движение населения и рабочей силы как фактор развития рынка труда</i>	52
<i>Красинец Е.С. Трудовая миграция и проблемы ее регулирования в современной России</i>	56
<i>Герасимова И. В. Трудовая миграция и рынок труда</i>	61

Хилажсва Г. Ф. Влияние временной трудовой миграции на гендерные установки и поведение супругов (некоторые результаты социологического исследования в селах и малых городах Башкортостана)

66

Раздел 2. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ: ОБРАЗОВАНИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ, ПСИХИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ИХ ФАКТОРЫ

Юдина Т.Н., Яковец Т.Ю. Исторические институты, определяющие человеческий потенциал России

71

Гриб Д. М. Самообразование - как фактор профессионального развития

75

Крошилин С.В., Медведева Е.И. Оценка кадровых потребностей столичного здравоохранения

81

Аникин И.В., Виноградова К.В. Карьерные траектории медицинских работников: что влияет на уровень профессионализма?

90

Коленникова О. А. Соответствует ли система дополнительного профессионального образования запросам медиков?

93

Комолова О. А., Ярашева А. В. Изучение факторов, влияющих на уровень профессионализма медицинских работников

98

Аликперова Н. В., Виноградова К. В. Жалоба пациента – какую реакцию от руководства ожидает врач?

101

Махрова О. Н., Чернова А. П. Информационная культура в современном обществе: гендерный аспект.

104

Локосов Е.В. Тенденции развития интернет-банкинга в России

109

Белехова Г. В. Финансовая грамотность молодой семьи: проблемы и решения

112

Болдырев А. С. Реализация целевых показателей государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь»: промежуточные итоги

116

<i>Нацун Л. Н. Половозрастная структура инвалидов в европейской части России</i>	<i>регионах</i>	121
<i>Хакамура Н. Создание инклюзивного общества в Японии</i>		124
<i>Каменева Т.Н. Здоровьесберегающее поведение молодежи: социальная регуляция</i>	<i>проблема</i>	131
<i>Ким М. А., Попович А. Отношение молодёжи к своему здоровью и способам его поддержания</i>		135
<i>Русанова Н.Е. Здоровье детей, рожденных с помощью вспомогательной репродукции</i>		140
<i>Винокурова Н. А. Перспективы молодежного предпринимательства: гендерные различия</i>		143
<i>Штылева Л. В. Социально-педагогические факторы гендерного разрыва в естественнонаучном школьном образовании</i>		146
<i>Ефанова О.А., Писклакова-Паркер М.П. Гендерные аспекты социальных последствий пандемии COVID-19</i>		152
Раздел 3. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: ЧТО ПРОИСХОДИТ С ЗАНЯТОСТЬЮ, КАКИМИ ЯВЛЯЮТСЯ И КАКИМИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАРПЛАТЫ, ПЕНСИИ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ		
<i>Бобков В. Н., Колмаков И. Б., Одинцова Е. В. Межотраслевые неравенства заработной платы: возможные инструменты регулирования</i>		159
<i>Попова, Р.И., Токсанбаева М.С. Занятость в малом бизнесе в кризисной ситуации</i>		164
<i>Терентьева М. А. Рынок труда Российского Севера</i>		171
<i>Ржаницына Л.С. Некоторые проблемы женской занятости в современной России.</i>		178
<i>Мигранова Л.А. Денежные доходы населения РФ: новая и старая методика Росстата</i>		182

<i>Аликперова Н. В. Доверие в кризисе</i>	187
<i>Роик В.Д. Пути раскрытия потенциала пенсионного страхования в России</i>	190
<i>Марков Д. И. Нужен ли молодежи гарантированный пенсионный план?</i>	196
<i>Черных Е.А. Подход нобелевских лауреатов по экономике 2019 года к решению проблемы бедности</i>	201
<i>Соловьев А. К. Бедность пенсионеров: условия сокращения</i>	207
<i>Дементьева И. Н. Потребительские настроения как индикатор социально-экономических изменений</i>	212
<i>Ярашева А. В. Социологические измерения стратегий сбережения: мнение населения о целях и средней сумме накоплений</i>	217
<i>Яковлева Н.И. Отношение белорусов к системе страхования: результаты исследования</i>	221
Раздел 4. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ, ДОСТУПНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ, ВОЗМОЖНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ	
<i>Александрова О. А. Поправки в Конституцию: возврат к социальному государству или его дальнейший демонтаж?</i>	228
<i>Шухатович В.Р. Социальные стандарты как инструмент социальной политики государства</i>	233
<i>Калабихина И. Е. Измерение временем: новый взгляд на качество жизни населения и демографические перспективы страны</i>	238
<i>Леонидова Г.В. Качество трудовой жизни в оценках населения</i>	241
<i>Богатырева Т.Г., Ямалова Н. Ю. Привлечение социально ориентированных некоммерческих организаций как механизм обеспечения эффективности программ и мероприятий по исполнению приоритетных национальных проектов</i>	250

**Раздел 5. ПОБЕДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ –
УРОКИ И ИТОГИ – В ЦИФРАХ И ВЫВОДАХ**

*Доброхлеб В. Г. Женщины великой Победы. К 75-летию Победы в
Великой Отечественной войне* 256

Сведения об авторах 260

Предисловие

Международная научно-практическая конференция III Римашевские чтения «Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни», проведенная по инициативе ИСЭПН ФНИСЦ РАН при поддержке Отделения общественных наук Российской академии наук (ООН РАН) в 2020 году, сохранила свою тематическую преемственность.

Мы продолжаем развивать основные положения социо-демографической научной школы Натальи Михайловны Римашевской. В середине 90-х годов в ИСЭПН РАН была разработана социальная доктрина переходного периода, в 2004 г. Институт участвовал в разработке концепции социального государства. Далее под грифом ИСЭПН РАН вышел в свет ряд монографий по проблемам социальной политики¹. В 2018 г. опубликован программный научный доклад «Человек социальный как цель и источник развития России»².

Организаторы конференции признательны всем участникам III Римашевских чтений и считают ее проведение данью уважения и памяти основателя нашего института.

Представленные материалы затрагивают актуальные проблемы, прежде всего, современной России, а также Белоруссии, Японии и некоторых других стран. Доклады включены в пять разделов:

1. Демографические показатели современной России: рождаемость, смертность, расселение и миграция населения - основные тенденции и их детерминанты;

2. Человеческий потенциал России: образование, физическое, психическое и социальное здоровье населения и определяющие их факторы;

¹ «Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие» под ред. проф. Локосова В.В. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015.; «Таганрогские исследования: полвека спустя» под ред. проф. Римашевской Н.М., проф. Локосова В.В. – М.: Изд-во «Экономическое образование», 2017.

² «Человек социальный как цель и источник развития России» под редакцией проф. Локосова В.В. и Александровой О.А. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2018.

3. Уровень жизни населения: что происходит с занятостью, какими являются и какими должны быть зарплаты, пенсии, социальные трансферты;

4. Качество жизни населения: экологическая и продовольственная безопасность, жилищная обеспеченность, доступность социальных услуг, возможности профессиональной самореализации.

5. Победа в великой отечественной войне – уроки и итоги - в цифрах и выводах.

Материалы докладов ученых, преподавателей, исследователей-практиков из Москвы, регионов РФ, Республики Беларусь, Японии поднимают острые социально-демографические и экономические проблемы. В них показано, что нужен новый социальный контракт по использованию времени различными социальными группами, в первую очередь, работниками с семейными обязанностями. Требуются изменения оценки благополучия, показатели которого рассматриваются в контексте устойчивого развития со смещением доминанты из сугубо экономической сферы в социально-экономическую и, далее, в социокультурную. Становится более очевидной и требующей решения проблема геополитической и социально-экономической уязвимости России, связанная с процессами депопуляции, снижением заселенности территории страны, особенно в наиболее богатых ресурсами восточных регионах, а также проблемы воспроизводства качества народонаселения России.

В докладах подчеркивается, что сегодня существенной становится концептуализация гендерных противоречий различных уровней, институционального, интеракционного, индивидуального. Структурно-конструктивистские подходы и методология позволяют выявить, как институты через проявление гендерных порядков ограничивают или задают возможности действия индивидов. Современные исследования свидетельствует об устойчивом движении во внутрисемейных отношениях к эгалитаризму.

Проведение III Римашевских чтений имеет еще две особенности. Во-первых, они проходили во время пандемии COVID-19, что стало предметом различных исследований. Пандемия COVID-19, потянувшая за собой шлейф многообразных социально-экономических последствий, наложила отпечаток на мобильность людей и изменила миграционную подвижность населения. Во-вторых, Институт стал обособленным подразделением ФНИСЦ РАН и именно в этом статусе проводил чтения. Уверен, что данные особенности не помешали полезности и научной значимости III Римашевских чтений и мы намерены в следующем году продолжить эту традицию.

В.В. Локосов, директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, доктор социологических наук, профессор

Раздел 1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ, РАССЕЛЕНИЕ И МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ - ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИХ ДЕТЕРМИНАНТЫ

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.1

Морзунов Е.В.

Основные методологические подходы к прогнозированию качества народонаселения России

В настоящее время Россия входит в десятку самых многонаселенных стран мира, ее население составляет 146,9 млн человек (9-е место в мире, 2018 год). Однако в условиях усиливающейся международной напряженности Россия сталкивается с рядом серьезных социально-экономических вызовов, сдерживающих экономический рост и технологичное развитие. Становится все более очевидной и требующей неотложного решения проблема геополитической и социально-экономической уязвимости России, связанная с процессами депопуляции, снижением заселенности территории страны, особенно в наиболее богатых ресурсами восточных регионах, а также проблемы воспроизводства качества народонаселения России. Решение данных вопросов считаем необходимым начать с рассмотрения именно теоретических и методологических аспектов проблематики. В этой связи наиболее актуальным направлением является диагностика и прогноз народонаселения России, которые должны опираться на следующие методологические подходы:

1) отказ от экономико-центристского подхода, сводящего успешность развития к показателям экономического роста и материального положения народонаселения, безотносительно тенденций, связанных с социальными диспропорциями, масштабами бедности, демографическими проблемами, экологическими издержками. Иначе говоря, необходим перенос акцента на оценку благополучия, показатели которого рассматриваются в контексте

устойчивого развития со смещением доминанты из сугубо экономической сферы в социально-экономическую и, далее, в социокультурную. Данный подход обоснован, в частности, в докладе международной Комиссии по измерению экономической эффективности и социального прогресса (2009 г.) во главе с Дж. Стиглицем [1];

2) благополучие зависит от субъективных способностей людей и объективных возможностей их реализации, соответственно, при анализе необходимо учитывать показатели социального и иного неравенства. Это обусловлено тем, что в случае достижения показателями неравенства предельно критических, пороговых величин, любой агрегированный показатель, рассчитанный на душу населения, может не давать адекватной оценки ситуации, в которой находится большинство населения. Данный подход корреспондирует с работами А. Сена [2]/

В тоже время комплексный демографический и социально-экономический прогноз необходимо разрабатывать как в целом для России, так и для отдельных субъектов РФ - представителей типов регионов, выделяемых по параметрам демографического и социально-экономического развития, а также отдельно для городских поселений и сельской местности. Это обусловлено тем, что народонаселение России этнокультурно неоднородно, даже внутри русского народа есть культурная вариативность, обусловленная, как минимум, политико-историческими пристрастиями. При этом базовый подход прогнозирования может быть основан на следующих принципах:

- прогнозирование, как непрерывный процесс (а не разовое мероприятие);
- ежегодные прогнозы постоянно корректируются с учетом мониторинга соответствия прогнозных и фактических социально-экономических и демографических показателей;
- среднесрочные прогнозы разрабатываются как нормативные на основе долгосрочных прогнозов;

- целевые значения для основных показателей в долгосрочных социально-экономических и демографических прогнозов устанавливаются, исходя из целевых показателей, утвержденных в соответствующих государственных документах (концепции, стратегии, долгосрочные планы социально-экономического и демографического развития российской федерации и ее субъектов);
- процесс прогнозирования строится как итеративный.

При этом наиболее важными для прогнозирования качества народонаселения в России нам представляются следующие вопросы: миграции, воспроизводства человеческого и трудового потенциала, преодоления бедности и неравенства, на решение которых направлена научная деятельность ИСЭПН ФНИСЦ РАН [3].

1. Так, в части методологии анализа и построения прогнозов, связанных с миграцией народонаселения необходима реализация многовариантных прогнозных оценок, показывающих, что ожидает Россию при разных уровнях рождаемости, смертности и миграции; учет взаимовлияния трех компонент на динамику как всего постоянного населения, так и коренного населения, а также населения иммиграционного происхождения; оценка доли населения иностранного происхождения, обладающего высоким уровнем направленной на Россию мобильности.

Если рассматривать проблему методологии анализа миграции более подробно, то необходимо проводить диагностику использования иностранных работников в увязке с ситуацией на региональных рынках труда; необходима оценка масштабов, динамики и последствий незаконной миграции и занятости иностранных граждан; а также определение долгосрочных тенденций изменения этнического состава населения на приграничных территориях и линии соприкосновения ареалов расселения этнических групп; определение долгосрочных тенденций изменения этнического состава населения в различных регионах РФ.

2. В части методологии анализа и прогноза воспроизводства человеческого и трудового потенциала необходимо определить предельно-критических (пороговых) состояний применительно к человеческим ресурсам; определить качественные и структурные характеристики трудового потенциала, обеспечивающие самодостаточность и развитие экономики России; проанализировать экологические аспекты воспроизводства человеческих ресурсов.

3. В части методологии анализа и прогноза преодоления бедности, неравенства и социальной эксклюзии необходимы анализ влияния показателей уровня и качества жизни в генеральной совокупности населения на экономическую и демографическую динамику; анализ уровня продовольственной безопасности страны в части нормативно установленных рациональных норм питания населения с учетом доли импорта в продовольственной корзине и инфляции продуктовой корзины для низкодоходных социальных групп; анализ влияния показателей уровня и качества жизни в генеральной совокупности населения на возможности получения образования, подготовки и переподготовки трудового потенциала регионов.

С нашей точки зрения, также необходимо использовать инновационный подход к построению демографических рейтингов и рейтингов качества народонаселения, в том числе его развития, которые позволяют проверять гипотезы об изменении основных демографических показателей и показателей качества народонаселения для субъектов РФ научно обоснованными статистическими методами [4].

В целом результатами совершенствования методологии диагностики и прогноза народонаселения России могут стать уточнение научных понятий в области знаний, связанных с демографией и качеством народонаселения и разработка на этой основе их национальных индексов; а также разработка взвешенной, комплексной, учитывающей весь спектр современных проблем стратегии демографического (воспроизводственного и миграционного) и

человеческого (гуманитарного) развития России в сформированных структурных, геополитических и социально-экономических условиях; комплексный анализ показателей человеческого развития с выявлением его функциональных взаимосвязей с уровнем и качеством жизни, разработкой оптимальных параметров качества жизни и желательного образа жизни народонаселения России и предложений в части мер, способствующих приближению к соответствующим показателям и характеристикам на практике.

Литература:

1. Сен А. Идея справедливости [Текст] / Амартья Сен; пер. с англ. Д.Кралечкина; науч. ред. перевода В.Софронов, А.Смирнов. - М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. - 520 с.
2. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И.Кушнарева; науч. ред. перевода Т.Дробышевская. - М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. -216 с.
3. Отчет по оценке эффективности научной деятельности ИСЭПН РАН за 2013-2015 гг., 2017. – 16 с. [URL]: http://www.isespras.ru/images/official_docs/otchet_nauch_2013-2015.pdf.
4. Экономическая наука и социальное государство: Сборник материалов Круглого стола в рамках программы III Московского экономического форума (Москва, 26 марта 2015 г.) / отв. ред. д.э.н. О.А. Александрова, ред.-сост. Ю.С. Ненахова. - М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. - 165 с.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.2

Будилова Е.В., Лагутин М.Б.

Типология городов России по демографическим показателям³

В Российской Федерации основная часть населения проживает в городах: на 1 января 2019 г. доля городского населения составляла 74,59% [1]. Однако в составе населения федеральных округов РФ численность городского

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант 18-013-00508.

населения неодинакова: в ЦФО доля городского населения составляет 82,3%, С-ЗФО – 84,5%, ЮФО – 62,7%, С-КФО – 50,1%, ПФО – 72,09%, УФО – 81,5%, СФО – 74,3% и ДФО – 72,9%.

Характер распределения населения по городским и сельским территориям существенно влияет на такие демографические показатели, как рождаемость и смертность населения, а также уровень популяционного здоровья [например, 2–3]. В данной работе представлена типологизация городов России с численностью населения более 100 тыс. человек (на 2014 г.) по демографическим показателям населения.

Для характеристики демографической ситуации в городах России использованы следующие показатели: общий коэффициент рождаемости (чел. на 1000 чел. нас.) и общий коэффициент смертности (чел. на 1000 чел. нас.), опубликованные в сборниках Росстата «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2018» за 2014-2016 гг., а также расчетный коэффициент жизненности – соотношение коэффициентов рождаемости и смертности. В расчетную базу были включены 173 города из 84 субъектов России.

Для разработки типологии все города были сегментированы на 5 типов на основе средних значений рождаемости, смертности и коэффициента жизненности за 2014-2016 гг. с использованием процентильной шкалы по каждому из показателей. Число городов в каждом из типов независимо от рассматриваемого показателя варьировалось от 33 до 36. При этом самыми проблемными (наихудшие значения показателей) были города I типа, а в V тип вошли города с наилучшими значениями. III тип объединяет города, показатели которых близки к среднему значению показателя по всем городам РФ с численностью населения не менее 100 тыс. человек.

Типология городов по показателю рождаемости

К I типу с самой низкой рождаемостью от 9 до 11,7 относятся 36 городов из 7 федеральных округов, за исключением С-ЗФО: ЦФО – 15 городов, ЮФО – 9, ПФО–5, из С-КФО, УФО и СФО – по 2 города в каждом и 1 город – из

ДФО. В десятку самых проблемных городов (аутсайдеров) входят: Керчь (Крым), Шахты и Новошахтинск (Ростовская область), Тула (Тульская область), Орел (Орловская область), Камышин и Волжский (Волгоградская область), Кисловодск (Ставропольский край), Рубцовск (Алтайский край) и Елец (Липецкая область).

Ко II типу с рождаемостью в интервале от 11,7 до 12,7 были отнесены 34 города из 7 федеральных округов, за исключением ДФО: 12 – из ЦФО, 5 – из С-ЗФО, 3 – ЮФО, 1 – из С-КФО, 8 – из ПФО, 1 – из УФО, 4 – из СФО.

К III типу с рождаемостью от 12,7 до 13,7 отнесены 33 города из всех федеральных округов: 5 – из ЦФО, 4 – из С-ЗФО, 3 – из ЮФО, 3 – из С-КФО, 6 – из ПФО, 2 – из УФО, 4 – из СФО, 6 – из ДФО.

К IV типу с рождаемостью от 13,7 до 15,1 отнесены 34 города из всех федеральных округов: 4 – из ЦФО, 2 – из С-ЗФО, 2 – из ЮФО, 3 – из С-КФО, 8 – из ПФО, 6 – из УФО, 7 – из СФО, 2 – из ДФО.

К V типу с самой высокой рождаемостью (от 15,1 до 22,6) отнесены 36 городов из всех федеральных округов: 9 – из ЦФО, 1 – из С-ЗФО, 4 – из ЮФО, 5 – из С-КФО, 5 – из ПФО, 7 – из УФО, 4 – из СФО, 1 – из ДФО. Следует отметить, что все 9 городов из ЦФО находятся в Московской области. В десятку городов-лидеров по показателю рождаемости входят: Грозный (Чечня), Кызыл (Тыва), Сургут (ХМАО), Одинцово и Люберцы (Московская область), Назрань (Ингушетия), Тюмень и Тобольск (Тюменская область), Нефтекамск (Башкортостан), Улан-Уде (Бурятия).

Средний показатель рождаемости городского населения РФ в этот период был равен 13,48, что соответствует примерно уровню рождаемости в Санкт-Петербурге и Костроме (13,47). В ранжированном ряду распределения эти города занимали соответственно 77 и 78 место, т.е. в 55,7% городов уровень рождаемости был ниже среднегогородского по стране показателя. Сюда вошли все города I и II типа и 27 городов III типа. Медианный уровень (13,13) соответствует коэффициенту рождаемости в Самаре и г. Белово Кемеровской области (87 и 88 место). В III типе 16 городов являются административными

центрами субъектов РФ 7 федеральных округов, за исключением УФО. В I, II и V типе наибольшее число городов приходится на ЦФО, что объясняется, в том числе, самым большим числом городов из этого округа (45) по сравнению с другими ФО.

Учитывая актуальность проблемы рождаемости в РФ, отметим, что из 36 городов I типа 15 городов из ЦФО (41,7% в общей численности городов этого типа), причём 7 из них являются областными центрами и столицей РФ. Иная ситуация с городами из ЮФО, где из 9 городов (25%) 1 областной центр (Волгоград), а все остальные – районные центры или муниципальные образования. В этот тип вошли ещё 2 административных центра субъектов РФ (Саранск и Владивосток). Таким образом, среди городов с самой низкой рождаемостью треть (12) являются областными, краевыми или республиканскими центрами, включая г. Москву. В V тип с самой высокой рождаемостью вошли 10 областных и республиканских центра.

Типология городов по показателю смертности населения

Средний коэффициент смертности по городам РФ с численностью населения не менее 100 тыс. человек в период 2014–2016 гг. был равен 12,21 смертей на 1000 чел. населения. В I тип городов с самым высоким коэффициентом смертности от 14,43 до 18,53 вошли 35 города из 5 федеральных округов. Больше всего городов (13) приходится на ЦФО. В ЮФО и ПФО высокий уровень смертности фиксировался в 6 городах в каждом, а в УФО и СФО – 5 в каждом. Среди городов этого типа три региональных центра (Тула, Иваново, Симферополь). В десятку городов – аутсайдеров вошли: Ногинск, Сергиев-Посад, Орехово-Зуево и Серпухов (Московская область), Рыбинск (Ярославская область), Ковров и Муром (Владимирская область), Новомосковск (Тульская область), Таганрог (Ростовская область), Прокопьевск (Кемеровская область).

Ко II типу городов с коэффициентом смертности от 13,23 до 14,40 отнесены 34 города из 7 федеральных округов, за исключением С-КФО. Как и в I типе, наибольшее число городов приходится на ЦФО – 15, из них 10

являются областными центрами. Далее за ним следуют ЮФО и ПФО – по 4 города в каждом, в том числе такие региональные центры как Майкоп, Севастополь, Нижний Новгород, Самара. В УФО, СФО и ДФО число городов с таким уровнем смертности равно по 3 в каждом, из них областным центром является только г. Курган, в СЗФО – два областных центра (Псков и Великий Новгород). Таким образом, в этот тип городов попали административные центры 18 субъектов РФ.

В состав III типа городов с коэффициентом смертности от 11,87 до 13,17 вошли 33 города из всех федеральных округов. Здесь, как и раньше, по числу городов лидирует ЦФО (9). За ним следует ПФО и С-ЗФО с числом городов 7 и 5, соответственно. В ЮФО, УФО и в СФО с такими коэффициентами смертности насчитывается по 3 города в каждом, в ДФО – 2 и С-КФО – 1 (г. Невинномыск Ставропольского края). Коэффициенты смертности в городах этого типа близки к среднему по городам РФ значению (12,21). В ранжированном ряду распределения из 33 городов по этому показателю в 19 городах этого типа коэффициент смертности выше 12,21, а среди всех 173 городов РФ – в 88 городах. Медианный уровень коэффициента смертности (12,33 – г. Ульяновск) также находится в этом типе. В этом типе городов почти половина (16) городов являются административными центрами субъектов РФ.

В IV типе 36 городов из всех ФО коэффициент смертности ниже среднего уровня и варьируется от 10,57 до 11,77. Лидером по числу городов (10) в этом типе выступает ПФО. На втором месте ЮФО – 7 городов. В ЦФО и СФО – по 5 городов. Из С-ЗФО в эту группу вошли 4 города, из ДФО – 3 и 1 из УФО. Из 36 городов – 14 областных и краевых центра, 6 республиканских и г. Санкт-Петербург.

V тип состоит из 35 городов с низким коэффициентом смертности от 3,5 до 10,4. Треть городов (12) из С-КФО, 6 – из УФО, по 5 городов из ПФО и СФО. ЦФО в этом типе представляют 3 города, ДФО – 2, а ЮФО и С-ЗФО представлены 1 городом каждый. Большинство (24 или 68,6%) составляют города, входящие в национальные административно-территориальные

образования (республики, автономные округа), из них 10 являются административными центрами. Кроме того, в эту группу входят Москва, 5 областных и краевых центров и 5 муниципальных образований из Московской области, Ставропольского и Красноярского краёв. В десятку городов–лидеров вошли: Махачкала, Хасавюрт, Дербент и Каспийск (Дагестан), Назрань (Ингушетия), Грозный (Чечня), Новый Уренгой и Ноябрьск (ЯНАО), Сургут (ХМАО), Норильск (Красноярский край).

Типология городов по коэффициенту жизненности

Коэффициент жизненности – это частное от деления показателя рождаемости на показатель смертности. Поэтому, естественно, самые низкие его значения (I тип) в городах с высокой смертностью и (или) низкой рождаемостью. В городах этого типа коэффициенты жизненности варьируются от 0,560 до 0,845. В I типе нет городов из С-ЗФО, С-КФО и ДФО, тогда как почти половина – из ЦФО (16 из 34), среди которых 6 областных центров – Тула, Орёл, Рязань, Иваново, Брянск, Тамбов. ЮФО в этом типе представляют 7 районных центров и муниципальных образований. Нет областных и республиканских центров среди 6 городов ПФО, а также 3 городов из УФО и 2 – из СФО. В десятку городов-аутсайдеров с самым низким коэффициентом жизненности входят города, которые и по другим рассмотренным показателям были в числе аутсайдеров: Керчь, Тула, Новошахтинск, Рыбинск, Ковров, Новомосковск, Орел, Елец, Муром, Рубцовск.

Во II тип вошли 35 городов с теми же демографическими проблемами и коэффициентом жизненности 0,852–0,987. Здесь отсутствуют города только из С-КФО. Большинство и в этом типе составляют города из ЦФО (12), причём 7 из них – областные центры. Относительно много областных центров (4) среди 6 городов ПФО, тогда как среди 5 городов из СФО в этом типе административных центров нет. Нет таких центров и среди 4 городов УФО. ЮФО представляют также 4 города – Севастополь, Симферополь, Волгоград

и Волжский. Из ДФО в этот тип вошли 3 города – Находка, Артём и Комсомольск-на-Амуре, а из С-ЗФО – областной центр г. Псков.

III тип объединяет 35 городов из всех федеральных округов, коэффициенты жизненности которых варьируются в интервале от 0,99 до 1,136. Причём все эти значения ниже среднего показателя по 173 городам РФ (1,25), а в 5 городах ниже 1. Большинство в этом типе составляют города С-ЗФО (8), в том числе 5 региональных центров. ПФО представляют 6 городов, среди которых Ульяновск, Саранск, Киров. ЦФО и ЮФО представляют 5 городов каждый, причём среди городов ЮФО 2 административных центра (Ростов-на-Дону, Майкоп). Из СФО в этот тип вошли 4 города, в том числе два областных центра – Кемерово и Омск. Три города Ставропольского края представляют СКФО. УФО и ДФО в этом типе представлены двумя городами каждый, из них центрами субъектов РФ являются Курган и Владивосток.

IV тип отличается от всех выше рассмотренных типов тем, что сюда вошли города, в которых значения коэффициентов жизненности больше 1 (1,141–1,384) и наиболее близки к среднему значению этого показателя по всем 173 городам (1,25). Из 34 городов этого типа 10 относятся к ЦФО: Москва и 9 городов Московской области. Относительно много городов из ПФО (7), в том числе 2 областных и 2 республиканских центра. Все 5 городов СФО являются центрами субъектов РФ. СЗФО, УФО и ДФО представлены 3 городами каждый, из них 7 являются административными центрами субъектов РФ и г. Санкт-Петербург. В этот тип вошли Астрахань и Батайск из ЮФО и Черкесск из С-КФО.

В V тип вошли 35 городов из 7 ФО, за исключением С-ЗФО, с самыми высокими коэффициентами жизненности – от 1,396 до 4,925, в которых рождаемость существенно превышает смертность населения. 24 города являются национальными территориальными образованиями разного административного статуса. Большинство городов (10) из СКФО, в 5 из них коэффициент жизненности превышает 3,5. В число 7 городов из республик ПФО (Башкортостан, Татарстан, Удмуртия) входят три республиканские

столицы. Группа городов из УФО (6) состоит из г. Тюмени, городов ЯНАО (2) и ХМАО (3), которые не являются центрами этих округов. Из 5 городов СФО только Норильск не относится к краевым и республиканским центрам. Из ЮФО в этот тип вошли 3 города – Краснодар, Сочи и Элиста (столица Калмыкии). ЦФО и ДФО представлены 2 городами каждый, причём первый городами Московской области, а второй – административными центрами Якутском и Южно-Сахалинском.

Литература:

1. Росстат. Официальная статистика. Демография // <https://showdata.gks.ru/report/278932/> (дата обращения 28.02. 2020)
2. Пациорковский В.В. Факторы демографического развития: пространственное размещение населения // Народонаселение. - 2010. -№4. - С.35–50.
3. Будилова Е.В., Лагутин М.Б., Мигранова Л.А. Влияние демографических и социально-экономических факторов на популяционное здоровье населения // Народонаселение. - 2019. - №3. - С. 80–92.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.3

Джумабаева Ш. Х.

Анализ рождаемости и смертности в Республике Каракалпакстан

По географическому расположению Республика Каракалпакстан находится на северо-западе Узбекистана, к югу от Аральского моря, к западу от пустыни Кызылкум и к востоку от плато Устюрт. Площадь региона 166,6 тыс. км², что составляет 38% от общей площади Узбекистана – это самый обширный регион страны. При этом в Каракалпакстане проживает только 5,6% населения Узбекистана. Большая часть населения региона живет на берегах реки Амударья, основная часть территории – пустыня [1].

Общеизвестно, что население является неотъемлемой частью общества и важным фактором, оказывающим значительное влияние на его развитие. Увеличение или уменьшение населения вызывает определенные проблемы в

развитии общества. Количество и качество населения постоянно меняются под влиянием смены поколений. Смена поколений, определяющая демографические характеристики населения, обеспечивает преемственность общества [2. С. 17]. В настоящее время в Узбекистане, включая Каракалпакстан, наблюдается снижение естественных темпов прироста населения. Эта цифра все еще относительно высока. Поэтому исследование демографической активности населения в контексте структурных изменений в обществе и экономике является актуальной задачей.

В Каракалпакстане проживает 1890 тыс. человек, большинство (51%) – в сельской местности. За период 1991-2019 гг. население Республики Каракалпакстан увеличилось на 47% или на 600 тыс. человек. Росту численности населения способствует молодая возрастная структура: 30,7% населения региона моложе трудоспособного возраста, 60,3% находятся в трудоспособном возрасте и 9,0% – старше трудоспособного возраста. Средний возраст населения составляет 28,2 года. В половом составе населения мужчины составляют 50,2%, женщины – 49,8% [3].

Анализ динамики рождаемости (табл. 1) показывает, что в Каракалпакстане в период после 1991 года коэффициент рождаемости снизился более чем в 1,5 раза – с 37 до 20-22 промилле.

Таблица 1.

Динамика рождаемости и смертности в Республике Каракалпакстан за период 1991-2018 годов

Год	Рождаемость		Смертность		Естественный прирост	
	человек	‰	человек	‰	человек	‰
1991	47732	36,9	8818	6,8	38914	30,1
1995	36039	25,7	9197	6,5	26842	19,2
2000	36408	24,0	8496	5,0	27912	19,0
2005	32456	20,6	9199	5,8	23257	14,8
2010	37942	22,6	8335	5,0	29607	17,6
2015	41343	23,3	8094	4,6	33249	18,7

Продолжение таблицы

2016	39427	21,9	8396	4,7	31031	17,2
2017	37754	20,1	8661	4,7	29093	15,4
2018	40108	21,6	8602	4,6	31506	17,0

Источник: данные Управления статистики Республики Каракалпакстан

В 2018 г. 3,8% матерей новорожденных были в возрасте 15-19 лет, 30,1% – в возрасте 20-24 лет, 35,4% – в возрасте 25-29 лет, 21,7% – в возрасте 30-34 лет и 7,8% – в возрасте 35–39 лет. 1,2% рожениц стали матерями в возрасте 40 лет и старше. По сравнению с 2000 г. доля рождений среди матерей в возрасте 15-19 и 20-24 лет снизилась. Однако доля рождений среди матерей в возрастных группах 25 лет и старше увеличилась. В 2018 г. средний возраст первых родов в Каракалпакстане составил 23,9 года [4].

За годы независимости произошли некоторые изменения в распределении по последовательности детей, рожденных в Каракалпакстане. В 2018 г. 31,1% всех новорожденных по последовательности были рождены первым ребенком, 35,2% – вторым ребенком, 25,2% – третьим ребенком, 7,4% – четвертым ребенком и 1,1% – пятым и более поздними детьми [3].

В период с 2000-2018 гг. число рождений у матерей с 4 и более детьми уменьшилось. Например, если в 2000 г. 16,4% всех новорожденных были четвертыми и последующими детьми, то к 2018 г. это число сократилось вдвое. Такая ситуация наблюдается во всех городах и сельских районах Каракалпакстана.

Меняющееся отношение женщин к своей роли в семье связано с изменением их роли в обществе, расширением участия женщин в общественном производстве, повышением их осведомленности о современных методах предотвращения нежелательной беременности. Это является основными факторами перехода молодых семей от многодетности к малодетности и среднететности. Следовательно, на социально-

демографическую активность семей влияют радикальные изменения положения женщин в семье и обществе в новых экономических условиях.

Анализ смертности в Каракалпакстане также очень важен. Уровень смертности отражает состояние здоровья населения за определенный период. Хотя за годы независимости система здравоохранения расширилась, но заболеваемость многими болезнями выросла. Коэффициенты младенческой, детской и материнской смертности остаются относительно высокими.

В 2018 г. общий уровень смертности в Республике Каракалпакстан составил 4,6 промилле (табл. 1). По сравнению с 1991г. общий коэффициент смертности заметно снизился, но не так значительно, как уровень рождаемости. В итоге естественный прирост в Каракалпакстане за период 1991-2018 гг. сократился почти в 2 раза – с 30 до 15-17 промилле.

Смертность населения варьируется в зависимости от возраста. Например, в 2018 г. 8,4% всех смертей пришлось на детей в возрасте 0-5 лет. Это на 5,2% ниже уровня детской смертности 2000 года, но все еще значительно больше, чем в других регионах Узбекистана [4].

Из общего числа умерших 56,9% умерли от болезней системы кровообращения, 11,8% – от новообразований, 8,1% – от несчастных случаев, отравлений и травм, 4,2% – от болезней органов пищеварения, 3,7% – от болезней органов дыхания, 1,1% – от инфекционных и паразитарных заболеваний и 14,2 % – от других болезней [4].

Анализ младенческой смертности очень важен при измерении показателей смертности. Ведь младенческая смертность является важным фактором, определяющим уровень социально-экономического развития в каждом государстве [5]. За годы независимости в Каракалпакстане уровень смертности среди младенцев до 1 года сократился. Например, младенческая смертность в 1991 г. составляла 51,2 промилле, а в 2000 г. этот показатель снизился до 20,3 промилле. В 2018 г. показатель младенческой смертности равнялся 13,9 промилле [4]. Тем не менее, по показателям младенческой смертности Каракалпакстан занимает один из ведущих мест в Узбекистане.

Частично это может быть объяснено распространением нездорового образа жизни в семьях и плохой экологической ситуацией в регионе.

Основным критерием здоровья населения является средняя ожидаемая продолжительность жизни. Этот показатель в Каракалпакстане в 2018 г. составил 73,2 года (70,9 года для мужчин и 75,6 года для женщин) [3]. Средняя продолжительность жизни населения в регионе на 1,4 года меньше, чем в среднем по стране. В последние годы показатель продолжительности жизни мужчин значительно вырос. Это может быть объяснено тем фактом, что благодаря развитию малого и среднего предпринимательства в нашей стране появилась возможность вести активный образ жизни и получать приемлемые доходы, что оказывает положительное влияние на продолжительность жизни мужчин.

В заключении можно сказать, что снижение смертности, особенно детской и младенческой, связано с улучшением услуг общественного здравоохранения. Обеспечение высокого уровня медицинского образования, пропаганда гигиены и санитарии среди населения, борьба с алкоголизмом и наркоманией, превращение спорта в насущную необходимость являются важными факторами для снижения заболеваемости и смертности населения. При этом быстрыми темпами снижается рождаемость, что ведет к сокращению естественного прироста населения.

Литература:

1. Каюмов А.А., Назарова Х.М. Региональная экономика. – Ташкент: Типография Национального университета Узбекистана, 2004. – 220 с.
2. Буриева М.Р. Основы демографии. –Ташкент: Типография Национального университета Узбекистана, 2001. – 66 с.
3. Демографический ежегодник Узбекистана – 2018. Статистический сборник. – Ташкент: Госкомстат, 2019. – 208 с.
4. Данные управления статистики Республики Каракалпакстан. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.stat.uz.
5. Назарова Х.М., Мамадалиева Х.Х. Демографический потенциал Узбекистана. Монография. – Ташкент: Наука и технология, 2011. – 175 с.

Рыбаковский О.Л., Фадеева Т.А.

**Депопуляция в регионах России
до начала 1992 года ***

Депопуляция, или устойчивая естественная убыль населения, появилась в современном мире в семидесятых годах XX века. Основными её катализаторами были снижение рождаемости и последствия Второй мировой войны, прежде всего, боевые потери молодого населения. Соответственно, первыми территориями, в которых за год число смертей начало превышать число рождений, были пострадавшие от этой войны Украина, Белоруссия, а также и те страны, которые эту войну развязали – Германия (в 1970-х – её часть - ФРГ) и Япония. Польши в этом списке нет, так как её население, в большей степени еврейского происхождения, уничтожалось фашистами вне зависимости от возраста. С депопуляцией Польша столкнулась лишь в начале XXI века. Первой страной, в которой началась устойчивая естественная убыль населения, была ФРГ (1972 г.). Но ещё раньше депопуляция началась в отдельных Европейских регионах РСФСР.

Как об этом можно судить по отрывочным данным официальной статистики СССР, депопуляция уже имела место как минимум с 1970 года в Псковской и Тверской областях, а с 1980 года – также и в областях Рязанской, Тамбовской и Тульской. В 1980 г. в пяти этих регионах естественная убыль составляла в сумме 10 тыс. человек.⁴ Первые два региона значительно пострадали в войне 1941-1945 гг., все пять – от переселений на Восток и в первые миграционные магниты РСФСР.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-011-00626

⁴ Все показатели без сносок в данном тексте рассчитаны по базе данных Росстата: [Электронный ресурс]. - Режимы доступа: <http://gks.ru/>; <http://cbsd.gks.ru/>; https://www.gks.ru/bgd/regl/b03_13/IssWWW.exe/Stg/d010/i010700r.htm; Также использованы материалы Всесоюзных переписей населения СССР 1979 и 1989 гг., «Народное хозяйство СССР за 70 лет» юбилейный статистический ежегодник / Государственный комитет СССР по статистике. - Москва: Финансы и статистика, 1987.

В период 1981-1990 гг. данные о естественном движении по регионам России имеются в Росстате лишь отрывочно, к тому же с входящими в их состав автономиями, ставшими в 1990-х гг. отдельными субъектами РФ. Используя всю имеющуюся официальную демографическую статистику России и СССР, смежные данные, можно оценить общие показатели движения населения - общий прирост, естественный прирост и (остаточно) миграционный прирост в целом за 1981-1990 гг. по почти всем регионам России в современном формате.⁵

С 1981 г. в СССР, в том числе и в РСФСР, начала проводиться регионально-дифференцированная демографическая политика, приведшая к росту текущей рождаемости населения, в первую очередь, геополитически важных макрорегионов, таких как Дальний Восток. В результате за 1981-1990 гг. в РСФСР не добавилось ни одного региона, где бы в целом за 10 лет появилась естественная убыль населения. Лишь пять областей, что имели эту убыль в 1970-х гг., также имели её и в 1980-х гг. В сумме за 1981-1990 гг. она составила в них в целом 77 тыс. человек. Военное, а позже миграционное «вымывание» на Восток и в столицы, прежде всего, молодого населения из Псковской, Тверской, Рязанской, Тамбовской и Тульской областей – основной фактор старения возрастной структуры их населения, высокой абсолютной смертности и низкой рождаемости [1].

Доля лиц в пенсионном возрасте во всём населении данных пяти регионов составляла в начале 1989 г. – 25%, в начале 2019г. - 31%. Для сравнения в начале 1989 года эта доля в РСФСР была 18%, в Хабаровском крае - 12%, в Московской области – 21%; в начале 2019г. - 26%, 23% и 25% соответственно.

Коэффициент пенсионной нагрузки (отношение числа лиц в пенсионном возрасте к населению в трудоспособном возрасте) данных пяти регионов составлял в сумме на начало 1989 года – 45%, 2019года - 57%.

⁵ Кроме Крыма и Ненецкого автономного округа.

Для сравнения в 1989 году эта пропорция в РСФСР была равна 32%, в Хабаровском крае - 20%, в Московской области – 36%; в начале 2019 г. - 47%, 40% и 44% соответственно.

Доля лиц обоего пола в возрасте 20-39 лет данных пяти регионов во всём их населении составляла в начале 1989 г. – 29%, в начале 2019г. - 26%. Для сравнения в 1989 г. эта пропорция в РСФСР была равна 32%, в Хабаровском крае - 35%, в Московской области – 31%; в начале 2019г. - 29%, 31% и 30% соответственно. Ситуация с рождаемостью и смертностью в этих пяти территориях старо-обжитой России, таким образом, оставалась безнадежной и продолжает ухудшаться.

В 1990 году, несмотря на в целом положительный естественный прирост в десятилетия (1981-1990 гг.), на территории современного Центрального федерального округа⁶ (ЦФО) – из 18-ти регионов в 16-ти уже началась депопуляция, в сумме естественная убыль в них за год составила 75 тыс. человек. В Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) – к Псковской области добавились Новгородская, Ленинградская области и г. Санкт-Петербург (4 региона из 10-ти). Их естественная убыль в сумме составила 14 тыс. человек. Помимо этого, депопуляция в РФ в 1990 г. была лишь в Нижегородской области (6 тыс. человек).

Таким образом, депопуляция в России началась в наиболее пострадавших от войны и переселений на Восток регионах, затем к ним добавились две столицы, окружающие их области, большая часть прочих территорий ЦФО, а также Нижегородская область. Европейские Север и Юг, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Приволжье, все (в будущем) республики и автономии в составе РФ - по состоянию на конец 1990 года имели положительный естественный прирост населения [2]

⁶Федеральные округа в России появились в 2000 году и позже. Поэтому в тексте, где речь идет о событиях до 2000 г., имеются в виду не сами федеральные округа, а территории в границах таких современных административных единиц России.

В 1991 г. депопуляция наступила уже во всех регионах ЦФО, в сумме – 131 тыс. человек. В СЗФО ситуация не изменилась – четыре региона из десяти имели естественную убыль, в сумме 16 тыс. человек. Список территорий с естественной убылью дополнили Краснодарский край (6 тыс. человек) и Ростовская область (4 тыс. человек). В Приволжье к Нижегородской области добавились Кировская, Пензенская и Самарская области, в сумме естественная убыль в этих четырёх территориях составила 14 тыс. человек. На Урале появилась первая область, в которой за год число смертей превысило число рождений, - Свердловская (4 тыс. человек) [3].

Таким образом, к Европейскому центру, Ленинградскому региону с двумя соседними областями - добавились крупные промышленные регионы Приволжья, Урала и Юга Европейской части РФ, а также ставший в начале XXI века третьим столичным регионом Краснодарский край.

В 1992 г. началась депопуляция в РФ в целом (минус 220 тыс. человек), в первый период которой (1992-2011 гг.) страна потеряла естественной убылью более 13,2 млн. человек. После небольшой паузы в 2012-2016 гг. депопуляция возобновилась. В 2017-2020 гг. естественные потери России составят по нашим оценкам не менее одного млн. человек. [4].

Естественное вымирание населения России в 1992-2019 гг. помимо общемировых тенденций социально-экономического развития и последствий Великой Отечественной войны, объясняется также пертурбациями переходного периода к капитализму и анти-таймингом рождений в 1990-х гг.

Литература:

1. Гришанова А.Г., Фадеева Т.А. Экономика, наука, культура, общество и трансформация миграционной политики в Российской империи: западные и восточные векторы (теоретические аспекты) // Миграционное право. 2019. № 2. С. 7-11.
2. Рыбаковский Л.Л. Депопуляция и этнические аспекты в России. // Социологические исследования. 2015. №4. С. 18-28

3. Рыбаковский Л.Л. 20 лет депопуляции в России. Москва. Эконинформ, 2014. 228 с.
4. Рыбаковский О.Л. Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году // Народонаселение. - 2020. -- Т. 23. № 1. С. 53-66.
5. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Рождаемость населения России и демографические волны// Народонаселение, М., 2017 №4 С.56-66.
6. Федеральная служба государственной статистики (Росстат): Центральная база статистических данных (ЦБСД) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://cbsd.gks.ru/>; <http://gks.ru/>

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.5

Попова Л.А.

Тенденции смертности и продолжительности жизни населения в северных регионах России*

В составе северных регионов России традиционно рассматривают 13 субъектов федерации, вся территория которых относится к Крайнему Северу или к местностям, приравненным к нему. Это пять субъектов на Европейском Севере (республики Карелия и Коми, Мурманская и Архангельская области, Ненецкий автономный округ) и восемь на Азиатском (республики Саха (Якутия) и Тыва, Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа). Все эти территории объединяет не столько географическое положение, сколько неблагоприятные природно-климатические условия, которые оказывают большое влияние на жизнедеятельность человека.

В 2000-е годы в России были достигнуты очень серьезные успехи в снижении смертности и росте ожидаемой продолжительности жизни населения, позитивная динамика которых наблюдается с 2004 г. В 2018 г. уровень продолжительности жизни населения достиг 72,9 лет [1], увеличившись по сравнению с 2003 г. на 8,1 года. Мужской показатель составил 67,8 лет, женский – 77,8 лет. Это максимальные значения за всю

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-010-00881 «Продолжительность жизни российского населения: возможности достижения «80 плюс»

историю. Предыдущие максимумы, ранее наблюдавшиеся в 1986-1987 гг., составляли 70,1 лет для обоих полов, 64,9 для мужчин и 74,6 лет для женщин [2, с. 42]. По женскому показателю рекорд был перекрыт еще в 2009 г., по показателю для всего населения – в 2012 г., по мужскому – в 2013 г.

Однако несмотря на достигнутые успехи, отставание России от мировых лидеров по-прежнему составляет свыше 12 лет, по мужской продолжительности жизни 15-16 лет, по женской – более 10. В 2018 г. прирост был очень незначительным (с 72,7 лет до 72,9 лет), в ряде регионов было зафиксировано снижение. При этом в России в 2018 г. в качестве одной из национальных целей была поставлена задача достичь к 2024 г. продолжительности жизни населения 78 лет, к 2030 г. – 80 лет [3]. В этих условиях требуется активизация всех резервов повышения продолжительности жизни населения: в структуре причин смерти (доля смертности от внешних причин не менее 8%), гендерных (различия между женским и мужским показателями составляют 10 лет), межпоселенческих (сельский показатель отстает от городского на 1,7 лет), региональных (разница между максимальным показателем в Ингушетии и минимальным на Чукотке превышает 15 лет) и других.

В условиях роста продолжительности жизни произошло заметное уменьшение межрегионального разброса значений продолжительности жизни, уплотнение регионов к среднему уровню. В 2003 г. разница между максимальным и минимальным уровнями продолжительности жизни составляла 20,2 лет (74,4 года в Ингушетии и 54,2 в Тыве), к 2017 г. минимакс сократился до 15,5 лет (81,6 лет в Ингушетии и 66,1 в Чукотском АО). Тем не менее в России по-прежнему имеются огромные региональные резервы продления растущего тренда показателя за счет подтягивания регионов-аутсайдеров.

С применением одинакового по отношению к среднероссийскому уровню принципа группировки регионов на однолетние по диапазону продолжительности жизни населения группы в 2003 г. и 2017 г. были

выделены девять групп с условными названиями: очень высокий уровень продолжительности жизни, высокий уровень, существенно выше среднероссийского уровня, выше среднероссийского уровня, среднероссийский уровень, ниже среднероссийского уровня, существенно ниже среднероссийского уровня, низкий уровень, очень низкий уровень продолжительности жизни. Установлено, что региональная конвергенция продолжительности жизни в условиях роста показателя произошла за счет крайних групп, и прежде всего за счет подтягивания отстающих регионов, т.е. она носит догоняющий характер. Количество субъектов федерации с очень низким и низким уровнями продолжительности жизни населения уменьшилось с 26 до 12 – в два с лишним раза. Число регионов с очень высоким уровнем показателя, высоким и существенно выше среднего уменьшилось с 18 до 10 – не столь значительно; за счет этого «встречного сдвига» сильно увеличились по составу группы с уровнями ниже среднероссийского (с 8 до 25) и существенно ниже среднероссийского (с 8 до 13) – в целом две указанные группы с 16 до 38. Общее количество регионов со среднероссийским уровнем показателя и выше среднероссийского не изменилось: и в 2003 г., и в 2017 г. оно составляет 25 [4].

Рассмотрим, как в ситуации конвергенции продолжительности жизни населения выглядят северные регионы России и каковы в них резервы дальнейшего роста показателя. В 2017 г. среди северных субъектов нет территорий, относящихся к трем наиболее благополучным группам регионов. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа относятся к четвертой группе с уровнем продолжительности жизни выше среднероссийского (от 73,2 до 74,1 лет) (табл.1). Прирост показателя за 2003-2017 гг. был в них ниже среднего по стране, в результате ХМАО опустился сюда из группы с высоким уровнем продолжительности жизни населения, перескочив одну группу, ЯНАО – из группы с показателем существенно выше среднероссийского. В обоих округах, особенно в ЯНАО, заметный резерв дальнейшего увеличения продолжительности жизни представляет

подтягивание сельского показателя, значительным резервом является также уменьшение смертности от внешних причин, в ЯНАО – снижение коэффициента младенческой смертности.

Регионов со среднероссийским уровнем продолжительности жизни на Севере нет. Четыре северных субъекта характеризовались в 2017 г. уровнем ниже среднероссийского уровня (от 71,2 до 72,1 лет). Это Архангельская и Мурманская области, Республика Саха (Якутия) и Ненецкий АО. Ненецкий АО очень сильно изменил за 2003-2017 гг. свою ранговую позицию, поднявшись в эту группу из последней, перескочив сразу две промежуточные. Архангельская область поднялась из группы с низкой продолжительностью жизни, миновав одну группу, Мурманская – из группы с показателем существенно ниже среднероссийского уровня. Якутия, в которой прирост продолжительности жизни населения ниже среднего по стране, входила в эту группу и в 2003 г. Во всех этих регионах существенный резерв представляет сокращение гендерных различий показателя, а также снижение доли смертности от внешних причин и коэффициента младенческой смертности.

Таблица 1.

Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения России и северных регионов в 2003-2017 гг., лет

Регион	2003	2010	2017	Прирост за 2003-2017 гг., лет
Ханты-Мансийский АО	67,3	70,3	73,9	6,6
Ямало-Ненецкий АО	66,5	70,0	73,5	7,0
Российская Федерация	64,8	68,9	72,7	7,9
Архангельская область	62,0	67,9	71,9	9,9
Мурманская область	63,0	68,4	71,7	8,7
Республика Саха (Якутия)	64,0	66,8	71,7	7,7
Ненецкий АО	59,3	64,9	71,5	12,2
Республика Коми	61,5	66,9	71,1	9,6
Республика Карелия	60,5	66,4	70,7	10,2
Сахалинская область	61,3	64,9	70,2	8,9
Камчатский край	63,0	65,8	70,1	7,1
Магаданская область	63,1	65,1	69,4	6,3
Республика Тыва	54,2	60,5	66,3	12,1
Чукотский АО	59,1	57,5	66,1	7,0

Ранжировано по убыванию уровня продолжительности жизни населения в 2017 г.

Для трех северных субъектов (республик Коми и Карелии и Сахалинской области) в 2017 г. характерен уровень продолжительности жизни существенно ниже среднероссийского (от 70,2 до 71,1 года). Во всех из них произошел более значительный прирост показателя, чем в целом по стране. Карелия очень заметно улучшила свою ранговую позицию, поднявшись за 2003-2017 гг. из последней группы с очень низким уровнем продолжительности жизни, перескочив одну группу, Республика Коми и Сахалинская область поднялись из группы с низким уровнем. Все они характеризуются повышенной гендерной дифференциации показателя. Лишь в Карелии относительно незначительна доля внешних причин смерти, а в Коми и на Сахалине они представляют весьма существенный резерв дальнейшего роста продолжительности жизни. В то же время в Карелии заметным резервом является повышенный уровень смертности на первом году жизни.

Камчатский край и Магаданская область относились в 2017 г. к регионам с низким уровнем продолжительности жизни (от 69,2 до 70,1 лет). Оба региона характеризуются незначительным приростом показателя – за 2003-2017 гг. они ухудшили свои позиции, опустившись из группы с более благополучной ситуацией. В этих регионах по-прежнему существенны резервы, обусловленные структурой смертности по причинам и отставанием сельского показателя, в Магаданской области – значительной гендерной дифференциацией, на Камчатке – недостаточным контролем над младенческой смертностью.

Республика Тыва и Чукотский АО в 2017 г., как и в 2003 г., относились к группе регионов с очень низкой продолжительностью жизни (до 69,1 года). В Тыве, занимавшей в 2003 г. последнее место в России, произошел весьма значительный прирост показателя (на 12,1 года). И Чукотка, и Тыва отличаются очень существенным отставанием сельской продолжительности жизни и огромной, составляющей практически четверть, долей смертности населения от внешних причин. В этих регионах максимальные по стране уровни младенческой смертности. Значительные резервы роста

продолжительности жизни на Чукотке дает также гендерная дифференциация показателя, которая заметно превосходит среднероссийский уровень.

Литература:

1. Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 20.04.2020).
2. Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики). М., 2001.
3. Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425> (20.04.2020).
4. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Региональные резервы роста ожидаемой продолжительности жизни населения в условиях конвергенции ее уровня // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 228-242. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.13

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.6

Амосов А. И.

О судьбе отечественной цивилизации⁷

В 2011 г. мною была опубликована монография под названием «У России есть шанс до 2017 г. Что дальше – начало развития или конец цивилизации?» При выборе названия монографии автор исходил из той информации, которой он располагал как один из участников публичной дискуссии по поводу необходимых изменений в долгосрочной экономической политике в «пятилетке» президентского срока В.В. Путина на 2012-2017 гг. Мои предположения о включении в указы Президента ряда важных предложений научно-экспертного сообщества оправдались. В частности, в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 596 "О долгосрочной государственной экономической политике" содержались 2 ключевых пункта, выполнение которых гарантировало переход к развитию: 1) создание и модернизация 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест к 2020 году; 2) увеличение

⁷ Работа выполнена в рамках исследования по проекту РФФИ № 18-010-00288

объема инвестиций не менее чем до 25 процентов внутреннего валового продукта к 2015 году и до 27 процентов - к 2018 году.

Для исполнения Указа №596 требовалось разработать по примеру США и Европейского Союза целевые программы по созданию рабочих мест и соответствующие инвестиционные проекты. Ничего этого не было сделано по той причине, что в Российской Федерации, в отличие от других стран, нет органов программно-целевого и стратегического планирования. Министерство экономического развития при всем желании не способно заниматься планированием. Впрочем, у Минэкономразвития и не было такого желания.⁸ В декабре 2013 г. глава министерства А.В. Улюкаев представил на обсуждение правительства доклад о невыполнимости положений о создании миллионов рабочих мест и об увеличении объемов капитальных вложений в реальный сектор экономики. Таким образом, уже в 2013 г. шансы России на развитие «обнулились», и вопрос о судьбе отечественной цивилизации выдвинулся на передний план. В 2020 г. распространение пандемии «коронавируса» привело к глобальному кризису, создающему угрозы для социально-экономического и цивилизационного развития в мировом масштабе.

Термин цивилизация употребляется в различных значениях в зависимости от того, о каких процессах цивилизационного развития идет речь. Прежде всего, нас интересует судьба земледельческих цивилизаций человечества, зародившихся около 12000 лет назад. Интерес к цивилизационному развитию сельского хозяйства обусловлен тем, что сельское хозяйство было и остается той сферой, без которой человечество существовать не может. На протяжении тысячелетий доиндустриального развития рост народонаселения осуществлялся благодаря накоплению знаний и умений в деятельности по добычанию пищи, изготовлению средств

⁸ Помимо указа о долгосрочной экономической политике в мае 2012 г. было подписано еще 16 «майских указов» президента по более частным вопросам. Это позволяло чиновникам «маневрировать» отчетностью, рапортуя, что процент числа выполненных Указов Президента высокий.

производства для земледелия и животноводства. По мере роста производства продуктов питания и увеличения численности населения от сельского хозяйства эволюционным путем отпочковалась промышленность и другие жизненно важные виды деятельности.

Во второй половине XVIII века в Англии, Франции и в Северной Америке, наряду с ростом «податей и повинностей» в пользу высших сословий, нагрузка на сельское хозяйство возросла в результате возникновения крупной для того времени промышленности. Эксплуатация промышленных рабочих сопровождалась явлениями бедности, пауперизма, «перенаселения».

Один из отцов-основателей Соединенных Штатов Америки, авторитетный масон и талантливый исследователь природных явлений Вениамин Франклин (1706-1790) посвятил одну из своих публикаций проблемам «излишнего» населения. Он указал на то, что в природе все живые организмы при благоприятных условиях стремятся к безграничному размножению. Франклин для иллюстрации данного явления придумал использовать формулы математической прогрессии. Он заявил: «если размножение человеческого рода не встречает препятствий, то оно удваивается каждые 25 лет, то есть возрастает в геометрической прогрессии; средства существования человека, при самых благоприятных условиях, никогда не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии».

Известный политэконом Томас Мальтус (1766-1834) в своем труде «Опыт закона о народонаселении», ссылаясь на авторитетное мнение Франклина, привел его формулу опережения роста народонаселения и предложил, наряду с социальными и экономическими мерами по поддержанию равновесия между ростом народонаселения и продовольственными ресурсами, «сдерживать рост населения какими-либо высшими законами». [1]

Мальтус не учел, что Франклин писал о росте населения Северных Штатов Америки, где большие темпы прироста населения были обусловлены

миграцией. К тому же Мальтус не проводил самостоятельных расчетов роста народонаселения и сельского хозяйства по причине недостаточного развития статистики в то время. Наконец, Т. Мальтус не придавал формулам арифметической и геометрической прогрессии большого значения. Он лишь сослался на мнение Франклина о том, что человеческий род, как и все живые существа, размножается в естественных условиях «с запасом». Есть основания полагать, что озлобленная критика в адрес Томаса Мальтуса ничем не оправдана, она носит конъюнктурный, политический характер. Отказ от научного обсуждения теории социально-экономического равновесия, сформулированной Т. Мальтусом, нанес большой ущерб общественным наукам.

На пике индустриального и научно-технического развития человечества в 1960-х годах проблема «перенаселения» планеты приняла глобальные масштабы. На новом уровне общественной эволюции проблемы, сформулированные Мальтусом, не только не разрешились, но и существенно усложнились. Проводимая с тех пор политика ограничения рождаемости, защиты окружающей среды, роста производства продовольственных товаров в долгосрочном аспекте лишь временно замедлила негативные тенденции.

В этой ситуации возрастает роль цивилизационных факторов, сельского хозяйства и аграрной сферы в регулировании равновесия между ростом народонаселения и ресурсами планеты. Вернемся к вопросу о судьбе русской земледельческой цивилизации. Она понесла непоправимый урон при проведении насильственной коллективизацией семейных крестьянских хозяйств в 1929-1933 гг. Коллективизация завершилась провалом, массовым забоем скота, голодом в зерновых регионах и т.д. Отрицательные последствия ликвидации семейных крестьянских хозяйств состоят в разрушении традиционных крестьянских семей и в бегстве молодых поколений из села.

Как известно, в 1930-х годах у СССР было всего 10 лет, чтобы подготовиться ко второй мировой войне. Чтобы победить в войне на уничтожение, требовалось взамен разрушенной имперской и крестьянской

цивилизации создать советскую цивилизацию. И она была создана. Основные принципы советской цивилизации были сформулированы и получили ранг основного Закона в Конституции СССР 1936 года.

Советская цивилизация формально основывалась на коммунистической идеологии. На практике «вожди пролетариата» жили как при коммунизме, в то время как подавляющее большинство населения сначала строили социализм, а затем жили при социализме. В итоге, советская цивилизация строилась на «смеси» принципов коммунизма для партийного руководства и социализма для советского народа.

Слабым местом советской цивилизации было отсутствие семейных фермерских хозяйств, как элементов земледельческой цивилизации, хроническое отставание развития сельского хозяйства, строительства на селе и т.д. Сельское хозяйство СССР не имело необходимых средств для развития вплоть до начала 1960-х годов. Индустриализация сельского хозяйства была осуществлена лишь в 1960-1970 гг., что позволило преодолеть отставание от средневропейского уровня потребления качественных продуктов питания на душу населения.

Развитие сельскохозяйственной науки и техники привело к формированию в СССР в 1970-е годы мощного агропромышленного комплекса отраслей и видов деятельности. Это дает основания полагать, что в результате индустриализации сельского хозяйства сформировалась агропромышленная цивилизация. При этом элементы земледельческой цивилизации сохранялись в форме семейного личного подсобного хозяйства. Личное подсобное хозяйство играло большую роль во всех союзных республиках. Особую роль оно играло в Узбекской ССР и в ряде других регионов, где в сельской местности сохранялись мусульманские обычаи воспроизводства традиционных семей. Благодаря негласной целенаправленной политике роста народонаселения, численность узбеков в СССР возросла с 4 миллионов человек в начале 1920-х годов до 20 миллионов в последние годы существования Советского Союза. В РСФСР, за

исключением Северного Кавказа и некоторых автономных республик темпы роста сельского населения были отрицательными. Подобные цивилизационные отличия между союзными республиками стали одной из причин относительно короткого срока существования советской цивилизации.

Переход к рынку в Российской Федерации начали с ликвидации в 1992 г. агропромышленного комплекса отраслей и предприятий. Тем самым была разрушена агропромышленная цивилизация. Семейное личное подсобное хозяйство, лишившееся поддержки от индустриальных сельхозпредприятий и от других видов агропромышленной деятельности оказалось нежизнеспособным.

В 1992-1993 гг. все пахотные земли Российской Федерации разделили на 12 миллионов участков, так называемых «земельных паев». Права частной собственности на землю оформили для 12 миллионов жителей сельской местности. Каждый работник сельской местности получил право организовать крестьянское (фермерское) хозяйство на своем участке, либо продать свой земельный пай на «свободном» рынке земли. Реально бывшие работники сельского хозяйства получили возможность свободно продать свой земельный пай за бесценок. Что касается условий для создания крестьянского или фермерского хозяйства, то никаких условий для его ведения не было создано. Подробнее о ситуации в аграрной сфере говорится в работе автора [2, с. 56-58]

В условиях обострения кризисной ситуации в связи глобальной пандемией становится общепринятой точка зрения о том, что нам требуется коренным образом изменить идеологию и модель развития. По мнению автора выход из глобального кризиса состоит в ориентации на цивилизационные ценности в семейных отношениях, в бережном использовании земли, чистой воды, лесов и т.д. Возрождение отечественной цивилизации возможно лишь при массовом переходе к экологическому семейному фермерству. Это потребует радикальных преобразований в структуре экономики и социальной сферы.

Литература:

1. Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. – Москва: Издание К.Т. Солдатенкова, 1895 г.
2. Амосов А.И. Аграрная сфера как основа цивилизационного развития России. – М.: Гриф и К, 2009, ISBN 978-5-8125-1322-1

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.7

Ноздрина Н.Н., Шнейдерман И.М.

Роль крупнейших агломераций России в формировании качества жизни населения⁹

Для России, с ее необъятной территорией, весьма существенна роль пространственных факторов в социально-экономическом развитии страны, и повышении качества жизни населения. В «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» принят курс на ускоренное развитие крупных городских агломераций, которые рассматриваются в качестве перспективных центров экономического роста в стране, способствующих раскрытию социально-экономического потенциала различных типов территорий, повышению качества жизни населения [1]. Уже сейчас доля Москвы и области в экономике страны составляет 26% ВВП, а вместе с Санкт-Петербургом и Ленинградской областью – более 32%. Процессы развития активно идут в Самарско-Тольяттинской, Нижегородской, Казанской агломерациях, на Урале – в Екатеринбургской, в азиатской части России – в Новосибирской агломерации. Программы развития крупнейших агломераций, направленные на решение наиболее острых социально-экономических проблем, с неизбежностью возникающих в условиях концентрации в их границах огромных человеческих, производственных, интеллектуальных ресурсов, способствуют также и развитию прилегающих к агломерациям регионов.

⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-010-00358

Сложность статистического анализа агломераций состоит в том, что у них нет административно закрепленных границ, следовательно, формирование информационной базы для такого исследования весьма затруднено, так как, во-первых, требует правильного определения границ агломераций и, во-вторых, исчисления адекватных значений используемых показателей. Для нашего исследования использованы данные по 17 крупнейшим агломерациям России, насчитывающим более 1 млн. жителей, полученные Фондом «Институт экономики города» (ИЭГ) на основе региональной и муниципальной статистики за 2016 г. [2].

Нами рассчитаны коэффициенты парной корреляции между численностью населения агломерации и рядом основных характеристик жилищной сферы, а также уровнем денежных доходов проживающего в них населения (Таблица 1). Жилье – одно из важнейших социальных благ, наиболее существенный компонент национального богатства.

Таблица 1

Уровень денежных доходов населения, объем ввода и доступность жилья в крупнейших агломерациях России, 2016*

Агломерации	Население, тыс. чел.	Ранг	Ввод жилья, млн. кв. м	Ранг	Коэффициент доступности жилья, лет	Ранг **	Доходы населения, тыс.руб./чел.	Ранг
Московская	17045	1	10,5	1	5,3	17	40,5	1
Санкт-Петербургская	6259	2	3,7	2	4,4	16	29,3	4
Самарско-Тольяттинская	2738	3	1,7	6	2,8	8	21,5	13
Новосибирская	2229	4	2,1	4	3,6	15	21,8	12
Екатеринбургская	2201	5	1,6	7	2,6	7	31,9	3
Нижегородская	2087	6	0,9	13	2,9	11	26,7	10
Ростовская	2084	7	1,8	5	2,4	3	26,3	11
Казанская	1667	8	1,3	10	2,9	12	28,6	6
Челябинская	1594	9	0,8	14	2,4	4	20,8	16
Воронежская	1536	10	1,5	8	2,2	2	27,0	8
Уфимская	1449	11	1,4	9	2,9	9	28,2	7
Волгоградская	1409	12	0,5	16	2,9	10	21,0	15
Краснодарская	1403	13	2,4	3	1,8	1	33,4	2
Пермская	1350	14	0,7	15	2,4	5	26,8	9
Красноярская	1264	15	1,1	12	3,2	13	21,5	14
Саратовская	1231	16	1,1	11	2,6	6	19,5	17
Владивостокская	1046	17	0,4	17	3,4	14	28,7	5
Коэфф. парной корреляции R²			0,979		0,816		0,663	

* Агломерации расположены в порядке снижения численности населения

*** Зависимость обратная: доступность жилья на рынке тем ниже, чем больше число лет накопления на покупку квартиры*

Наши расчеты показывают, что существует очень тесная корреляционная связь между численностью населения агломерации и объемом ввода жилья в ней. Соответствующий коэффициент парной корреляции R^2 составил весьма высокое значение 0,979. Одновременно с этим, чем крупнее агломерация, тем большее число лет, необходимо стандартному домохозяйству из 3-х человек для накопления всех своих денежных доходов для покупки стандартной квартиры 54 кв. м на рынке жилья ($R^2=0,816$), т.е. доступность жилья на рынке ниже. Это происходит, прежде всего, за счет того, что в более крупных агломерациях цены на рынке жилья существенно выше, чем в агломерациях с меньшей численностью населения. При этом высокий уровень цен не компенсируется даже более высоким уровнем денежных доходов населения в крупных агломерациях ($R^2=0,663$).

Внутри самих крупных агломераций наблюдается тесная отрицательная корреляционная зависимость уровня цен на рынке жилья в тех или иных населенных пунктах от их удаленности (расстоянии, измеренном в километрах либо во времени доступа) от ядра агломерации. Например, в Нижегородской агломерации соответствующий коэффициент парной корреляции R^2 составил 0,957, в Казанской $R^2=0,897$, в Санкт-Петербургской $R^2=0,892$. Подобная ситуация характерна не только для российских агломераций, но и для других агломераций мира. Так, для Парижской агломерации $R^2=0,929$, Сан-Франциской $R^2=0,814$, Лондонской $R^2=0,779$ [2, с.40]. Нами прослежена тесная отрицательная корреляция между расстоянием до центра Москвы и ценами на рынке жилья городов Московской области, входящих в состав Московской агломерации. Цены на жилье в городах, расположенных ближе к Москве, оказались значительно выше, чем в более отдаленных населенных пунктах, причем практически независимо от численности населения в них. Значение соответствующего коэффициента парной корреляции R^2 варьирует от -0,77 до -0,85 для различных лет и баз данных о ценах [3]. Все это свидетельствует о

том, что расстояние до ядра агломерации является одним из ведущих факторов ее формирования.

Если проанализировать удельные показатели жилищной сферы, рассчитанные на душу населения, то имеем следующую картину (Таблица 2).

Значение коэффициента парной корреляции между численностью населения агломерации и жилищной обеспеченностью в расчете на 1 человека, а также объемом ввода жилья в расчете на 1 тыс. человек невысоко, но связь отрицательная ($R^2 = -0,190$ и $R^2 = -0,147$). То есть, более крупные агломерации обладают, как правило, худшими значениями удельных показателей, поскольку степень концентрации населения в них слишком высока, и она зачастую не компенсируется более высоким уровнем объемных показателей.

Таблица 2

**Жилищная обеспеченность на 1 человека и ввод жилья на 1 тыс. человек в крупнейших агломерациях России (2016)
Рейтинг качества жизни населения в регионах (2019) ***

Агломерации	Население, тыс. чел.	Ранг	Жилищная обеспеченность, Кв.м/чел.	Ранг	Ввод жилья, кв.м/тыс. чел.	Ранг	Рейтинг качества жизни РИА	Ранг
Московская	17045	1	22,7	15	616,0	11	79,275	1
Санкт-Петербургская	6259	2	24,3	13	591,1	12	77,308	2
Самарско-Тольяттинская	2738	3	25,7	6	620,9	10	55,368	16
Новосибирская	2229	4	24,5	12	942,1	4	52,508	22
Екатеринбургская	2201	5	25,7	5	726,9	9	57,141	13
Нижегородская	2087	6	25,2	8	431,2	15	55,519	15
Ростовская	2084	7	24,8	10	863,7	7	54,415	19
Казанская	1667	8	26,1	4	779,8	8	66,806	4
Челябинская	1594	9	25,6	7	501,9	14	52,118	24
Воронежская	1536	10	28,8	1	976,6	2	61,981	7
Уфимская	1449	11	25	9	966,2	3	50,405	25
Волгоградская	1409	12	22,6	16	354,9	17	46,204	42
Краснодарская	1403	13	27,1	3	1710,6	1	63,067	6
Пермская	1350	14	23,5	14	518,5	13	44,714	49
Красноярская	1264	15	24,6	11	870,3	6	46,707	38
Саратовская	1231	16	28,2	2	893,6	5	45,150	48
Владивостокская	1046	17	21,5	17	382,4	16	45,495	46
<i>Кoeff. парной корреляции</i>			<i>-0,190</i>		<i>-0,147</i>		<i>0,721</i>	

* Агломерации расположены в порядке снижения численности населения

Нами проверена гипотеза, что само по себе нахождение крупной агломерации в составе того или иного региона способствует достижению более высокого уровня качества жизни населения в этом регионе. Рейтинг агентства «РИА Рейтинг» построен на основе 70 показателей, учитывающих различные характеристики качества жизни населения: уровень доходов, занятость населения, жилищные условия, безопасность проживания, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, здоровье, уровень образования, обеспеченность объектами социальной и транспортной инфраструктуры и т. д.

Оказалось, что коэффициент парной корреляции между численностью населения агломерации и показателем качества жизни населения соответствующего региона – субъекта РФ положительный и имеет высокое значение ($R^2=0,721$), т.е. чем больше численность населения агломерации, тем с большей вероятностью выше соответствующий регион находится в рейтинге качества жизни. Но не все так просто. Из 17 субъектов-регионов РФ, стоящих во главе списка «РИА Рейтинг» 10 действительно содержат в своем составе крупнейшие по численности населения городские агломерации. Еще 4 региона с такими агломерациями также занимают высокие места в рейтинге качества жизни (с 19 по 25). Но 5 регионов с крупными агломерациями находятся в середине списка (занимают места с 38 по 49) – Красноярский, Приморский и Пермский края, Волгоградская и Саратовская области. Так что безусловной зависимости качества жизни в регионе от нахождения в его составе крупнейших городских агломераций нет.

Литература:

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года - Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р.
2. Анализ состояния жилищной сферы на территориях основных российских городских агломераций. – М.: Фонд «Институт экономики города», Дом.РФ, 2018, 97 с.

3. Ноздрин Н.Н., Макагонов П.П., Минченко М.М. Особенности развития городской системы расселения Московской области / Проблемы прогнозирования, 2019, №6, с.123-135

4. РИА Рейтинг / сайт: <https://riarating.ru/infografika/20200217/630153946.htm>, (дата обращения 17.02.2020).

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.8

Пациорковский В.В., Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д.

Динамика численности населения приоритетных геостратегических территорий России в 2010-2018 годах

В феврале 2019 г. Правительством России утверждена «Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» (далее – Стратегия). В ней выделены два типа территорий: 1) «перспективный центр экономического роста» – территория одного или нескольких муниципальных образований и (или) акватория, обладающие потенциалом для обеспечения значительного вклада в экономический рост РФ и (или) ее субъекта; 2) «геостратегическая территория Российской Федерации» – территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности. В свою очередь геостратегические территории разбиты на приоритетные и приграничные [1].

Проблематика перспективных центров экономического роста представляет собой самостоятельный объект изучения, который в данной работе не рассматривается. Цель исследования – идентифицировать геостратегические территории и показать их роль в демографическом развитии страны в 2010-2018 годах. Как показано ниже, в обсуждаемом документе геостратегические территории представлены на довольно высоком уровне обобщения, а именно субъектами федерации. Конкретизация их

представления предполагает переход на более низкий уровень обобщения, например, муниципальных образований (МО). В связи с этим в качестве объекта исследования взяты МО верхнего уровня – городские округа (ГО) и муниципальные районы (МР), находящиеся на геостратегических территориях. В качестве основного источника первичной информации и одновременно инструмента исследования и анализа используется база данных «Муниципальная Россия» [2], в которую внесены данные и по геостратегическим территориям.

В приоритетные геостратегические территории попадают четыре типа регионов: 1) субъекты РФ, характеризующиеся эксклавым положением: Республика Крым, город Севастополь и Калининградская область; 2) субъекты РФ, расположенные на Северном Кавказе: республики Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия – Алания, Чеченская и Ставропольский край; 3) субъекты РФ, расположенные на Дальнем Востоке: республики Бурятия и Саха (Якутия), края Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский, области Амурская, Еврейская автономная, Магаданская, Сахалинская и Чукотский автономный округ; 4) субъекты и части субъектов РФ, входящие в Арктическую зону в соответствии с Указом Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [3]. В соответствии с этим указом к рассматриваемой категории территорий отнесены: Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, территория муниципального образования городского округа «Воркута» в Республике Коми, семь МО Архангельской области, ГО Норильск, Таймырский и Туруханский районы Красноярского края, пять улусов (районов) Республики Саха (Якутия), земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане.

Здесь следует отметить, что между упомянутым Указом и непосредственно Стратегией имеются некоторые расхождения. В Стратегии в состав Арктической зоны дополнительно включены три приморских МР

Республики Карелия, а именно Беломорский, Кемский и Лоухский. Более того, в мае 2019 г. был подписан Указ Президента РФ [4], в соответствии с которым в состав Арктической зоны дополнительно включены еще 8 улусов Республики Саха (Якутия). «Глава государства включил в состав сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации восемь районов Якутии – Абыйский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Оленёкский, Среднеколымский и Эвено-Бытантайский улусы, которые полностью или частично находятся за Полярным кругом. Ранее в состав Арктической зоны РФ входили только пять из тринадцати арктических районов республики – Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский и Усть-Янский. Включение этих территорий в состав Арктической зоны позволит распространить на них действие программ по развитию Арктики» [5].

В соответствии с рассматриваемыми документами в настоящее время приоритетные геостратегические территории включали в себя 468 ГО и МР (19,9% всех МО верхнего уровня в стране) в 29 субъектах РФ. В 2018 г. в них проживало 23,6 млн человек или 16,1% населения страны. В таблице 1 представлены характеристики четырех подгрупп приоритетных геостратегических территорий. Выполненные расчеты не содержат повторный счет, так как МО Чукотского АО и Республики Саха (Якутии), которые входят в Арктическую зону, были исключены из подсчетов по Дальнему Востоку, хоть они и входят в Дальневосточный ФО.

Таблица 1

Подгруппы приоритетных геостратегических территорий России в 2018 году

Приоритетные геостратегические территории	Число субъектов РФ	Число МО	Население, млн человек	Доля городского населения, %	Естественный прирост в 2016 г., ‰	Динамика населения в 2010-2018 гг., %
Эксклавы	3	48	3,3	64,8	-1,9	1,2
Северный Кавказ	7	144	9,8	49,8	8,1	4,2
Дальний Восток	10	210	8,1	73,2	1,5	-1,5

Продолжение таблицы

Арктическая зона	9	66	2,4	87,9	2,5	-3,1
Все приоритетные геостратегические территории	29	468	23,6	63,9	3,9	1,0
Россия в целом	85	2353	146,8	74,1	-0,01	1,2

Источник: База данных «Муниципальная Россия» [2].

Из данных таблицы 1 видно, что среди приоритетных геостратегических территорий самая низкая численность населения характерна для Арктической зоны. При общей плотности населения этой зоны в среднем около 1 человек на 2 км² (в 15 раз меньше среднероссийской), плотность населения в сельской местности составляет всего около 1 человека на 20 км², а городские агломерации практически отсутствуют. Изолированность и ограниченность постоянных автомобильных или железнодорожных транспортных связей – характерная черта основной части указанных территориальных образований. С учетом быстрого сокращения численности населения именно Арктическую зону России уместно рассматривать как территорию для принятия безотлагательных мер по ускорению социально-экономического развития.

Частично это обстоятельство нашло отражение и в Стратегии. Ясно, что среди геостратегических территорий в ближайшей перспективе значительный импульс развития получат приоритетные территории Арктической зоны и Дальнего Востока. Связано это, прежде всего, с ростом значимости Северного морского пути и стремлением к освоению энергоресурсов континентального шельфа Арктики. В Стратегии указанные задачи сформулированы следующим образом: «За счет обеспечения функционирования и роста грузопотока Северного морского пути как полноценного международного транспортного коридора, включая развитие ледокольного флота ... Сдвиг производств по добыче углеводородного сырья в малоосвоенные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока и акватории шельфов Дальневосточного и Арктического бассейнов ...» [1]. Относительно МО это в первую очередь

относится к МР Таймырскому (Дудинка, Диксон) и Булунскому (Тикси), ГО Певек и Анадырь. В рамках реализации этих намерений в Певеке уже начала работать первая плавучая атомная электростанция, которая призвана обеспечить потребности не только существующей, но и перспективного портовой инфраструктуры.

Специальные программы и структуры, направленные на ускоренное социально-экономическое развитие, существуют также для эксклавных регионов страны и субъектов Северо-Кавказского ФО. При этом, исходя из динамики численности населения, которая равна или лучше среднероссийской, основной упор в этом случае должен быть сделан именно на развитие экономики, приоритетным направлением в которой может стать туризм и курортное хозяйство. К тому же развитие этой сферы сможет существенно улучшить и состояние социальной инфраструктуры.

Литература:

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 20.02.2020).
2. База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014.
3. Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4d8e8206d56fc949d.pdf> (дата обращения: 26.02.2020).
4. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 220 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905130027?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 06.03.2019).
5. Все арктические улусы Якутии включены в состав Арктической зоны РФ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://minvr.ru/press-center/news/22000/?sphrase_id=1098719 (дата обращения: 06.03.2020).

Миграционное движение населения и рабочей силы как фактор развития рынка труда¹⁰

Миграционное движение населения и рабочей силы является одним из заметных факторов, оказывающих влияние на текущее и перспективное состояние национального и региональных рынков труда. В связи с этим актуален учет тенденций миграционного движения населения и рабочей силы при анализе и прогнозировании динамики основных параметров сферы занятости и рынка труда, при исследовании процесса согласования спроса на рабочую силу и ее предложения. Миграционное движение населения и рабочей силы – только одна из форм движения населения и рабочей силы. Различные формы движения взаимосвязаны между собой и с другими социально-экономическими процессами. Поэтому не менее актуальными аналитическими задачами являются выявление и классификация этих взаимосвязей, изучение их особенностей, в том числе в рамках комплексного исследования различных взаимосвязанных между собой форм движения населения и рабочей силы, их влияния на динамику сферы занятости и рынка труда и другие социально-экономические процессы. Повышаются и требования к инструментальному обеспечению такого рода исследований, поскольку с одной стороны, разрабатываемые методы и подходы должны обеспечивать возможность оценивать влияние различных факторов, с другой стороны, не терять свою адекватность в условиях неполноты информации о тех или иных формах движения населения и рабочей силы или степени их обусловленности различными социально-экономическими процессами.

¹⁰ Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №19-010-00944 «Межсекторальное движение рабочей силы как фактор перспективной динамики рынка труда РФ и ее регионов».

Одной из форм миграционного движения рабочей силы является межрегиональная трудовая миграция. По данным обследований рабочей силы Росстата, число выезжающих на работу в другой субъект РФ, постоянно растет. В 2018 г. численность таких людей составила около 3 млн. человек, увеличившись только за период с 2010 по 2018 г. в 1,73 раза. Доля выезжающих на работу в другой субъект РФ в общей численности занятого населения в 2018 г. составила 4,2%, в то время как в 2010 г. удельный вес этой категории занятого населения составлял 2,4%, в 2005 г. – 1,3%. Таким образом, значимость трудовой миграции для пополнения рабочей силы на рынках труда субъектов РФ растет.

Положительным сальдо трудовой миграции в 2018 г. характеризовались 26 субъектов РФ. Потоки выезжающих на работу в другой субъект и въезжающих на работу из другого субъекта РФ достаточно концентрированы. Более 80% (в 2018 году 86%) всего потока таких мигрантов приходится на 10 субъектов РФ, в том числе более половины на Москву. Для регионов, из которых трудовые мигранты выезжают на работу, характерна несколько меньшая, но все равно достаточно значительная концентрация: на долю 10 регионов с наибольшим оттоком трудовых мигрантов приходится более 50% всего исходящего потока (в 2018 г. – 56%). Столичные и добывающие регионы – одни из наиболее зависимых от привлечения трудовых мигрантов (Табл. 1). Причем ретроспективный анализ свидетельствует о том, что эта зависимость с течением времени скорее растет. Так, например, в г. Москве доля въезжающих на работу в общей численности занятого населения постепенно увеличивалась. В 2005-2007 гг. она составляла 8-9%, в период экономического кризиса 2008-2009 гг. – 12 %. В 2011-2015 гг. – порядка 16%. По данным за 2018 г. доля въезжающих на работу в общей численности занятых составила уже 22%, что является вторым после Ямало-Ненецкого АО результатом среди всех субъектов РФ.

Таблица 1.

Отношение абсолютной величины сальдо внутренней трудовой миграции к численности занятого населения в отдельных субъектах РФ в 2018 г., в %

Положительное сальдо		Отрицательное сальдо	
регион	Значение показателя	регион	Значение показателя
2018			
Ямало-Ненецкий АО	34,1	Респ. Калмыкия	12,1
г. Москва	22,5	Чувашская Респ.	13,4
Ханты-Мансийский АО	22,3	Ленинградская область	15,9
Ненецкий АО	18,2	Респ. Адыгея	16,9
Чукотский АО	15,2	Московская обл.	17,3

Источник: данные Росстата [1].

Максимальная доля выезжающих для работы в другой регион (безусловно, прежде всего в Москву), наблюдается в Московской области. При всей условности данного показателя по отношению к регионам-донорам рабочей силы, можно констатировать значительное влияние, которое оказывает миграционное движение рабочей силы на состояние этих региональных рынков труда. Как показано, например, в работе Е.А. Единак и А.Г. Коровкина «Оценка влияния движения населения РФ на его региональную структуру в долгосрочной перспективе» [2], в случае гипотетического отсутствия возможности трудовых миграций уровень структурной безработицы мог быть достигнуть заметно больших величин.

В связи с этим актуальны оценки уровня напряженности на региональных рынках труда с учетом данных о межрегиональном движении рабочей силы. В Таблице 2 представлены оценки степени напряженности для рынков труда РФ с учетом данных о межрегиональной трудовой миграции, то есть фактически трудовая миграция рассматривается как один из факторов напряженности на рынке труда [3]. Средний ранг регионов с наиболее напряженной ситуацией на рынке труда по шести использованным для расчета интегрального индекса показателям колебался от 72,8 у Республики Алтай до 79,5 у Республики Дагестан. Для всех этих регионов интегральный индекс превышает среднее значение как

минимум в два раза. Регионы с наименее напряженной ситуацией на рынке труда характеризуются низкими рангами по рассматриваемым показателям (средний ранг не выше 11). Наименее напряженная ситуация зафиксирована на рынке труда г. Москвы, средний ранг составил 2,2 с разбросом от первого до третьего места в зависимости от показателя. Это единственный регион, являющийся лидером рейтингов практически по всем показателям (Таблица 2).

Таблица 2.

Ранги регионов по показателям, характеризующим напряженность на региональных рынках труда в 2018 г.

регионы	Уровень занятости	Уровень общей безработицы	Уровень регистрируемой безработицы	Доля застойной безработицы	Коэффициент напряженности	Сальдо трудовой миграции	Средний ранг
Регионы с низким уровнем напряженности							
г. Москва	3	1	3	2	2	1	2,0
г. Санкт-Петербург	4	2	3	3	7	2	3,5
Ханты-Мансийский АО	6	4	3	13	12	3	6,8
Ямало-Ненецкий АО	2	3	16	23	3	4	8,5
Респ. Татарстан	14	7	10	5	19	11	11,0
Регионы с высоким уровнем напряженности							
Респ. Алтай	80	81	79	79	79	24	70,3
Респ. Калмыкия	71	77	77	84	77	51	72,8
Карачаево-Черкесская Респ.	85	83	63	86	81	39	72,8
Респ. Тыва	86	85	84	85	82	23	74,2
Респ. Дагестан	82	82	75	77	86	75	79,5

Источник: расчеты авторов по данным Росстата.

Для остальных регионов лидерство в рейтинге по одному из показателей сочетается с относительно более низкими результатами по другим характеристикам. Обращает на себя внимание также отсутствие среди лидеров Московской области (средний ранг 28,5), что в значительной степени объясняется величиной сальдо трудовой миграции. Интегральный индекс ниже среднего у 24 регионов, то есть, условно, это территории с менее

напряженной, чем в среднем по стране, ситуацией на региональных рынках труда.

Проведенный анализ подтвердил обоснованность учета тенденций миграционного движения рабочей силы при анализе ситуации на рынке труда и оценке перспектив его развития. В частности, учет показателей движения населения и рабочей силы может заметно менять представления о степени напряженности на региональном рынке труда. Для целого ряда региональных рынков труда исходящие и входящие потоки трудовой миграции составляют значительную долю занятого населения и рабочей силы. В целом, видимо, тенденции трудовой миграции оказывают все более существенное влияние на состояние региональных рынков труда. Это влечет за собой рост потенциала сглаживания или обострения существующих на рынке труда РФ и ее регионов диспропорций под воздействием процессов миграционного движения населения и рабочей силы.

Литература:

1. Межрегиональная трудовая миграция. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.gks.ru/labour_force# . Дата обращения: 23.05.2020 г.
2. Единак Е.А., Коровкин А.Г. Оценка влияния движения населения РФ на его региональную структуру в долгосрочной перспективе // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2018. Т. 16. С.528-549.
3. Коровкин А.Г., Королев И.Б. Напряженность на региональных рынках труда и определяющие ее факторы. В сборнике: современные проблемы экономики и менеджмента Материалы международной научно-практической конференции. 2019. С. 147-150.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.10

Красинец Е.С.

Трудовая миграция и проблемы ее регулирования в современной России¹¹

¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00582.

В первой половине 2020 года мир столкнулся с новыми вызовами, связанными с пандемией коронавирусной инфекции. Распространение коронавируса стало одной из главных угроз для российского общества. Пандемия COVID-19, потянувшая за собой длинный шлейф многообразных социально-экономических последствий, наложила глубокий отпечаток на мобильность людей и изменила миграционную подвижность населения.

Глобальная вспышка коронавируса обернулась серьезным вызовом для нашей страны и в сфере международного трудового обмена - одного из наиболее значимых социально-экономических явлений в современном мире. Насущными в этой связи становятся задачи выявления и раскрытия последствий влияния пандемии на трудовую миграцию в Россию, а также выстраивания действий в области привлечения и использования иностранной рабочей силы в период преодоления последствий COVID-кризиса.

Российская Федерация является одним из центров международного трудового обмена, миграционно привлекательным для трудовых мигрантов из многих стран мира. В условиях высокой емкости национального рынка труда трудовая миграция - наиболее массовый, динамичный и значимый с социально-экономической точки зрения миграционный поток в Россию. В последние десятилетия международную трудовую иммиграцию отличали относительно крупные масштабы. В период 2016-2018 гг. среднегодовая численность иностранных трудовых мигрантов в национальной экономике оценивалась в 2,7 млн. человек [1, с.57]. Только в 2019 году на работу в Россию прибыло 5,5 млн. иностранных граждан [2].

В условиях экономического спада и сжатия спроса на рабочую силу пандемия коронавируса не могла не отразиться на трудовых потоках в Россию. Произошел сбой в годовом цикле привлечения и использования иностранной рабочей силы, проходящего через последовательную смену сезонных фаз подъема и спада в притоке трудовых иммигрантов. Введение в весенний период ограничительных мер содействовало заметному перекрытию и

сокращению трудовых потоков из-за рубежа. В отечественной экономике произошло заметное снижение импорта иностранной рабочей силы.

С учетом сложившегося положения на рынке труда на 2020 год в сравнении с 2019 годом квота на привлечение иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, была снижена более, чем на четверть. В период активного распространения пандемии (в апреле 2020 года) по сравнению с соответствующим периодом 2019 года количество выданных разрешительных документов на занятость трудовым мигрантам сократилось в стране в 1,7 раза. В 4,6 раза снизился прием из-за рубежа контингентов квалифицированных специалистов. В 5,6 раза уменьшился приток новых иностранных работников, относящихся к числу высококвалифицированных.

В условиях пандемии COVID-19 трудовые мигранты оказались одной из самых уязвимых социальных групп населения. Из-за закрытых границ и недостатка финансовых возможностей многие из них столкнулись с дополнительными ограничениями на пути возвращения домой. На территории РФ иностранные работники в большинстве случаев заняты в неформальном секторе экономики с негарантированной зарплатой. В период распространения инфекции повышенная неустойчивость занятости иностранных работников в российской экономике еще более усилилась. Для иностранной рабочей силы резко обострились риски потерять работу без права получать пособие по безработице, остаться без жилья и средств к существованию. С потерей работы и при отсутствии сбережений трудовые мигранты, как правило, не в состоянии вносить арендную плату за жилье, не имеют средств на покупку продуктов питания и широкого доступа к социальным услугам.

Коронакризис усугубил ситуацию, связанную с теневой занятостью иностранных трудовых мигрантов. В период эпидемии существенно сузились легальные пути для их трудоустройства. Возросла включенность трудовых мигрантов в теневые схемы найма рабочей силы и их латентная занятость.

Огромное количество мигрантов из-за рубежа проживает в эпидемиологически небезопасных условиях. Основной сегмент трудовых мигрантов, как законных, так и незаконных, превратился в очаги распространения коронавируса и усилил факторы резкого роста случаев заражения.

Для того, чтобы избежать быстрого распространения новой инфекции и снизить нагрузку на медицинские учреждения, в России с 23 марта 2020 года были введены значительные ограничения на регулярное и чартерное авиасообщение со всеми странами мира, установлен режим самоизоляции и карантина. В период с 15 марта по 15 июня текущего года принят ряд важных послаблений, предусматривающих автоматическое продление сроков пребывания, временного или постоянного проживания иностранных граждан, у которых истекает в указанный период срок действия документов для нахождения на территории РФ. В течение этих трех месяцев иностранным трудовым мигрантам разрешено работать без оформления специальных разрешительных документов. Установлено также, что в данный период не могут быть приняты решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранных граждан и лиц без гражданства, их административном выдворении за пределы Российской Федерации, а также депортации или передаче иностранному государству в соответствии с международными договорами РФ о реадмиссии.

Окончание пандемии, возобновление устойчивого роста российской экономики и оживление спроса на труд повлекут за собой увеличение потребности в иностранной рабочей силе. Следующим шагом после преодоления/окончания пандемии должно стать принятие мер, определенных в перечне поручений Президента Российской Федерации от 6 марта 2020 года по реализации Концепции государственной миграционной политики. Прежде всего, необходимо модернизировать механизмы и инструменты регулирования трудовой миграции, которые в реальности должны обеспечить на рынке труда приоритетное право на трудоустройство работников из числа

граждан РФ. Следует установить обязанность работодателя до приема на работу трудового мигранта размещать в государственной информационной системе информацию о потребности в иностранной рабочей силе для подбора органами служб занятости работников из числа российских граждан.

После окончания действия ограничительных мер масштабы и структура трудовой миграции из-за рубежа должны быть оптимизированы. Возобновление приема многочисленных контингентов иностранных работников в постпандемийный период повысит необходимость проведения дифференцированной миграционной политики. Должно быть усилено внимание к мерам, которые не только поощряют въезд в Россию нужных для развития отечественной экономики трудовых мигрантов, но и ограничивают доступ на отечественный рынок труда тех иностранных работников, в которых нет острой необходимости.

Особое значение при этом приобретает активная разработка и внедрение селективных мероприятий, направленных на стимулирование приезда в Россию востребованных категорий мигрантов, компетентных иностранных профессионалов и специалистов, а также предпринимателей, инвесторов и студентов. Основное внимание должно уделяться качественным характеристикам мигрантов, отбору кадров, готовых участвовать в модернизации российской экономики [3, с.742]. Важно разработать и внедрить облегченные и упрощенные процедуры вхождения на рынок труда квалифицированных и высококвалифицированных работников [4, с.12]. Необходимо снизить стоимость патентов для мигрантов из безвизовых стран, имеющих профессиональное образование и востребованных на российском рынке труда. Одновременно нужно установить более жесткие административные и экономические барьеры на пути найма на работу временных трудовых мигрантов для выполнения малоквалифицированных и неквалифицированных работ.

К числу насущных задач, связанных с регулированием трудовой миграции, относится и проблема расширения использования

информационных технологий для анализа и прогноза международной трудовой миграции. Важнейшими составными элементами данной задачи является введение внятной статистики трудовой миграции, переход в статистической практике от данных административного учета числа выданных разрешений (патентов) на право занятия трудовой деятельностью к развернутой статистике самих трудовых мигрантов.

Литература:

1. Труд и занятость в России. 2019: Стат. сб./Росстат М., 2019. – 135 с.
2. Статистические сведения по миграционной ситуации. Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 30.04.2020).
3. Топилин А.В. Трудовой потенциал России: демографические и социально-экономические проблемы формирования и использования // Вестник Российской академии наук. 2019. Том 89. № 7. - С. 736-744.
4. Рязанцев С.В., Красинец Е.С., Вазиров З.К. Постоянная и временная трудовая миграция в контексте перспектив демографического развития России // Сегодня и завтра российской экономики. 2017. № 81-82. - С. 5-16.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.11

Герасимова И. В.

Трудовая миграция и рынок труда*

В соответствии с Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы [1] целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует, в том числе, решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны.

Решение задач по обеспечению потребностей российской экономики в квалифицированных кадрах, поддержания оптимального баланса трудовых

* Исследование выполнено в рамках НИР по государственному заданию на 2020 год «Трансформации процессов в сфере трудовой миграции как ресурс развития российской экономики».

ресурсов предусмотрено в Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года [2].

В условиях глобализации отмечается возрастание роли трудовой миграции в мировой экономике. Российская Федерация, включившись в международные миграционные потоки в 90-х гг. XX века, также активно участвует в международном обмене трудовыми ресурсами.

В современном российском государстве трудовая миграция является одной из важнейших подсистем экономики и народонаселения, оказывает влияние на изменение количественных и качественных показателей трудовых ресурсов и воздействует на процессы формирования рынка труда. В период демографического спада внутригосударственные и межгосударственные переселения мигрантов на постоянное место жительства являются одним из источников увеличения демографического и миграционного потенциала страны, а привлечение и использование иностранных работников – катализатором для дальнейшего поступательного развития национальной экономики.

В результате притока мигрантов решаются многие экономические проблемы страны, улучшается сбалансированность отечественного рынка труда, компенсируется недостаток рабочей силы. Благодаря трудовым мигрантам усиливается ресурсный потенциал экономического роста, стимулируется рост инвестиций, реализуются инвестиционные и инфраструктурные проекты, в том числе с участием иностранного капитала, развиваются новые виды бизнеса, обеспечивается стабильное функционирование важнейших секторов экономики.

Трудовая миграция является неотъемлемой частью сферы занятости и рынка труда. В российском обществе наблюдается количественный дисбаланс и структурные диспропорции между спросом на рабочую силу и ее предложением. В регионах и отраслях состав рабочей силы не в полной мере соответствует структуре рабочих мест [3].

В настоящее время наличие недостатка квалифицированных кадров приводит к стагнации национальной экономики. Наличие диспропорций между рабочими местами и трудовыми ресурсами в отраслевом и территориальном разрезах усиливается из-за низкой трудовой мобильности населения.

В долгосрочной перспективе проблемы дефицита рабочей силы будут усугубляться в связи с сокращением совокупного предложения на рынке труда, в том числе вследствие снижения численности населения в трудоспособном возрасте и в результате процесса старения населения.

В соответствии со средним вариантом демографического прогноза, разработанным Росстатом [4], численность населения Российской Федерации к началу 2036 года сократится по сравнению с 2018 годом на 1 млн. человек и составит 145,9 млн. человек (2018 г. – 146,9 млн. человек, - 0,7 %).

Кроме того, к 2036 году на 3,2 млн человек по сравнению с 2018 годом уменьшится население в трудоспособном возрасте и составит 79,0 млн. человек (2018 г. – 82,3 млн человек, - 3,9 %). Сокращение численности населения будет происходить за счет естественной убыли, практически не компенсируемой миграционным приростом, который составит в среднем 281,9 тыс. человек в год.

Можно констатировать, что Россия вступила в период, когда основные параметры ее демографического, миграционного развития и формирования трудового потенциала будут достаточно неблагоприятными. Рыночная экономика предъявляет все более высокие требования к обеспечению сбалансированности профессионального образования и спроса на рабочую силу, развитию кадрового потенциала, повышению качества рабочей силы, ее образовательного, профессионального и квалификационного уровня. Важным становится решение вопросов регулирования трудовой миграции, оптимизации привлечения и использования иностранных трудовых мигрантов, в том числе высококвалифицированных специалистов (далее – ВКС).

Несмотря на то, что в 2014 – 2016 годах сфера внешней трудовой миграции показала зависимость от макроэкономических, международных и политических факторов, тенденция к постепенному увеличению иностранных трудовых мигрантов будет сохраняться.

Безусловно, существенные изменения геополитической ситуации, динамика развития отношений со странами СНГ и ЕАЭС, активизация политики санкций со стороны западных государств, значительные изменения курса национальной валюты способны оказать влияние на формирование потоков трудовой миграции и отношение иностранных трудовых мигрантов к выбору Российской Федерации в качестве перспективного рынка труда [5].

В этой связи необходима научная проработка вопросов законодательного регулирования порядка привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе ВКС.

Так, в настоящее время для привлечения к трудовой деятельности иностранных граждан, прибывших в порядке, требующем получения визы, работодателям необходимо оформить квоты на выдачу таким иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления ими трудовой деятельности и разрешения на работу (далее – квоты). Существующая система квотирования не отражает реальной потребности экономики в иностранной рабочей силе. Квоты, ограничивающие количество выдаваемых разрешений на работу посредством бюрократических процедур, искусственно затрудняют получение документов, дающих право иностранному гражданину осуществлять трудовую деятельность. Действующее законодательство не позволяет физическим лицам привлекать иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию в визовом порядке. Привлечение таких иностранных граждан к труду у физических лиц возможно посредством обращения в частные агентства занятости.

Институт ВКС был введен с целью привлечения в Российскую Федерацию иностранных трудовых мигрантов, имеющих опыт работы,

навыки, достижения в конкретных областях деятельности с учетом перспективных потребностей национального рынка труда, а также модернизации российской экономики и ее дальнейшего развития.

Работодатель самостоятельно осуществляет оценку компетентности и уровня квалификации иностранных граждан, привлекаемых в качестве ВКС, что достаточно часто приводит к многочисленным фактам злоупотребления возможностью привлекать ВКС со стороны работодателей. Единственным критерием для отнесения иностранного специалиста к категории ВКС является уровень заработной платы, установленный пунктом 1 статьи 13² Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [6].

В этой связи представляется актуальной и необходимой выработка дополнительных критериев отнесения иностранных граждан к категории ВКС, а также создания механизма контроля данной деятельности.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы» // «Собрание законодательства РФ». – 05.11.2018. – № 45. – Ст. 6917. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=310139&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.2910785020080988#06708322784959873> (дата обращения 20.05.2020).
2. «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года» (утверждены Правительством Российской Федерации 29.09.2018). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=307872&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.7740538141012387#027330852006463857> (дата обращения 20.05.2020).
3. Красинец Е.С. Иностранная рабочая сила на российском рынке труда: проблемы и решения // Народонаселение. — 2020.— Т. 23.— № 1.— С. 104-118. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.9.
4. Демографический ежегодник России. 2017: Стат. сб./ Росстат. – М. 2017.
5. Волох В.А., Герасимова И.В. Управление миграционными процессами в Российской Федерации: анализ и перспективы // Управление. 2019. Т. 7. № 1. С. 5-12. <https://upravlenie.guu.ru/jour/article/download/153/145>.
6. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // «Собрание законодательства

РФ». – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3032. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=351285&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6872690072059942#024653899580988248> (дата обращения 20.05.2020).

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.12

Хилажева Г. Ф.

**Влияние временной трудовой миграции на гендерные установки и поведение супругов
(некоторые результаты социологического исследования в селах и малых городах Башкортостана) □¹²**

Одним из российских регионов с высоким уровнем участия населения во временной трудовой миграции является Республика Башкортостан. В 2019 г. в нее было вовлечено 160,7 тыс. человек или 8,9% занятого населения республики [1]. Социологические данные показывают, что более половины вахтовых мигрантов в республике имеют семьи: состоят в браке и являются родителями несовершеннолетних детей. Наибольшую долю среди вахтовых мигрантов составляют жители сел (63-66%), малых и средних городов (18–20%) [2; 3]. По нашим расчетам, в среднем около 10% сельского трудоспособного населения являются вахтовыми мигрантами [4]. Таким образом, в Башкортостане значительная часть семей, прежде всего в селах и малых городах, включена в процессы временной трудовой миграции или если говорить более широко – в процессы транслокальной миграции.

Какие последствия переживает современная семья в связи с этим? Влияет ли временная трудовая миграция на характер внутрисемейных отношений, гендерные установки и поведение супругов?

Для исследования данной проблемы, а также выявления других аспектов участия жителей республики во временной трудовой миграции, нами было проведено социологическое исследование в семьях вахтовых мигрантов (экспериментальная группа), а также в тех семьях, которые не участвуют во

¹² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-411-020028.

временной трудовой миграции (контрольная группа семей или так называемые «обычные» семьи)

В экспериментальной группе один из супругов в течение последних трех лет на момент проведения опроса (2016-2018 гг.) выезжал на работу за пределы своего населенного пункта на срок от пяти дней до нескольких месяцев. Временная трудовая миграция «...предполагает выезд на заработки с периодичностью не чаще 1 раза в неделю (недельный ритм), или с меньшей периодичностью, вплоть до появления дома несколько раз в год – в отпуск, на продолжительные праздники [10, с.21]. В контрольной группе – ни один из супругов в течение 2016-2018 гг. не имел опыта участия в вахтовой занятости [5].

Опрос проводился в двух малых городах и пяти сельских муниципальных районах, отдаленных от центра республики и расположенных на границе с другими регионами (малые города – Баймак, Давлеканово; сельские районы – Ермекеевский, Зилаирский, Краснокамский, Мечетлинский, Хайбуллинский).

При проведении исследования мы опирались на концепцию транслокальной миграции (А. Аппадурай) [6] и разработки отечественных ученых по вопросам временной занятости [7; 8; 9]. Методика нашего исследования опиралась на подходы Н.В. Мкртчяна и Ю.В. Флоринской, которыми были проведены опросы в малых городах России (опрошены трудовые мигранты и разные категории домохозяйств – с вахтовыми мигрантами и без) [10].

Приведем некоторые результаты данного исследования в части анализа таких показателей гендерных установок и поведения, как степень участия супругов в воспитании детей, распределение между ними домашних обязанностей и отношение супругов к вопросам лидерства в семье.

Оценка участия отцов в воспитании несовершеннолетних детей.

По мнению 75% вахтовых мигрантов и 73% их супругов, находясь вдали от дома, вахтовики достаточно сильно вовлечены в семейные дела. Считают высокой степень своего участия в воспитании детей во время пребывания дома

73% отцов-вахтовиков и несколько больше их жен – 80%; в период работы на вахте – 37,2% первых и 53,2% вторых. В контрольной группе семей аналогичные ответы (о высокой степени участия отцов в воспитании детей) дали 70,8% мужей и 72,3% жен. Как видно, для жен в обеих группах семей характерна более высокая оценка участия отцов в воспитании детей по сравнению с мужчинами.

Супругам необходимо было указать степень своей вовлеченности в такие виды деятельности по воспитанию и уходу за детьми, как встреча/проводы детей на занятия (школа, детский сад, кружки) и помощь детям в подготовке уроков. В первом случае наибольшую долю в обеих категориях семей составили респонденты, указавшие равномерную нагрузку между супругами (от 41 до 47%). Однако в контрольной группе семей больше ответивших только о женском участии (по 29% мужей и жен), чем в семьях вахтовых мигрантов (42% мужей и 39% жен). Указали, что встречают/провожают детей только отцы 18-24% респондентов из семей вахтовиков и 8-9% – «обычных» семей.

Помощь в подготовке домашних заданий – это главным образом забота женщины, считают 52% вахтовых мигранта и 48% их супругов; 56-57% мужей и жен в «обычных» семьях.

Таким образом, масштабы только женского участия в воспитании детей значительно выше в контрольной группе семей. Согласно субъективным оценкам респондентов, отцы-вахтовые мигранты во время пребывания дома гораздо больше вовлечены в деятельность по уходу и заботе за несовершеннолетними детьми, чем мужья из обычных семей.

Распределение домашней работы между супругами

Сравнение ответов респондентов из двух категорий семей показало, что в семьях вахтовых мигрантов мужчины больше участвуют в выполнении домашней работы, особенно в совместном выполнении разных, в т.ч. «традиционно» женских, видах работ. О том, что работу по уборке и мытью посуды могут выполнять и муж, и жена, ответили 16,6% респондентов в

семьях вахтовиков и 8,3%– в контрольной группе семей; приготовление еды – 26,5% первых и 11,9% вторых.

Следует отметить, что по мнению большей части респондентов (75-76% в семьях вахтовых мигрантов и 65-67% в контрольной группе) в их семьях в реальной жизни сложилось равное распределение домашних обязанностей и нет явной гендерной асимметрии («правильным» считают это от 84 до 90% мужчин и женщин).

Отношение к вопросу лидерства в семье.

Наибольшую долю среди опрошенных составляют те, кто считает «правильными» равноправные отношения между мужем и женой (89-92% супругов в семьях вахтовых мигрантов и 86-87% – в «обычных семьях»). Указали, что такие отношения в реальной жизни 82-83% мужей и жен в семьях вахтовиков и 75–78% в другой группе семей.

Патриархальные взгляды о главенстве мужчины в семье реже встречаются в семьях вахтовиков (ответили 5% жен и 7% мужей) и чаще – в контрольной группе семей (указали по 10% мужчин и женщин). В реальной жизни традиционный гендерный порядок имеет распространение в большей доле семей – на это указали 11% вахтовиков и 8% их жен; 10% мужчин и 15% женщин из «обычных» семей.

Таким образом, анализ результатов социологического исследования об установках и поведении супругов из разных категорий семей показывает, что в семьях вахтовых мигрантов мужа больше вовлечены в деятельность по воспитанию детей и выполнение традиционно женских видов домашней работы, оба супруга больше ориентированы на эгалитарные отношения в семье. Следовательно, можно говорить о том, что гендерные установки и поведение в современной сельской семье/семье малого города, несмотря на относительно консервативную традиционную среду, подвержены трансформационному влиянию транслокальных миграционных процессов.

Литература:

1. Трудовая миграция жителей Республики Башкортостан в 2019 году / Башкортостанстат. Пресс-выпуск. от 08.04.2020 г. № 07-1-13/12.
2. Данные социологического исследования: «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года», 2015 г., объем выборки 6264 человек.
3. Данные социологического исследования «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан», 2019 г., объем выборки – 1000 человек.
4. Данные администраций муниципальных образований Республики Башкортостан о численности временных трудовых мигрантов, 2015-2018 гг.
5. Данные социологического исследования «Временная трудовая миграция жителей сел и малых городов: факторы и последствия», 2018 г., объем выборки: 800 человек (400 супружеских пар).
6. Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство / ред. Бараулиной Т., Карпенко О. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 133—146.
7. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой– М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
8. Плюснин Ю.М. Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый Хронограф, 2013. 288 с.
9. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 108 с.
10. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая пространственная мобильность россиян на примере жителей малых городов. Препринт. М.: РАНХиГС, 2015. 74 с.

Раздел 2. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ: ОБРАЗОВАНИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ, ПСИХИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ИХ ФАКТОРЫ

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.13

Юдина Т.Н., Яковец Т.Ю.

Исторические институты, определяющие человеческий потенциал России¹

Последним детищем Натальи Михайловны Римашевской было созданное по ее инициативе Отделение проблем народонаселения (ОПН) Российской академии естественных наук (РАЕН), почетным академиком которой она являлась. В настоящее время в этом Отделении РАЕН уже 7 членов и оно на хорошем счету в Президиуме РАЕН. К своим юбилеям председатель Отделения профессор В.Г. Доброхлеб была награждена медалью Е.Р. Дашковой РАЕН, а ученый секретарь Отделения Т.Ю. Яковец – медалью «За вклад в развитие РАЕН».

Последняя монография «Государственное регулирование социо-демографических процессов в России», научным редактором которой была Наталья Михайловна, переиздана в 2019 г. и размещена на сайте РАЕН.

Мы остановимся на двух разработках, выполненных учеными нашего ОПН РАЕН за последнее время. Это, во-первых, написание фундаментального труда Т.Н. Юдиной «Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России» в контексте сохранения и размножения российского народа согласно концепту М.В. Ломоносова, что особенно актуально на современном этапе в условиях демографического кризиса. Во-вторых, - на нашем предложении разработать и утвердить на уровне федерального закона Социальную доктрину РФ 2025.

¹Тезисы подготовлены при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-010-00136

Напомним, что 18 октября 2019 г. в Москве прошел Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС), темой которого стало «Народосбережение – настоящее и будущее России». Причина такому названию – социо-демографический кризис в стране.

Еще со времен Ликурга первым благом государства считается рост числа людей, прирост народонаселения. Среди релевантных отечественных научных источников и трудов по росту народонаселения следует назвать работы М.В. Ломоносова «О сохранении и размножении российского народа», Д.И. Менделеева «Заветные мысли», где имеется огромная статья «Народонаселение», и «К познанию России». Эти труды двух отечественных ученых-энциклопедистов написаны в рамках домостройства. Именно домостройство, а не экономика, фигурирует в Уставе Императорского Вольного экономического общества, утвержденного императрицей Екатериной II.

Действительно, одним из важнейших и значимых исторических современных институтов, определяющих человеческий потенциал России, является домострой как исторический традиционный хозяйственный строй и новый домострой как конституирующая перспективная универсальная социо-культурно-экономическая система.

Исторически хозяйство Московского государства, когда разрабатывался и институционализировался домострой, а позже Российской Империи имело большое отличие от европейских аналогов, в которых реализовывалась другая модель экономики - хрематистика по Аристотелю, нацеленная на «наживу» (хрему) в форме прежде всего денежного богатства. Отличительной чертой хозяйства России была домострой-экономика (калька древнегреческого слова ойкономикос) как «экономический порядок, представляющий собой ядро общественно-полезного хозяйства, основанное на нравственных началах, прежде всего справедливости, со своей доминантой и архетипом...». Феномен домостроя и домостроительства – это всеобщие явления. Были и западноевропейские домострои в средневековье (во Франции, Чехии, Польше,

Немецких землях и др.). Однако только две империи: Ромейская держава Константинопольского периода (т.н. Византийская империя) и Россия (Российская Империя, ранее Московское царство и Древнерусское государство) на протяжении своего цивилизационного почти тысячелетнего периода имели экономику-домострой и домостроительство как гармоничную систему жизнедеятельности человека и человечества. Домостроительство является исторической экономической системой, показавшей себя жизнеспособной, самодостаточной с точки зрения расширенного воспроизводства народа как главного богатства государства.

Приведем некоторые примеры. Важной вехой для динамики народонаселения Российской Империи стали реформы 1861 г. Результаты их проведения оказали положительное воздействие на репродуктивное поведение жителей страны. При кардинальном изменении социально-экономических условий за 40 лет с 1857 по 1897 г. население страны удвоилось. Перепись 1897 г. зарегистрировала в Российской Империи 125 640 021 жителя, при этом в городах проживало 16 828 395 человек (13,4 %). За 16 лет после первой переписи население империи возросло на 41,4 млн. человек к 1913 г.

В 1906 г. Д.И. Менделеев в своем труде "К познанию России" на основании результатов переписи населения 1897 г. сделал долгосрочный прогноз численности населения России (Таблица 1) [1].

Таблица 1.

Численность населения России в XX в. по прогнозу Д.И. Менделеева

Год	Численность населения (млн. чел.)	Год	Численность населения (млн. чел.)
1897	128,2	1904	142,3
1898	130,2	1905	144,5
1899	132,1	1906	146,6

Продолжение таблицы

1900	134,1	1910	155,6
1901	136,1	1950	282,7
1902	138,2	2000	594,3
1903	140,2		

Источник: Д.И. Менделеев. К познанию России. - 4 изд.-Санкт-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1906

Как видно из таблицы 1, прогнозирование режима воспроизводства населения России в 1987-1906 гг. на будущее без революции, голодных лет, войн и «шоковой терапии» без учета «демографического перехода» по оценкам Д.И. Менделеева сулило превращение России с одну из самых населенных стран мира.

Домострой – это социальный институт, который существовал в России в прошлом и являлся основой роста российского народа. Именно благодаря традициям домостроя в СССР так долго продержалось «плановое хозяйство», отрицавшее «наживу», и с таким трудом был осуществлен переход к «рыночному хозяйству».

Рассмотрим еще один социальный институт, который мы предлагаем ввести в России с 2025 г., не без учета традиций отечественного Нового Домостроя, – **Социальную доктрину РФ**. Мы считаем, что такой инструмент социального управления как Социальная доктрина РФ является социальным институтом, так как понимаем под **социальным институтом** относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивая связь отношений в рамках социальной организации общества. Если потребность в безопасности и порядке порождает политический институт государства, потребности в решении духовных проблем – институт религии, то потребность в сбережении народа порождает такой социальный институт, как Социальная доктрина страны. То есть возникает потребность, которая требует совместных организационных действий.

Наталья Михайловна Римашевская еще в 2003 г. в своей монографии «Человек и реформы. Секреты выживания» предложила разработать Социальную доктрину на переходный период и сформулировала ее 7 принципов. Второй этап депопуляции в России вновь сделал насущной такую работу. Тем более, что современные возможности «цифровой экономики» позволяют проводить многокомпонентные расчеты. Начинаться построение Доктрины должно с проведения прогнозных расчетов с помощью системы моделирования, в основу которой необходимо положить демографическую модель регионов России по 100 возрастным когортам. Нарботки в этой области уже имеются.

Построение Социальной доктрины РФ к 2025 г. может быть междисциплинарным исследованием, в котором готово принимать участие, созданное Натальей Михайловной Римашевской Отделение проблем народонаселения РАЕН.

Литература:

1. Менделеев Д.И. К познанию России. - 4 изд.-Санкт-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1906

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.14

Гриб Д. М.

Самообразование - как фактор профессионального развития

В условиях информационного, постиндустриального общества образование становится одним из главных факторов достижения высокого социального статуса. Изменчивая и порой непредсказуемая реальность предъявляет новые требования к человеческой личности. Усвоение накопленных обществом знаний, образов и ценностей национальной

культуры, норм и традиций уже не соответствуют требованиям современности. Возникает проблема формирования новых компетенций как способностей применять знания, умения и личные качества для успешной деятельности в определенной области. Причем ведущее положение среди профессиональных, социальных, коммуникативных компетенций приобретает компетенция мобильности, умения меняться, адаптироваться к быстро изменяющимся условиям жизни.

Новая модель развития образования во многом связана со сменой образовательных парадигм, переносящих акценты с образовательной деятельности на самообразовательную. Основными условиями такой смены являются: экономика, построенная на непрерывной реализации новых, в первую очередь компьютерных и информационных, технологий.

Развитию самообразования способствовали такие факторы, как формирование национальных культур, дифференциация духовной жизни общества, усложнение систем коммуникации, появление и быстрое распространение СМИ. Образование, выступающее важнейшей основой развития самообразования, осуществляет резкий поворот в сторону профессионализации и все больше реализует в качестве ведущей функцию подготовки к профессиональной деятельности, а не просто включение человека в поле культуры, как это было ранее, в доиндустриальном обществе.

Как показывает мировая образовательная практика, сменяющиеся технологии самообразования можно рассматривать как становление механизма саморегуляции знания, который не был одинаково развит и востребован обществом на различных этапах человеческой истории. Если в доиндустриальный период общественного развития самообразование преимущественно осуществлялось в контексте межличностных отношений (как аспект коммуникативной деятельности), а в индустриальном обществе доминировал «книжный» тип самообразования, реализуемого в рамках текстовой деятельности, то в постиндустриальный период новые информационные и коммуникативные технологии породили «экранную»

культуру, основанную на компьютерно-космических средствах связи и обработки информации [1, с. 77].

Если в XX веке самообразование рассматривалось как способ реализации личного интереса в сфере знания для практического использования или удовлетворения познавательного интереса (своего рода хобби), то реалии XXI века превращают его в необходимый для социума вид образовательной деятельности, условие приобретения «когнитивной мобильности» как основы профессиональной самореализации.

Информатизация общества существенно изменила подходы к самообразованию. Развитие профессиональной компетенции, удовлетворение запросов личности в развитии сегодня неизбежно ведёт к использованию информационно-коммуникационных технологий. Информационные технологии сделали практически общедоступным колоссальный объём информации в самых разных направлениях человеческой деятельности. Информационная культура человека, умение ориентироваться в современных средствах коммуникации, пользоваться информационными ресурсами дают огромные возможности для саморазвития и самосовершенствования.

Информационные технологии трансформируют способы самообразования, обеспечивая доступность информации, облегчая ее поиск и в то же время предоставляя соответствующие инструментальные средства работы с ней: логические, математические, статистические и др. Благодаря совмещенному, комплексному использованию этих средств создаются условия для творчества, оптимизируются возможности и расширяются границы самообразовательной деятельности.

Самообразование приобретает высокий статус и как средство, являющееся самым подвижным ресурсом, источником обогащения (богатства) не только, а подчас и не столько индивида, сколько общества. Не случайно Э. и Х. Тоффлер отмечают, что интеллектуальный капитал заменяет дорогостоящее оборудование, а «знания уменьшают потребность в сырье, труде, времени, пространстве, капитале и других ресурсах, становясь

незаменимым средством - основным ресурсом современной экономики, ценность которого постоянно растет» [2, с.35].

Российский исследователь А. Субетто полагает, что на смену информационному обществу конца XX века приходит образовательное общество XXI века. Его функцией станет опережающее развитие качества человека, качества образовательных систем в обществе, качества общественного интеллекта [3]. Реализация этой функции невозможна без развития самообразования.

Самообразование связано с развитием личности, осуществляющимся на основе свободного выбора видов деятельности в процессе самореализации. Оно возможно в условиях создания разнообразной социокультурной и образовательной среды. Перенос акцента на самообразование, актуализацию личностного момента в образовательной деятельности человека является требованием времени. Суть его в том, чтобы личность самостоятельно формировала, «образовывала» себя, используя институциональные формы образования как инструмент самореализации, самоактуализации, самосовершенствования. Поэтому необходимо осознание личностью особой роли самообразования, которое становится системообразующим фактором образовательного пространства. Эта проблема еще более актуализируется в условиях перехода к рыночной экономике, поскольку здесь требуется соответствие человека, его интеллектуального, образовательного потенциала новым требованиям.

Российские учёные Г.Е. Зборовский и Е.А. Шуклина дают следующее определение самообразования: «Самообразование - это вид свободной деятельности личности (социальной группы), характеризующийся ее свободным выбором и направленный на удовлетворение потребностей в социализации, самореализации, повышении культурного, образовательного, профессионального и научного уровней, получение удовлетворения от реализации личностью ее духовных потребностей» [4, с. 81]

В настоящее время объекты информации и возможности ее получения существенно расширились, появляется все больше ресурсов и возможностей, которые можно использовать для самообразования. Самообразование в определенной степени может стать достойной и во многом лучшей альтернативой формальному обучению. Самообразование индивида - необходимое условие современной профессиональной деятельности, это целенаправленная познавательная деятельность, управляемая самой личностью; самостоятельное приобретение систематических знаний в какой-либо области науки, техники, культуры, политической жизни и т.п.

Одним из показателей профессиональной компетентности человека является его способность к самообразованию, которая проявляется в неудовлетворенности, осознании несовершенства настоящего положения и стремлении к росту, самосовершенствованию. Занятие самообразованием предусматривает расширение и углубление профессиональных знаний и умений, совершенствование профессионального уровня. Самообразование невозможно без умения четко формулировать цель, конкретизировать проблему и фокусировать свое внимание на главных, значимых деталях, творчески переосмысливать процесс обучения и приобретаемые знания.

Современному человеку самостоятельная работа по самообразованию позволит пополнять и конкретизировать свои знания, осуществлять глубокий и детальный анализ, возникающий в профессиональной сфере. Человек, владеющий навыками самостоятельной работы, будет иметь возможность подготовиться и перейти к целенаправленной научно-практической, исследовательской деятельности, что свидетельствует о более высоком профессиональном, образовательном уровне, а это, в свою очередь, влияет на качество профессиональной деятельности.

Технологии самообразования естественным образом присутствуют в процессе становления профессионала, поскольку при переходе к новому качественному состоянию его профессиональной культуры, при подъеме на более высокую ступень профессионализма необходимо освоение новой

социальной и профессиональной роли человека в труде. При этом главным механизмом, инициирующим профессиональный рост, будет самообразование, в противном случае профессионализация не состоится по определению, на деле это будет означать остановленное саморазвитие.

Таким образом, самообразование является в настоящее время актуальным, жизненно необходимым процессом человека, способствующим его развитию и самосовершенствованию. Особенностью самообразования является его направленность на актуализацию профессионального знания и творческое применение в нестандартных ситуациях, что способствует развитию субъекта труда как профессионала.

Самообразование становится необходимой составляющей непрерывного образования личности, условием ее карьерного роста и, в конечном счете, условием прогрессивного развития общества.

Литература:

1. Алиева, С.В. Самообразование как фактор профессионального становления и развития менеджера / А.В. Алиева, В.А. Баранова // Вестник экспертного совета. – 2017. – №3 (10). – С. 75-79.
2. Тоффлер Э. и Х. Создание новой цивилизации. Политика Третьей Волны / Э. и Х. Тоффлер. – Новосибирск, 1996.
3. Субетто, А. Неклассическая социология: сущность, основания возникновения и развития / А. Субетто // Социология на пороге XXI века. - М., 1999. - С.27-28.
4. Зборовский, Е. Г. Самообразование как социологическая проблема / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина // Социологические исследования. – 1997. – № 10. – С. 78–87

Крошилин С.В., Медведева Е.И.

Оценка кадровых потребностей столичного здравоохранения

Рынок труда в области медицины специфичен не только в России, но и во всем мире. Главной его особенностью является продолжительное время подготовки профессиональных кадров, а также узкая специализация. Возможно, поэтому, даже при растущей популярности профессии врача, аналитики отмечают, что самая большая трудность при открытии частного медицинского учреждения в привлечении, а затем в удержании достойного персонала. После реформирования сферы здравоохранения, оптимизации стационаров, проекта бережливых поликлиник и других эффективных решений, трудно оценить без специальных междисциплинарных исследований, как это повлияло на рынок труда [1].

Рынок медицинских услуг остается одним из наиболее привлекательных с коммерческой точки зрения. По оценке специалистов Исследовательского агентства *BusinesStar* структура оборота медицинского рынка в России в 2018 году превышает 3 триллиона рублей, причем на легальную коммерческую медицину отводится чуть меньше половины миллиарда рублей. Добровольное медицинское страхование – 150 млрд. руб.; ОМС – 1,7 трилл. руб. (см. рис. 1) [2].

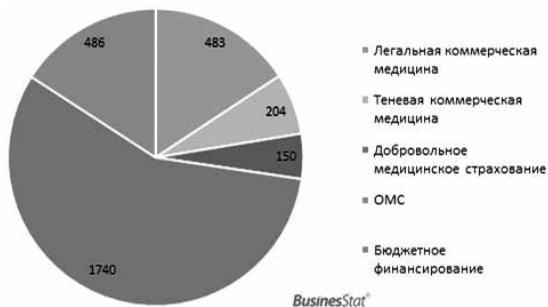

Рис. 1. Структура оборота медицинского рынка в России в 2018 г., млрд. руб.

Источник: Анализ рынка медицинских услуг: аналитические отчеты [Электронный ресурс] [2]

Другие аналитики более скромно оценивают российский рынок. Например, аналитический портал Medvestnik.ru считает, что за период 2012-2015 годов рынок частной медицины увеличился на 62% со средневзвешенным темпом роста в 15%. В 2017 было отмечено снижение до 5%. Еще меньшие темпы роста демонстрирует рынок ДМС: 4-7% за последние 2 года. И, согласно последним прогнозам, аналогичный уровень будет фиксироваться в 2017-2019 гг. [3]

Рис. 2. Объем рынка медицинских услуг в РФ, 2012-2021 гг., млрд. руб.
Источник: Сухов Д.Р. От общего к частному [Электронный ресурс]

Вообще рынок медицинских услуг можно разделить на 4 блока: государственный сегмент (ОМС и бюджетные средства), легальную коммерческую медицину, ДМС и теньевую медицину. Доля сегмента легальной коммерческой медицины в общем объеме рынка составила в 2016 году 17,1%. К 2020 году прогнозируется рост доли до 20,1%. Происходить это будет главным образом за счет увеличения стоимости медицинского приема и притока клиентов из бесплатной медицины, где снижается качество обслуживания по ОМС.

В свою очередь доля сегмента ОМС и бюджетных средств в общем объеме составила 69% против 72% - в 2012 году. Согласно нашим прогнозам, этот показатель будет непрерывно снижаться, и к 2020 году достигнет 65,8%, продолжится тенденция оптимизации государственных медучреждений и персонала, хотя в то же время абсолютные показатели сегмента ОМС будут продолжать расти. Объем доли ДМС составил в 2016 году 6,2%. Через 4 года он должен вырасти до 6,6%. Произойдет это, главным образом, вследствие увеличения стоимости пакетов ДМС и внедрения более широкого набора полисов среднего ценового сегмента страховыми компаниями. В 2016 году объем рынка теневой медицины составил 7,6%. И в 2017 он остается почти на том же уровне - 7,5%. Большой потенциал стабильности теневого сектора - следствие нескольких факторов. В первую очередь, это более низкая цена на услуги по сравнению с официальными платежами через кассу, и, безусловно, доверие и лояльность пациента конкретному врачу [3].

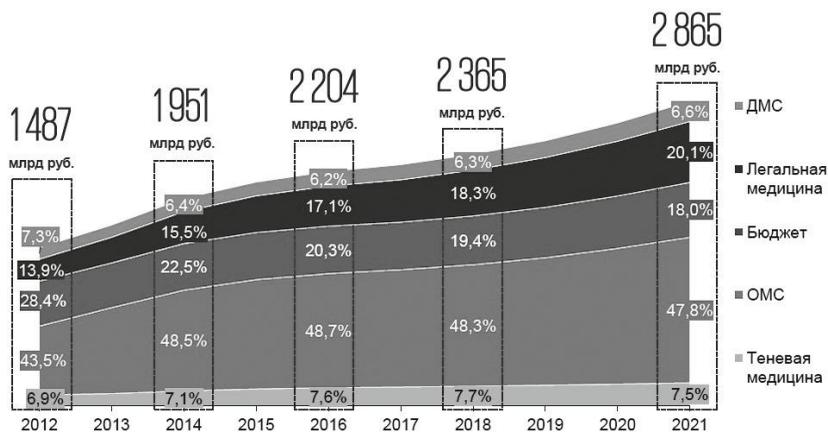

Рис. 3. Структура рынка медицинских услуг в РФ, 2012-2021 гг.

Источник: BusinesStat, анализ КППМГ

Очевидно, что при такой составляющей коммерческой медицины (1/3 от ОМС в стоимостном выражении) – эта сфера деятельности всегда будет привлекать (перетягивать) медицинский персонал (замученный

преобразованиями, оптимизацией, модернизацией, отчетностью и различными «нововведениями») из государственных лечебных учреждений в коммерческие, где создаются все условия для нормальной работы персонала.

На рынке труда в здравоохранении спрос на рабочую силу предъявляют хозяйствующие субъекты, имеющие лицензию на право осуществления медицинской деятельности. Прежде всего, это медицинские организации различных организационно-правовых форм, подведомственности и форм собственности. Объем спроса на рабочую силу зависит от количества присутствующих на рынке хозяйствующих субъектов. В условиях совершенной конкуренции численность производителей услуг зависит исключительно от динамики спроса на оказываемые услуги. В условиях несовершенной монополистической конкуренции, характерной для рынка здравоохранения, а также в силу высокой степени регулируемости рынка со стороны государства, преобладания государственной системы здравоохранения над частной, изменение количества медицинских организаций является, прежде всего, результатом внутриведомственных административно-управленческих решений и отражает готовность со стороны государства осуществлять финансирование деятельности данных организаций, выполняющих государственный заказ [4].

Более того, ситуация на рынке труда в отношении государственной системы здравоохранения, с точки зрения покупателя (государства), может характеризоваться как монополия, поскольку по сути оплата труда медицинского, административно-управленческого и прочего персонала осуществляется либо за счет средств государственного социального внебюджетного фонда обязательного медицинского страхования либо непосредственно из бюджетов федерального и регионального уровней.

Статистические данные свидетельствуют об устойчивой тенденции сокращения общего количества медицинских организаций, что является отражением политики оптимизации издержек, проводимой Министерством здравоохранения России в последние годы.

Согласно официальным данным Росстата, число больничных организаций, осуществляющих медицинское обслуживание госпитализированных пациентов, сократилось за период с 2005 по 2014 год с 9186 ед. до 5638 ед., то есть уменьшилось более чем на 40 процентов. Тенденции на сокращение продолжилась и в следующие годы и к 2017 году их стало 5,3 тыс. ед. Такое беспрецедентное сокращение лечебных заведений не могло не сказаться на сокращении численности медицинских кадров [5] (см. рис. 4).

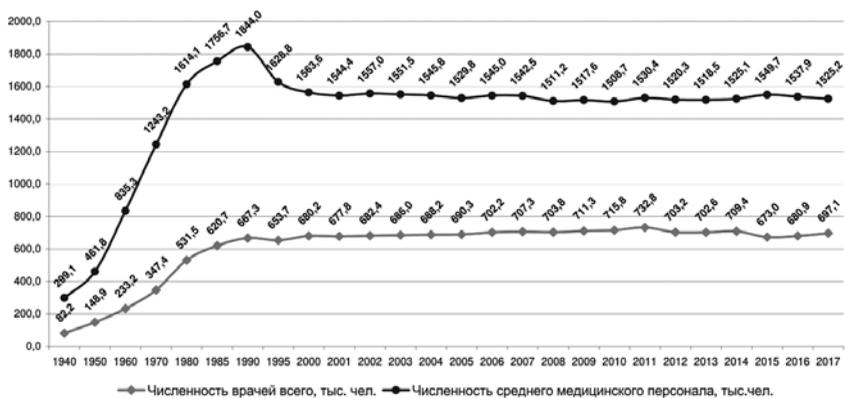

Рис. 4. Численность медицинских кадров по России, тыс. чел.

Источник: Население. здравоохранение: Официальная статистика [Электронный ресурс]/ Росстат.

Как видно из графика, численность врачей в период с 2010 по 2017 гг. сократилась с 715,8 до 697,1 тыс. чел. Менее чем за десятилетие потеряно 18 тыс. чел. врачей. Количество среднего медицинского персонала остается практически неизменным за последние 17 лет и на конец 2017 года составляет чуть более 1,5 млн. чел.

Модель оценки кадровых потребностей столичного здравоохранения предназначена для определения значений показателей прогноза баланса трудовых ресурсов. Значения показателей прогноза рассчитываются в среднегодовом исчислении с применением статистических методов, методов

экстраполяции и экспертных оценок рабочей группы по рассмотрению результатов прогноза. При оценке сбалансированности трудовых ресурсов осуществляется сопоставление их численности с суммой численности занятых в экономике и численности населения, не занятого в экономике. Величина дисбаланса трудовых ресурсов рассчитывается по формуле [6,7]:

$$D = TP - Z - H,$$

где:

D - дисбаланс трудовых ресурсов;

TP - численность трудовых ресурсов в прогнозном периоде;

Z - численность занятых в экономике в прогнозном периоде;

H - численность населения, не занятого в экономике, в прогнозном периоде [6,7].

Выбор наиболее оптимального варианта устранения дисбаланса трудовых ресурсов осуществляется рабочей группой по рассмотрению результатов прогноза.

Методика определения дефицита кадровых ресурсов здравоохранения в нашем случае может быть основана на вычислении разницы между занятыми должностями и штатными должностями. Расчеты производятся на основе данных представленных в таблицах формы №30 (Приказ Росстата № 483 Об утверждении формы от 03.08.2018, Годовая) за период 2014-2018 гг. Эта форма единственная, которая содержит числовые данные фактических штатных должностей, штатных и занятых.

Формула, согласно которой вычисляется дефицит кадровых ресурсов здравоохранения следующая:

$$D = ЗД - ШД,$$

Где:

D – дефицит кадрового резерва

ЗД – занятые должности

ШД – штатные должности [8,9].

Касательно планирования кадрового резерва существуют различные подходы.

Определение дисбаланса является одним из важнейших этапов в процессе планирования и прогнозирования кадровых ресурсов. Дисбаланс учитывает все факторы, необходимые для определения фактических кадровых потребностей организации. Некоторые организации предполагают, что спрос на рабочую силу определяет будущую потребность в кадрах, но это лишь только одна часть сложного уравнения. Разработка и применение эффективных методов кадрового прогнозирования способствует формированию высококвалифицированного кадрового состава здравоохранения [10].

Методы оценки дефицита кадровых ресурсов здравоохранения, используемые в качестве основы для составления прогнозов потребностей, сосредоточены на различных аспектах динамики кадрового резерва, включая прогнозы потребностей, предложения и спроса, производственной деятельности, развития и движения персонала, а также переподготовки специалистов.

Термин "дисбаланс" часто используется в отношении кадровых ресурсов здравоохранения. Очевидно, что дисбаланс в кадровых ресурсах здравоохранения является сложным вопросом и охватывает широкий спектр возможных ситуаций [11].

С точки зрения медицинских организаций немаловажные перемены выражаются в том, что граждане получили больше преимуществ в выборе лечебной организации. Граждане имеют право обращаться за медицинской помощью в любое медицинское учреждение, независимо от места жительства. В условиях свободного выбора медицинских организаций финансирование и заработная плата врачей тесно связаны с количеством обслуженных пациентов и достигнутой результативностью лечения.

Как показал опыт совершенствования отрасли здравоохранения, никакая деятельность по модернизации невозможна без значительного ресурсного

обеспечения, в особенности без медицинских работников. Следовательно, политика государства в области кадровых ресурсов здравоохранения, должна решать задачи по планированию, подготовке и использованию кадровых ресурсов в отрасли. Численность и структура кадрового резерва должны соответствовать направлениям реформирования отрасли.

Одним из главных стратегических направлений развития медицинских кадров является необходимость подготовки и повышения квалификации специалистов здравоохранения с учетом потребностей регионов. Высокие профессиональные знания и практические навыки медицинских кадров, эффективное распределение их потенциала окажет позитивное воздействие на иные, не менее значимые, объемные параметры здравоохранения – финансовые и материально-производственные ресурсы.

Формирование кадровой политики должно согласовываться с образовательной политикой в системе непрерывного профессионального образования и направлено на активизацию мотивации медицинских работников к повышению своей квалификации. Механизмом регулирования мотивированности труда сотрудников должно стать создание системы профессионального самоуправления и корпоративной ответственности в коллективе.

Сегодня медицинские организации вынуждены работать гибко, создавая новые системы отношений не только с партнерами по бизнесу, но и со своими сотрудниками, выработать адекватные происходящим изменениям стратегии инновационного развития кадрового потенциала, пересматривая приоритеты в инновационном развитии организации в целом. Это, в свою очередь, является причиной повышения эффективности, адаптивности и конкурентоспособности конкретного медицинского учреждения, а также системы здравоохранения в целом.

Литература:

1. Иванов Н.П., Малкина Л.В. Анализ отечественного рынка труда работников здравоохранения [Электронный ресурс] // Управлении экономическими системами. УЭКС, № 105, ноябрь 2017. URL: <http://uecs.ru/economika-truda/item/4668-2017-11-27-10-03-22> (Дата обращения: 20.04.2019)
2. Анализ рынка медицинских услуг: аналитические отчеты [Электронный ресурс] / Исследовательское Агентство BusinesStar. URL: <https://businessstat.ru/russia/services/health/medicine/?yclid=2234025179398567686> (Дата обращения: 20.04.2019).
3. Сухов Д.Р. От общего к частному [Электронный ресурс] / Медвестник – портал российского врача. URL: <https://medvestnik.ru/content/interviews/Ot-obshego-k-chastnomu.html> (Дата обращения: 20.04.2019)
4. Иванов Н.П., Малкина Л.В. Анализ отечественного рынка труда работников здравоохранения [Электронный ресурс] // Управлении экономическими системами. УЭКС, № 105, ноябрь 2017. URL: <http://uecs.ru/economika-truda/item/4668-2017-11-27-10-03-22> (Дата обращения: 20.04.2019)
5. Население. Здравоохранение: Официальная статистика [Электронный ресурс]/ Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (Дата обращения: 20.04.2019)
6. Алашеев С.Ю., Кутейнищина Т.Г. Методика среднесрочного прогнозирования кадровых потребностей экономики для формирования заказа на подготовку в региональных системах профессионального образования // Эффективные методы прогнозирования кадровых потребностей рынка труда для формирования регионального заказа на подготовку кадров: сб. докл. / предисл. А.Н. Лейбовича. – М.: Федеральный институт развития образования, 2016. – С. 48-69.
7. Дудырев Ф.Ф., Романова О.А. Международный опыт прогнозирования потребностей экономики в компетенциях и квалификациях // Эффективные методы прогнозирования кадровых потребностей рынка труда для формирования регионального заказа на подготовку кадров: сб. докл. / предисл. А.Н. Лейбовича. – М.: Федеральный институт развития образования, 2016. – С. 7-12.
8. Методы планирования и прогнозирования кадровых ресурсов здравоохранения в условиях обязательного социального медицинского страхования: Метод.рек. / Сост.: В.В. Койков, Т.Б. Турумбетова, Н.С. Жашкенова и др. Астана: Республиканский центр развития здравоохранения, 2016 – 41 с.
9. Михайлова Ю.В. Международный опыт развития медицинских кадров//Материалы Всероссийской научно-практической конференции "Научно-организационные аспекты прогнозирования, планирования и сохранения кадров в здравоохранении Российской Федерации", 21-22 мая 2013 года//Москва.
10. Михайлова Ю.В. Методика расчета потребности субъектов российской федерации в медицинских кадрах/Методические рекомендации/ Москва. - 2011.
11. Турумбетова Т.Б. Калиева М.А. Абдрахманова А.О. Методика расчета потребности в медицинских кадрах системы здравоохранения РК / Методические рекомендации/ Астана. - 2013.

Карьерные траектории медицинских работников: что влияет на уровень профессионализма?

Формирование эффективной системы современного здравоохранения невозможно без обеспечения высокого кадрового потенциала медицинских работников. Основными количественными составляющими в структуре наращивания кадровых ресурсов выступают численность, состав и соотношение сотрудников, а качественными — их профессиональные и квалификационные показатели. И если количественные индикаторы для столицы вполне отвечают высоким стандартам, то качественные характеристики требуют повышенного внимания [1].

Исходя из этого, одной из важнейших задач для современной системы здравоохранения является формирование и развитие высококвалифицированного медицинского персонала. В ходе социологического исследования «Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения», проведенного по заказу Департамента здравоохранения Москвы в период с 20 мая по 16 июля 2019 года¹ учеными были выявлены факторы, влияющие на качество оказываемой населению медицинской помощи. Эти факторы напрямую зависят от уровня профессионализма медицинских работников, и тесно связаны с их трудовыми и образовательными траекториями. Профессиональные амбиции и трудовые стратегии сотрудников здравоохранения включают в себя не только сам факт готовности к мобильности по горизонтальной или вертикальной (карьерной) линии, но и возможность повышения квалификации, получения

¹ Исследование включало анонимное анкетирование врачей и медицинских сестер 6 учреждений здравоохранения Москвы, объем выборки 551 человек, а также экспертные интервью 15 экспертов, среди которых были главврачи медицинских учреждений, подведомственных ДЗМ, руководство учреждений среднего профессионального образования, дополнительного профессионального образования и вузов, готовящих медицинских работников

дополнительных компетенций, то есть, в целом стремление стать профессионалом высокого уровня, идущего в ногу со временем [2].

От чего же зависит, по мнению медицинских работников, надлежащий уровень квалификации (профессионализма)? В ответе на данный вопрос респондентам предлагалось указать не более 3-х наиболее важных факторов (рис.1). Врачи и медицинские сестры были единодушны: именно практический опыт дает возможность стать квалифицированным специалистом (около 85%). В отношении же основного и дополнительного профессионального образования (ДПО) их мнения несколько различались. Так, врачебный персонал делал ставку на качество базового медицинского образования (хотя и усовершенствованию знаний также придавалось большое значение). Медицинские же сестры полагали, что первоначально полученное медицинское образование и повышение квалификации примерно равнозначны в формировании и поддержании надлежащего квалификационного уровня. При этом в большей мере востребованным дополнительное профессиональное обучение оказалось у врачей и медицинских сестер общей практики и участковых (2/3 респондентов этой группы).

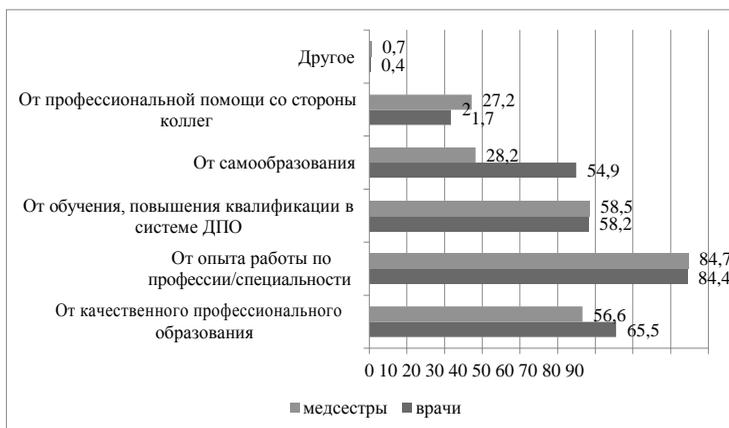

Рис.1. Распределение ответов респондентов (врачей и медицинских сестер) на вопрос: «От каких факторов зависит уровень профессионализма», %

Источник: данные выборочного анкетного опроса специалистов в организациях, подведомственных ДЗМ.

Наибольшие различия во взглядах выявились по поводу самообразования: на важность самостоятельного изучения специальной литературы, поиска публикаций с тем, чтобы компенсировать нехватку профессиональных знаний, освоения новых навыков и т.п. указали почти вдвое больше врачей, чем медицинских сестер (соответственно, 54,9% и 28,2%).

Между тем 60% тех, кто оценивали свой уровень квалификации выше выполняемой работы, указали на самообразование как на один из главных факторов на пути достижения высокой квалификационной ступени. Обращает на себя внимание и тот факт, что профессиональная помощь со стороны коллег оказалась в целом на второстепенных ролях. При опросе выяснилось, что наиболее востребована она у молодежи (42%), а также среди работающих в круглосуточных стационарах, особенно хирургического профиля.

Таким образом, для повышения качества трудового потенциала медперсонала важным представляется учет «слабых мест» и возможностей для повышения профессионализма, особенности которых будут выявлены в ходе дальнейшей работы над проектом.

Литература:

1. Ярашева А.В. Исследование кадрового потенциала московского здравоохранения // Московская медицина. 2019. № 3 (31). С. 6-11.
2. Аникин И.В., Виноградова К.В. Трудовая стратегия медсестры: материальные возможности повышения квалификации // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции (Москва, 3 декабря 2019 г.) / [Под науч. ред. А.В. Ярашевой, О.А. Александровой, Н.В. Аликперовой; технич. ред. К.В. Виноградова]. М.: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2020. - 298 с. - С. 26-29.

Коленникова О. А.

Соответствует ли система дополнительного профессионального образования запросам медиков?

Дополнительное медицинское образование, начало которому было положено еще в дореволюционное время с усовершенствования на регулярной основе военных врачей, к настоящему времени представляет собой развитый комплекс образовательных организаций с разнообразными программами повышения квалификации и переподготовки. Врачи и медсестры обязаны совершенствовать свои знания и навыки, раз в 5 лет проходя сертификацию (аккредитацию) на оказание медицинской помощи по своей специальности. Поэтому заинтересованность медперсонала в наличии возможностей повышать свой профессиональный уровень и, следовательно, в доступности и адекватности системы дополнительного профессионального образования (ДПО) в принципе имеет под собой веские основания.

На практике ситуация складывается по-разному, что объясняется различными причинами. Специалисты отмечают высокую загруженность врачебного и сестринского персонала и, как следствие, нехватку времени и сил на обучение, недостаток средств у медучреждений на качественное обучение сотрудников, отсутствие собственных средств на оплату тех или иных курсов и др. [1]. Не всегда система ДПО в полной мере отвечает потребностям медперсонала в связи с имевшими место фактами низкого качества преподавания.

В настоящее время проводится очередная модернизация системы ДПО, принципы которой утверждены в Концепции развития непрерывного медицинского и фармацевтического образования в Российской Федерации на период до 2021 года [2]. Преобразование идет в русле развития дистанционных образовательных технологий, электронного и симуляционного обучения, стажировок и др. Переход по большей части к дистанционному типу обучения связывается с принципом обеспечения

качества образовательных услуг вне зависимости от места их оказания. Переформатирование типов и моделей обучения направлено на персонафикацию дополнительной подготовки, позволяющей выбрать траекторию профессионального развития каждым медработником. В связи с этим важным представляется изучение вопросов, связанных с соответствием масштабов и характера дополнительной подготовки врачей и медсестер их требованиям.

Конкретные исследования по данной тематике проводятся, но их недостаточно. Выработке таких представлений может способствовать реализация проекта "Научно-методическое сопровождение профессионального роста специалистов и прогноз развития кадрового обеспечения государственной системы здравоохранения города Москвы (2020-2022 гг.)", проводимое исследовательским коллективом ИСЭПН ФНИСЦ РАН. Анализ проведен на основе данных анкетного опроса врачей и медсестер организаций, подведомственных Департаменту здравоохранения города Москвы, проведенного в 2019 г. (551 анкета).

В инструментарий социологического исследования закладывались современные международные принципы непрерывного профессионального образования, отраженные в Концепции непрерывного медицинского и фармацевтического образования в РФ. Анализу подлежал широкий диапазон каналов получения дополнительной подготовки: формальное образование в организациях ДПО (обучение на курсах повышения квалификации (сертификационных и тематических), в клинической ординатуре, аспирантуре, докторантуре и др.), неформальное, включающее участие в конференциях, форумах, обучение на рабочем месте (наставничество, помощь и консультации коллег) и др., а также самообразование.

В ходе анализа выяснилось, что медперсонал практически полностью охвачен теми или иными видами ДПО (см. рис. 1). Лишь 3% врачей и медсестер дополнительной подготовки за последние 5 лет не получали

(большинство - молодые специалисты не так давно получившие базовое медицинское образование).

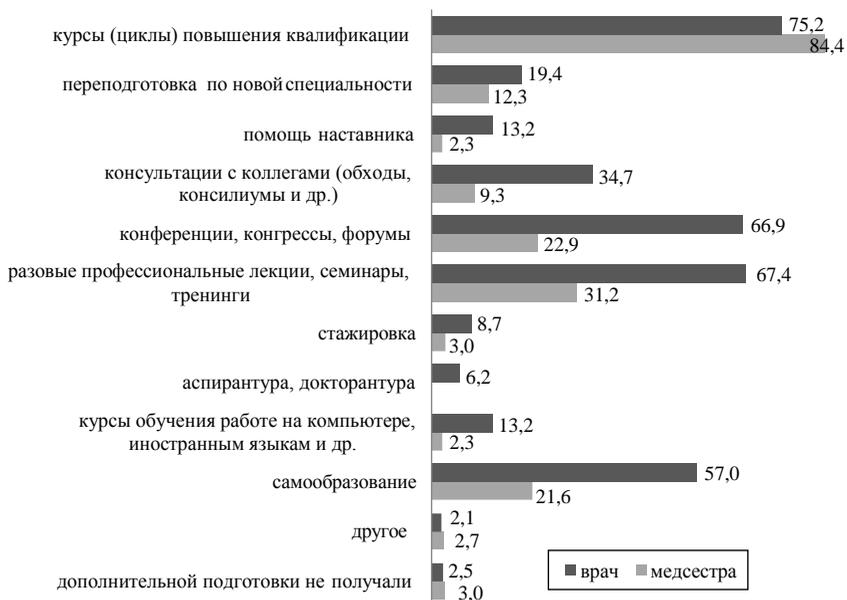

Рис. 1. Распределение респондентов-врачей и медсестер по видам дополнительной подготовки, полученной за последние 5 лет, % по группе

Источник: расчеты автора по данным анкетного опроса медперсонала в 2019 г.

Образовательный профиль врачей и медсестер существенно различается. У врачебного персонала дополнительная подготовка носит более разносторонний и комплексный характер. Помимо курсов (циклов) повышения квалификации большинство врачей участвовали в конференциях, форумах, конгрессах, семинарах, слушали профессиональные разовые лекции, проходили тренинги. Среди медсестер таких было в разы меньше. Аналогичная ситуация с самообразованием: врачей, регулярно читавших профессиональную литературу, осваивавших новые практические навыки и др., было в 2,6 раза больше, чем медсестер. Таким образом средний медицинский персонал получал дополнительную подготовку в основном по

официальному каналу, а именно обучаясь на курсах (цикла) повышения квалификации и/или проходя переподготовку по новой специальности. Несмотря на разнообразие каналов получения ДПО, оценка медиками их эффективности оказалась достаточно критической. Как видно, система ДПО в нужной мере не отвечала запросам врачей и медсестер, зачастую носила формальный характер.

В ходе опроса медработникам задавался и прямой вопрос: "Соответствовала ли полученная дополнительная подготовка (помимо самообразования) Вашим запросам?"

Рис. 2. Оценки соответствия дополнительной подготовки, полученной за последние 5 лет, запросам, % числа опрошенных

Источник: расчеты автора по данным анкетного опроса медперсонала в 2019 г.

Судя по ответам, лишь 22% врачей были полностью удовлетворены ДПО, медсестер таковых было больше - почти треть (см. рис. 2). Довольных дополнительной подготовкой в большей мере отличало не только прохождение стандартного сертификационного цикла повышения квалификации, но и обучение на курсах по отдельным узким темам (к примеру, сердечно-легочной реанимации, детской урологии, медицинского массажа), а среди врачей к тому же выше была доля занимавшихся самообразованием (62%).

Основная масса опрошенных полагала, что дополнительная подготовка соответствовала их запросам лишь в основном, подразумевая наличие тех или иных недостатков. Оказалось, что как для первой категории медперсонала

(полностью удовлетворенных ДПО), так и для удовлетворенных частично, была характерна существенная нехватка знаний в области практикуемой специальности и в других необходимых для работы вопросах (см. рис. 3).

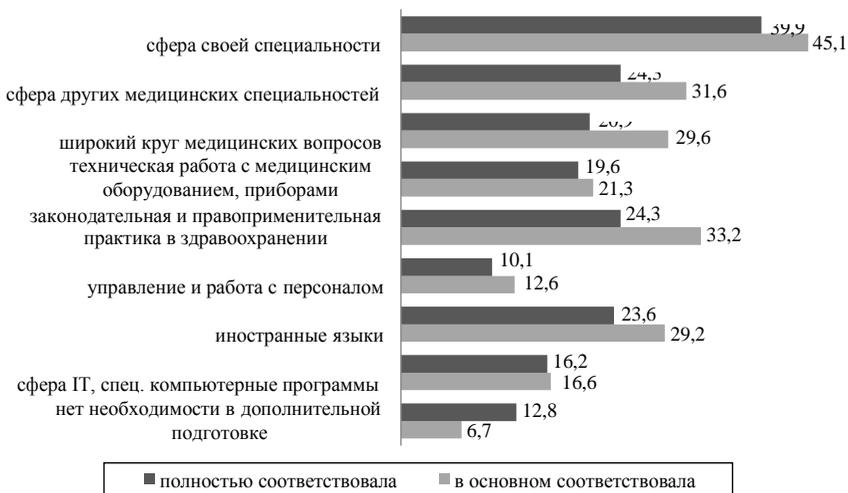

Рис. 3. Распределение респондентов-врачей и медсестер по нехватке у них знаний в зависимости от удовлетворенности дополнительной подготовкой, полученной за последние 5 лет, % по группе

Источник: расчеты автора по данным анкетного опроса медперсонала в 2019 г.

Только 9% респондентов полностью или частично довольных ранее полученной профессиональной подготовкой полагали, что пополнения знаний им не требуется. Подавляющая часть опрошенных, напротив, испытывала их дефицит. Таким образом, есть основания говорить о том, что дополнительное образование не в полной мере отвечало запросам врачей и медсестер, частично носило формальный характер.

В настоящее время происходит переход на систему обучения через портал непрерывного медицинского образования (НМО) с задействованием дистанционных технологий. Это актуализирует мониторинг влияния дополнительной медицинской подготовки на уровень квалификации и качество работы медперсонала.

Литература:

1. Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения / Под ред. Е.И. Аксеновой, О.А. Александровой, А.В. Ярашевой - М.: НИИ ОЗММ ДЗМ. 2019. - 244с.
- 2 Концепция непрерывного медицинского и фармацевтического образования в Российской Федерации на период до 2021 года. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 21 ноября 2017 г. N 926. URL: https://edu.rosminzdrav.ru/fileadmin/user_upload/documents/mz/2017/926.pdf

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.18

Комолова О. А., Ярашева А. В.

Изучение факторов, влияющих на уровень профессионализма медицинских работников

Одной из важных задач исследования кадрового потенциала учреждений здравоохранения является выявление факторов, влияющих на качество помощи, оказываемой медицинским персоналом населению. В рамках осуществленного в 2019 году научного проекта с применением качественных (экспертные интервью) и количественных (массовый опрос) социологических методов, были выявлены такие группы факторов [1]. Возможности увеличения профессиональных компетенций и навыков – основополагающая цель медицинского персонала.

Мнения экспертов – главных врачей организаций здравоохранения г. Москвы и представителей образовательных медицинских учреждений сводились к тому, что на уровень профессионализма влияет целый комплекс причин. Среди них - внутренние потребности человека, обусловленные особенностями характера, трудолюбием, целеполаганием, реализацией себя как профессионала именно в этой области, желанием помогать людям, лечить и вылечивать (*«Есть, безусловно, врачи, побуждаемые изнутри, которые хотят, стремятся, они такими родились, им это интересно, им это нужно, они будут читать литературу, быть в курсе событий»*). Но, по мнению

экспертов, таких специалистов очень важно заметить, их отдача, а, следовательно, и качество работы, повышается в разы, когда сотрудник видит заинтересованность в развитии его как профессионала. Это способствует повышению роли самого сотрудника в коллективе, в организации, повышению уверенности в себе, в своей деятельности, заинтересованности и желания развиваться, и как следствие, повышению благополучия как собственного, так и медицинского учреждения в частности, повышению престижа и имиджа клиники, что, несомненно, отвечает единой цели всех участников медицинской деятельности.

Желание повышать уровень профессионализма зависит от наличия стабильного и гарантированного оклада, как залога мотивированного труда:

«Государственные учреждения обязательно выполняют указы президента, у нас указом декларирована заработная плата определенного уровня, в государственных медучреждениях это обязательно есть. Ощущение стабильности как в материальном, так и профессиональном росте, это один из факторов мотивации».

Что касается качества образования и возможностей повышать свою квалификацию, как серьезной базы для роста профессионализма, большинство экспертов отмечало: *«Часто переподготовка мотивирует человека остаться на рабочем месте, у него здесь есть профессиональные перспективы».* Исследование показало высокий уровень доступности для столичных медицинских работников курсов повышения квалификации и переобучения в самых разных формах и на основе широкого выбора программ.

Обсуждая актуальные вопросы форм профессиональной переподготовки медперсонала, все эксперты подчеркивали необходимость и важность не только имеющейся сертификации один раз в 5 лет, но и непрерывного совершенствования. Однако, по словам экспертов, даже, понимая необходимость самообразования, не все готовы по разным причинам постоянно самообучаться: *«Есть, конечно, врачи, кто имеет много разных сертификатов, ездят по конгрессам, конференциям, в т.ч. и международным,*

но таких мало. На существующем портале непрерывного медицинского обучения, где можно регистрироваться, самому набирать баллы недостаточно хорошо все организовано. Там нужно выбирать, нет каких-то конкретных ссылок, было бы здорово, если бы была более активная информация, или, например, после регистрации по своей специальности можно было на свою почту получать извещение, потому что люди в рутине забывают и вспоминают только когда необходимо получить сертификат»; «Конечно, нужно на себя рассчитывать, но было бы хорошо получать точную конкретную информацию, как, например, у нас в московском здравоохранении есть орг. метод. отдел по лучевой диагностике. Молодым врачам проще разбираться с сайтами, регистрацией и т.д., а тем, кто постарше – сложнее, особенно когда люди работают с такой интенсивностью».

Повышение профессионализма медперсонала в части решения актуальных задач развития человеческих ресурсов, а также разработка перспектив пополнения кадрами высокой квалификации [2], зависит от множества причин и требует эффективных управленческих решений на самых разных уровнях организации здравоохранения.

Литература:

1. Развитие кадрового потенциала столичного здравоохранения. Аксенова Е.И., Александрова О.А., Аликперова Н.В., Богдан И.В., Бурдастова Ю.В., Виноградова К.В., Гурылина М.В., Дударева А.А., Коленникова О.А., Комолова О.А., Крошили С.В., Медведева Е.И., Ненахова Ю.С., Савостина Е.А., Токсанбаева М.С., Турзин П.С., Ходырева Л.А., Чистякова Д.П., Ярашева А.В. Коллективная монография. М. 2019. 244 с.
2. Ярашева А.В., Александрова О.А., Медведева Е.И., Аликперова Н.В., Крошили С.В. Проблемы и перспективы кадрового обеспечения московского здравоохранения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2020. - Т.13. - №1. - С.174-190. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.10

Жалоба пациента – какую реакцию от руководства ожидает врач?

Основной задачей любой медицинской организации является эффективное удовлетворение спроса на медицинские услуги, оказание качественной и доступной медицинской помощи детскому и взрослому населению. В решении этой задачи ключевую роль во все времена играли и продолжают играть медицинские кадры.

Репутация медучреждения для пациентов стоит на первом месте. Данный факт подтверждает статистика: 34% россиян при выборе клиники обращают внимания на репутацию врача, 21% в первую очередь оценивают рейтинг и отзывы об ЛПУ в интернете, 14% волнует репутация медучреждения, где принимает доктор. Такие выводы сделал Фонд общественного мнения после опроса 1,5 тысячи жителей нашей страны [1].

Репутация ЛПУ очень сильно страдает из-за жалоб пациентов на врачей, причем часто необоснованных. Основными причинами подачи жалобы на сотрудников медицинских учреждений считаются следующие обстоятельства: несвоевременное оказание медицинской помощи больному; ошибка врача при определении диагноза; отказ медработника в оказании помощи пациенту; халатные действия со стороны сотрудника медицинского учреждения; ошибка при назначении лекарств; ухудшение состояния больного после выполнения рекомендаций врача; врачебная ошибка при проведении операции; необоснованные расходы на лекарства, которые не были необходимы; некорректное поведение врача, грубое отношение, неаккуратность.

В последнее время участились конфликты между врачами и пациентами. Это связано, в первую очередь, с повышенными требованиями пациентов к оказанию медицинской помощи в целом. В связи с этим, перед руководителями медицинских учреждений встают важные задачи – с одной

стороны необходимо сохранить лояльность сотрудников, а с другой необходимо не потерять лояльность пациентов.

Аналитики Научно-исследовательского института Организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (НИИ ОЗИММ ДЗМ) выяснили, что социально-демографические факторы оказывают значительное влияние на восприятие медицинским персоналом необходимых мер, в случае обоснованной жалобы пациента (рис.1)

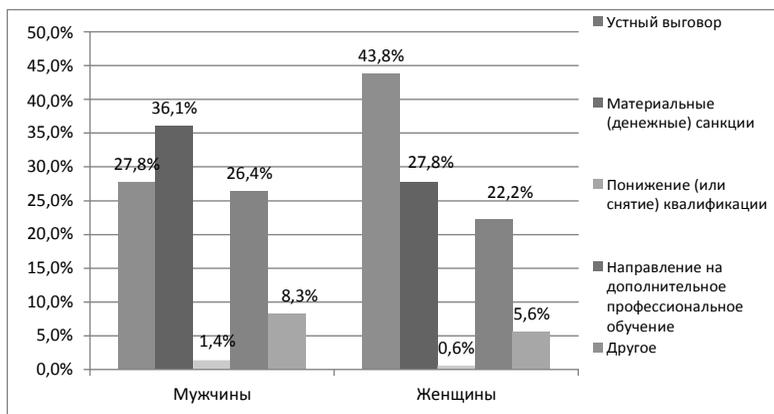

Рис. 1. Распределение респондентов-врачей по полу при ответе на вопрос: На Ваш взгляд, какая мера в отношении медицинского персонала самая действенная в случае обоснованной жалобы пациента?

При принятии решения о необходимой мере наказания в отношении врача, управленец должен иметь в виду, что почти каждая вторая женщина-врач считает, что при обоснованной жалобе пациента справедливым будет сделать только устный выговор медицинскому сотруднику, 27,8% женщин врачей считают, что справедливо будет применить материальные санкции. А вот мужчины-врачи напротив, считают, что в случае обоснованной жалобы пациента, медицинский персонал необходимо наказывать «рублем» (каждый третий респондент мужского пола отметил вариант «материальные санкции»), каждый четвёртый считает правильным сделать устный выговор.

Направить на дополнительное профессиональное обучение считают необходимым 26,4% врачей-мужчин и 22,2% врачей-женщин, применение радикальных мер, таких как понижение или снятие квалификации считает правильным только 1,4% мужчин и 0,6% женщин.

Взгляды врачей на применение различных мер при жалобах пациентов меняются и в зависимости от принадлежности к возрастным группам (рис.2).

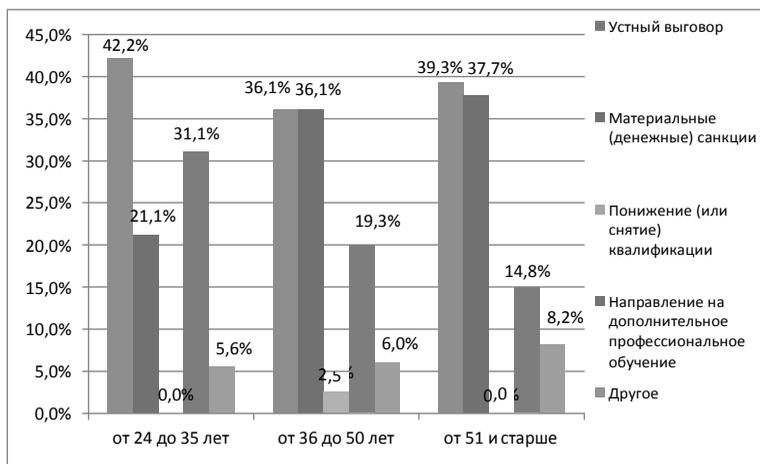

Рис. 2. Распределение респондентов-врачей по возрасту при ответе на вопрос: На Ваш взгляд, какая мера в отношении медицинского персонала самая действенная в случае обоснованной жалобы пациента?

Молодые специалисты считают, что справедливо будет сделать устный выговор или направить врача на дополнительное профессиональное обучение (42,2% и 31,1% соответственно), а вот с возрастом начинает снижаться доля тех, кто находит меру «направление на дополнительное профессиональное обучение» действенной, зато увеличивается число врачей, кто считает, что самое справедливое – это применять денежные санкции.

Безусловно, все меры наказания работников будут зависеть от самого содержания жалобы, при этом каждый вид ответственности может предусматривать как ограничения для врача и его деятельности, так и конкретные обременения, вплоть до прекращения работы, но, тем не менее при принятии управленческого решения не стоит забывать о различиях в

понимании справедливости решения у разных социально-демографических групп для поддержания в коллективе уверенности и убеждения в справедливом разрешении сложных вопросов.

Литература:

1. Как ЛПУ вернуть репутацию после жалобы пациента. URL: <https://academy-prof.ru/blog/zaloby-pacientov-na-vracheu> (дата обращения: 30.04. 2020)

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.20

Махрова О. Н., Чернова А. П.

Информационная культура в современном обществе: гендерный аспект.

Нынешний период развития общества характеризуется кардинальными изменениями в сфере взаимодействия человека и информации. Развитие информационного общества, часто именуемого «обучающимся обществом», неразрывно связано с возрастанием потребности каждого гражданина в постоянном повышении квалификации, обновлении знаний, освоении новых видов деятельности.

Возникла необходимость обеспечить адекватность образования динамичным изменениям, происходящим в природе и обществе, всей окружающей человека среде, возросшему объему информации, стремительному развитию информационно - коммуникационных технологий. Вхождение человечества в эпоху информационного общества обусловило смену устоявшегося девиза «образование на всю жизнь» новым девизом — «образование в течение всей жизни». Качественно новыми чертами, характеризующими инновационную парадигму образования, являются ориентация на развивающуюся личность, переход от репродуктивной модели образования к продуктивной, гуманистической, культурно-ориентированной;

многоукладность и вариативность образования. Важнейшей составляющей новой парадигмы образования стала идея непрерывного образования, охватывающего все формы, типы и все уровни образования, выходящего далеко за рамки так называемого формального образования.

Значительное возрастание доли самостоятельной работы с источниками информации в структуре практически любого вида деятельности человека, живущего в информационном обществе, широкое внедрение новых информационных технологий, существенно обогативших номенклатуру информационных продуктов и услуг, предоставляемых потребителям информации, — все это обуславливает необходимость владения не только традиционными профессиональными знаниями и умениями, но и заставляет осваивать методы обучения пользователей навыкам работы с информацией.

Информационная культура личности — одна из составляющих общей культуры человека; совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и информационно-коммуникационных технологий. Информационная культура является важнейшим фактором успешной профессиональной и непрофессиональной деятельности, а также социальной защищенности личности в информационном обществе [1].

В информационном обществе деятельность людей все в большей степени зависит от их способности эффективно использовать электронные информационные ресурсы. Для свободной ориентации в электронных информационных потоках современный человек должен уметь получать, обрабатывать и использовать электронные информационные ресурсы с помощью компьютера, телекоммуникаций и других средств связи.

Культура, как известно, принадлежит к числу наиболее сложных и многоликих социальных явлений, поэтому она понимается весьма неоднозначно, так как часто выступает в качестве составляющей человеческой

деятельности (культура техническая, экологическая, художественная, культура мышления и чувств, труда, обычаев и т.д.).

Информационная культура соотносится с областью информационной деятельности людей в обществе, т.е. с реализацией всей совокупности информационных процессов, используемых человеком. Таким образом, основным капиталом XXI века становится не природно-ресурсный потенциал страны, даже не финансы, а интеллектуальный (в том числе научно-образовательный, информационный и коммуникационный) потенциал и информационная культура.

Что же такое информационная культура? Информационная культура является продуктом разнообразных творческих способностей человека и проявляется в следующих аспектах:

- конкретных навыках по использованию технических средств (от арифмометра до персонального компьютера и компьютерных сетей);
- способности использовать в своей деятельности современную компьютеризированную информационную технологию, базовой составляющей которой являются многочисленные программные продукты;
- умении извлекать информацию из различных источников, как из периодической печати, так и из электронных коммуникаций, представлять её в понятном виде и уметь эффективно использовать;
- овладении основами аналитической обработки информации;
- умении работать с различной информацией;
- знании особенностей информационных потоков в своей области деятельности;
- использовании правовых актов, обеспечивающих информационные процессы;
- владении основами эргономической и информационной безопасности.

Элементами информационной культуры являются определённые требования и правила, обусловленные принципами и нормами морали, права, техническими нормами и иными обстоятельствами.

Основными принципами информационной культуры являются:

1. Комплексный подход к решению информационных проблем управления. Этот принцип исключает решение вопросов совершенствования системы управления производством на основе какой-либо отдельно взятой науки.
2. Общее упорядочение информационной системы. В процессе создания, функционирования компьютеризированных систем управления на социально-экономических объектах необходимо провести процесс упорядочения. Упорядочивается все: технология, процессы управления, структура и потоки информации, методы управления и обязанности должностных лиц.
3. Философия определяется взаимоотношением разработчиков проектов КСУ и заказчиков.
4. Поиск постоянно повторяющихся характеристик поведения людей, их взаимодействие, ритуалы, формы проявления почтительности, манеры поведения.
5. Правила игры, которые необходимо соблюдать, чтобы преуспеть в организации и на рынке.
6. Уважение прав личности, поощрение свободного обмена информацией.
7. Достаточные удобства для многочисленных и зачастую неподготовленных пользователей, общающихся с электронной вычислительной техникой в интерактивном режиме, должны быть обеспечены с учетом эргономической безопасности.
8. Обеспечение безопасности и защиты информации в компьютеризированных системах.

Всемирная паутина давно перестала быть всего лишь эффективным инструментом коммуникации, техническим инструментом удовлетворения только информационных потребностей индивида. Сегодня можно говорить об Интернете как о принципиально новой области социального взаимодействия людей, в которую не только переносятся отдельные сферы человеческой деятельности, но и генерируются новые. В Интернет-пространстве люди конструируют себя, изобретают заново свою идентичность. Всевозможные

сервисы и социальные сети позволяют создавать свою внешность, изменять возраст, пол, социальный статус, национальную принадлежность и т. д.

«Глобальная паутина» манипулирует сознанием тысяч пользователей, программирует определенное поведение людей и создает иное восприятие мира. Человек стал неотъемлемой частью сети, поэтому на сегодняшний день особенно актуальными являются исследования, посвященные виртуализации гендера в современной цифровой культуре.

Цифровая культура – феномен, во многом определяющий образ жизни, мотивацию, способы и формы коммуникации и поведения, формирующий гендерный образ, создаваемый культурными нормами данного исторического периода [2].

Формирование гендера происходит в процессе социализации, осуществляющемся главным образом через семью и образовательное учреждение «путем трансляции сформировавшихся в культуре представлений о том, как следует вести себя мальчику и девочке, юноше и девушке, какими личностными качествам должны обладать мужчины и женщины» [5]. Однако в настоящее время роль «транслятора сформировавшихся представлений» [5] взял на себя Интернет, а такие его свойства, как глобальность, массовость лишь усиливают его влияние. Именно поэтому изучение гендера в условиях цифровой культуры актуальны и необходимы для современной науки.

Интернет порождает возможности совершенно нового конструирования идентичности, что позволяет ученым определять его основное качество – «виртуальность как непрерывное конструирование образа мира и образа человека» [3]. Процесс информатизации общества повлиял даже на традиционное понимание любви. Так, «виртуальная любовь» – тип взаимоотношений, выстраиваемых в пределах цифрового пространства. Особенностью таких отношений является отсутствие телесного общения, обязательств, безграничность фантазий и т. д. «Виртуальные отношения» – освобождение от комплексов стыда, страхов, неуверенности в себе, условностей, преодоление социальных, моральных, половых ограничений,

дающее возможность быть тем, кем хочется быть, полностью реализуясь в искусственном образе [4].

Таким образом, мы наблюдаем неотвратимое влияние цифровой культуры на формирование гендера, которое приобретает уже глобальный характер, поскольку социальные сети, форумы и чаты втягивают в себя людей с разных концов земного шара, стирая границы между городами, странами и культурами.

Литература:

1. Формирование информационной культуры личности: теоретическое обоснование и моделирование содержания учебной дисциплины [Текст] / Н.И. Гендина, Н.И. Колкова, Г.А. Стародубова, Ю.В. Уленко. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2006.
2. Андреева Н. И. Формирование гендерной культуры: философско-культурологический анализ: диссертация ... доктора философских наук / Н. И. Андреева. Ростов-на-Дону: РГБ, 2006. 290 с
3. Колесникова Е. Ю. Виртуальный социум как новое пространство конструирования гендерной идентичности / Е. Ю. Колесникова // Южнороссийский форум. 2013. № 1 (6). С. 76–81.
4. Отраднова О. А. Человек в условиях изменяющейся реальности / О. А. Отраднова // Молодой ученый. 2013. № 10. С. 647–650.
5. Чернобровкина И. Г. Гендерные аспекты в анализе интернет-коммуникаций / И. Г. Чернобровкина // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: материалы 2-й Всероссийской научно-практической (заочной) конференции / под ред. М. С. Волохонской, А. В. Микляевой. Москва: СВИТ, 2012. С. 155–162.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.21

Локосов Е.В.

Тенденции развития интернет-банкинга в России

С каждым годом цифровые технологии приобретают все большее значение в экономике за счет роста использования электронных устройств и Интернета. По данным исследовательской компании «Mediascope» за период с августа 2019 г. по январь 2020 г. количество интернет-пользователей в

России составило 96 190 тыс. чел., за аналогичный период 2018-2019 гг. этот показатель был на уровне 91 623,7 тыс. чел. [1]. Коммерческие банки не являются исключением. В этой сфере также зафиксирован быстрый рост цифровизации, причем её масштабы и разнообразие направлений довольно значительны.

Любое взаимодействие в Интернете банка и клиента происходит в рамках дистанционного банковского обслуживания (ДБО). Благодаря ДБО банковской сфере удалось значительно оптимизировать бизнес-процессы и сократить издержки. Можно выделить несколько направлений развития интернет-банкинга: информационное, коммуникационное и операционное [2]. С помощью информационного интернет-банкинга клиенты могут получить всю необходимую информацию о банковских услугах. Операционное направление позволяет клиентам оплачивать счета, налоги, штрафы и совершать любые другие транзакции. Большой толчок получило коммуникационное направление. Помимо обычных услуг по начальному контакту между банковской системой и клиентом, все чаще появляются усовершенствованные каналы связи, например, чаты, где можно оспорить операцию, открыть или закрыть банковский продукт и так далее.

В России начинают активно внедряться технологии искусственного интеллекта в сфере интернет-банкинга. Одним из первых их стало внедрять ПАО «Сбербанк», позже к нему присоединились «Тинькофф Банк», «МТС Банк» и другие. Ряд банков полностью реализует свои услуги исключительно посредством цифровых каналов, их называют «цифровыми банками». Примером этой категории являются «Рокетбанк» или «Точка». Эти организации полностью перенесли свой функционал в Интернет.

Чрезвычайно интересное исследование «Internet Banking Rank 2019» [3] провело в августе 2019 г консалтинговое агентство «Marksw Webb». Прежде всего, в отчете отмечается, что большинство банков реализуют основные функции интернет-банкинга хорошо. Эта простая мысль говорит о том, что в данном направлении ДБО находится близко к своему «потолку», банкам

остается только оттачивать механизмы решения этих базовых задач для клиентов. Активная работа в 2019 г. велась по улучшению интерфейса интернет-банков, добавлению новых платежных функций и услуг, например, дистанционному обмену документацией между клиентом и банком.

Важным нововведением стало создание торговых площадок на базе существующей инфраструктуры. Так, сразу несколько банков предлагают услуги по открытию брокерского счета и инвестированию в компании и фонды в своих цифровых офисах, услуги по страхованию, сервисы для ведения бизнеса и пенсионного обслуживания. Также улучшается пользовательский опыт в сфере кредитования, выдача кредита онлайн стала для пользователя привычной операцией.

С постепенным развитием информационных технологий системы ДБО постоянно менялись и совершенствовались. На сегодняшний день выбор клиентов банка стал во многом исходить именно из наполняемости и функциональности ДБО. Уровень развития интернет-банкинга является важным фактором, влияющим на рост клиентской базы. С другой стороны, подавляющее большинство пользователей зависимы от привычного набора услуг, предоставляемых системами интернет-банкинга, например, денежные переводы или оплата квитанций.

Требования к системам ДБО также растут. К минимальному перечню базовых критериев современного интернет-банкинга можно отнести многофункциональность, простоту, высокую производительность, мультиплатформенность, безопасность. Система должна быть доступна и понятна любому клиенту, вне зависимости от возраста и уровня финансовой грамотности.

Последнее время именно многофункциональность становится главным критерием ориентированности банков на клиента. В данном контексте у этого термина нет точного определения, но есть синонимы: универсальный, гибкий, разнообразный и т. д. Именно этим качествам должен соответствовать интернет-банкинг, если намеревается наращивать свою клиентскую базу.

Современная система ДБО должна ориентироваться на технологичность, подразумеваемая под этим автоматизацию предоставления банковских услуг и их надлежащее качество.

Несмотря на большой потенциал развития систем ДБО в региональных банках, они не спешат совершенствовать эти системы, лишь несколько организаций активно продвигают свою продукцию в этой сфере. В небольших населенных пунктах информация о подобных услугах не так распространена и доступ к ним зачастую труден, да и сами банки не всегда заинтересованы в развитии ДБО.

Тем не менее, классические банки будут вынуждены развивать свою «электронную» отрасль в борьбе за клиента. Привлекательность банка все больше зависит от информационных технологий, а межбанковская конкуренция способствует развитию обслуживания в этой отрасли в целом.

Литература:

1. Mediascope WEB-Index. [Электронный ресурс]. Доступно по ссылке: <https://webindex.mediascope.net/research> (дата обращения 28.04.2020)
2. Дмитриева Г.С. Цифровые технологии в банковском секторе экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 1 (121). – С. 49-53.
3. Marksw Webb Internet Banking Rank 2019. [Электронный ресурс]. Доступно по ссылке: <https://markswwebb.ru/report/internet-banking-rank-2019/#best-digital-office> (дата обращения 28.04.2020)

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.22

Белехова Г. В.

Финансовая грамотность молодой семьи: проблемы и решения

В рамках реализации проекта РФФИ № 18-010-00919 «Повышение финансовой грамотности как фактор снижения социально-экономических рисков для населения» было установлено различие уровня финансовой грамотности по демографическому статусу населения (т.е. при

одновременном учете возраста, семейного положения, наличия детей). Более высокие значения сводного индекса финансовой грамотности наблюдаются в «семейных группах», а именно в семьях лиц среднего возраста с детьми и без детей, семьях лиц молодого возраста с детьми. Самое низкое значение индекса - в группах молодых одиноких людей с детьми и без детей, а также в группе лиц старшего возраста без детей. Однако высокие расчетные оценки вовсе не означают отсутствие проблем в управлении личными финансами.

Для молодой семьи (возраст одного из супругов не превышает 30 лет) без детей с точки зрения материального благополучия и финансовой устойчивости первостепенное значение имеет решение таких задач, как улучшение жилищных условий, создание подушки безопасности на случай непредвиденных обстоятельств, организация совместного быта и досуга.

В ходе исследования были определены *основные проблемы финансового поведения и финансовой грамотности молодых семей без детей*:

1) сложности в ведении семейного бюджета:

– только 15% ведут бюджет полностью или частично, остальные (85%) либо осуществляют «ментальный» учет, т.е. не ведут регулярного учета, но в целом представляют, сколько получили и потратили за месяц (46%), либо редко оценивают свои доходы и расходы (9%), либо совсем не ведут семейный бюджет (30%),

– большая часть (57%) не имеет «резервного фонда», которого хватило бы на 3 месяца жизни в случае потери дохода,

– основная часть (70%) сталкивается со сложностями при оплате текущих счетов и расходов (60% испытывают некоторые трудности, 10% – чрезвычайные сложности);

2) ошибки в понимании и использовании кредитных средств:

– большая часть (52%) плохо разбирается в условиях кредитного договора: 44% называют не все условия, 6% не смотрят условия кредита, т.к. мало в этом понимают, а 2% – т.к. не доверяют банку;

– более трети (37%) не понимают кредитных обязательств: в случае отзыва лицензии у банка, 18,5% считают, что кредит потребуют погасить досрочно, еще 18,5% считают, что кредит не нужно будет погашать;

– основная часть (73%) неверно рассчитывает сумму кредита;

– 10% допускают возможность просрочки выплат по кредиту;

– треть (31%) считает, что ежемесячные выплаты по кредитам могут составлять 50% и более от месячного семейного бюджета;

3) проблемы не только с распознаванием финансовым пирамид, но и с такими обыденными действиями, как использование банковских карт и выбор финансовых услуг:

– 55% не указали правильные признаки финансовой пирамиды,

– 7% считают, что договора по финансовым услугам можно подписывать не читая, полагаясь на слова продавца,

– треть (33%) никогда или лишь иногда сравнивают условия предоставления финансовых услуг перед их приобретением,

– плохо распознают случаи небезопасного обращения с банковской картой: назвали небезопасными покупку на непроверенных интернет-сайтах только 54%, использование банкомата с подозрительными деталями 43%, отказ от звонка в банк при потере карты для ее блокировки 40%.

Последствия подобных проблем могут быть разнообразными.

Отсутствие «резервного фонда» в случае непредвиденных трат или потери стабильного дохода может угрожать финансовой независимости семьи. Отказ от ведения бюджета и, как следствие, плохое представление об активах семьи могут быть причиной того, что семьей не используется некое имущество, которое может приносить доход. Непонимание важности всех условий кредитного договора, ошибки в предварительных расчетах суммы кредита и ежемесячного платежа, предрасположенность к пропуску платежей повышают вероятность закредитованности, необходимости оплаты пеней и штрафов по просроченным кредитам, а также ухудшают кредитную историю семьи и могут осложнить получение новых кредитов. Поверхностное

ознакомление с договором финансовой услуги может привести к выбору не самого выгодного предложения, а также упущению из внимания важных сведений о штрафах, порядке продления договора, условиях досрочного снятия денег или возврата займа. Неоправданно рискованное использование финансовых инструментов (вложение денег в сомнительные схемы, пренебрежение правилами безопасного использования карт и проч.) являются прямой угрозой потери денежных средств.

Исходя из обнаруженных закономерностей можно подобрать те мероприятия, которые следует использовать в деятельности по повышению финансовой грамотности молодой семьи без детей. Первоначально следует *научить семью составлять и понимать семейный бюджет*. В этом поможет соблюдение базовых правил: начать вести учет доходов и расходов в удобной форме (причем первые три месяца без изменения потребительских привычек), сохранять чеки и регулярно заносить расходы, анализировать бюджет (для поиска лишних трат и скрытых активов), затем сформировать «резервный фонд» и освоить финансовое планирование. При этом молодая семья может использовать разнообразные приложения для смартфонов и компьютеров по ведению семейного бюджета.

Снижение рисков закредитованности для молодой семьи возможно обеспечить не только за счет обучения супругов алгоритму выбора кредитного предложения, но и информированию о специальных возможностях и программах для данной категории населения. Например, льготный кредит молодым специалистам в рамках ФЦП «Жилье для российской семьи»; получение льготных условий кредитования для медицинских работников молодого возраста или начинающих учёных и др.; возможность получения отсрочки кредита по беременности и родам, если это предусмотрено условиями договора с банком (согласно ст. 421 ГК РФ). Также необходимо информировать о тех действиях, которые молодая семья может предпринять в случае серьезных финансовых затруднений и невозможности вовремя

произвести выплаты: ипотечные каникулы, отсрочка платежей на несколько месяцев (кредитные каникулы), реструктуризация долга, рефинансирование.

Для предотвращения случаев небезопасного использования финансовых инструментов или вложения в сомнительные схемы следует информировать как о признаках финансовых пирамид, мошеннических схем и правилах безопасного использования банковских карт, так и о действиях, которые нужно предпринять, если ошибки все же были допущены (к кому обращаться, какие документы иметь при себе).

Комплексная работа по выделенным проблемным аспектам финансового поведения и финансовой грамотности, наряду с информацией по оптимизации доходов и расходов, должна учитывать поведенческие особенности молодой семьи и преподноситься в виде персонализированных решений.

Литература:

1. Белехова Г.В., Калачикова О.Н. Социально-демографическая специфика финансовой грамотности населения (на примере регионов СЗФО) // Сборник материалов V Международной научно-практической конференции «Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы», г. Москва, 3 декабря 2019 г. – М.: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2020. – С. 29-34.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.23

Болдырев А. С.

Реализация целевых показателей государственной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь»: промежуточные итоги

Демографическая политика, служащая для обеспечения устойчивого развития, является ключевым условием устойчивого социально-

экономического развития страны из-за масштабности демографических процессов, охватывающих все социальные группы и слои общества.

На данный момент документом, утверждающим приоритетные направления государственной демографической политики для Беларуси, является государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016 – 2020 годы [1].

Этой программой для оценки эффективности её реализации предусмотрено 7 целевых показателей: ожидаемая продолжительность жизни; коэффициент младенческой смертности; детская смертность от 0 до 18 лет; суммарный коэффициент рождаемости; коэффициент смертности трудоспособного населения; смертность от случайных отравлений алкоголем; миграционный прирост.

Приведенные в данной работе целевые значения на 2020 год взяты из указанной выше государственной программы; в качестве оцениваемого промежуточного результата анализируются данные за 2018 год (Таблица 1).

Таблица 1.

Промежуточные результаты демографической политики Республики Беларусь

Наименование показателя	Целевые значения (2020 г.)	2018 г.				
		Республика Беларусь	Город	Село	Мужчины	Женщины
Ожидаемая продолжительность жизни, л.	74,6	74,5	75,6	71,0	69,2	79,4
Младенческая смертность, ‰	3,4	2,5	2,3	3,1	–	–
Детская смертность от 0 до 18, чел./10 000	0,5	28,1	25,5	37,9	34,6	21,2
Суммарный коэффициент рождаемости	1,75	1,44	1,25	2,90	–	–
Смертность трудоспособного населения, ‰	3,8	5,7	4,71	9,92	8,76	2,34

Продолжение таблицы

Смертность от случайных отравлений алкоголем, чел./100 000	10,6	15,6	12,2	27,8	26,8	5,7
Миграционный прирост, тыс. чел.	70,0	9,3	–	–	5,8	3,5

Источник: Демографический ежегодник Республики Беларусь (стат. сб.)

Как видно из таблицы 1, ожидаемая продолжительность жизни в Республике Беларусь на 2018 год составляла 74,5 года. При этом нельзя не отметить значительный, 10,2 года, разрыв в ОПЖ между мужчинами и женщинами (ОПЖ у мужчин - 69,2 лет; у женщин - 79,4 лет). Отчасти, разница между ожидаемой продолжительностью жизни у мужчин и женщин в РБ обуславливается различием их социальных ролей в обществе. Немаловажен и тот факт, что мужчины реже, чем женщины обращаются за медицинской помощью и часто слишком безразлично относятся к состоянию собственного здоровья.

Низкий уровень младенческой смертности — один из ключевых показателей эффективности сферы здравоохранения. По данным ВОЗ, уровень младенческой смертности в Беларуси является одним из самых низких в Европейском регионе. Для сравнения [3], даже в таких экономически развитых странах, как Дания, Германия или Франция коэффициент младенческой смертности превышал белорусский (3,7‰, 3,2‰ и 3,2‰ соответственно) [3]. В 2018 году этот показатель для Беларуси составил всего 2,5‰. Несмотря на то, что коэффициент младенческой смертности находится на отметке ниже целевого значения (3,4‰), на ближайшие годы необходимо приложить усилия по сокращению уровня младенческой смертности в сельской местности.

Ещё одним целевым показателем программы является уровень детской смертности в возрасте от 0 до 18 лет. В 2018 году этот показатель составил 28,1 чел. на 10 000 чел., что существенно ниже целевого значения (40,5 чел. на 10 000 человек). Основопологающей задачей на ближайшие годы станет

снижение детской смертности в сельской местности, т.к. здесь рассматриваемый показатель всё ещё находится на опасной отметке в 37,9 чел. на 10 000 чел.

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) является одним из самых важных показателей, т.к. характеризует не только уровень рождаемости, но и воспроизводство населения. Для простого замещения поколений, когда численность населения остаётся неизменной, СКР должен равняться 2,1 рождений на одну женщину.

Из таблицы 1 видно, что даже при достижении целевого показателя к 2020 году (1,75), в РБ не будет обеспечено даже простого замещения поколений. При этом в 2018 году суммарный коэффициент рождаемости составил всего 1,44. Справедливости ради, стоит отметить, что снижение СКР является общемировой тенденцией. Республика Беларусь не является в этом смысле исключением. Для страны так же, как и для всего мира характерен более высокий уровень СКР в сельской местности: в 2018 году на одну женщину в городе приходилось 1,25 рождений, в сельской местности этот показатель достиг 2,9 рождений.

Несмотря на то, что финансовое стимулирование продолжает оставаться одним из главных инструментов для регулирования рождаемости, его эффективность постепенно снижается. Кроме материальной поддержки для семей с детьми необходимо осуществлять и другие программы – социального развития, повышения возможностей трудоустройства, непрерывного образования, льготного кредитования, снижения налогообложения и т.д.

Как уже было отмечено ранее, мужская «сверхсмертность» является одной из главных проблем демографической безопасности Республики Беларусь. В 2018 году смертность населения в трудоспособном возрасте составила 5,7‰ при целевом показателе в 3,8‰. Проанализировав таблицу 1, можно выяснить, за счёт каких групп населения данный показатель превышает целевое значение. Во-первых, это высокая смертность среди мужского населения (превышение над женской смертностью почти в 4 раза: 8,76‰

против 2,34%). Во-вторых, высокая смертность населения трудоспособного населения в сельской местности, более чем в 2 раза превышающая смертность в городской среде (9,92% против 4,71%).

Ещё одной важной проблемой белорусского общества, напрямую связанной с рассмотренным выше явлением «сверхсмертности», является высокая смертность населения от случайных отравлений алкогольной продукцией. В государственной программе целевое значение, на которое необходимо выйти к 2020 году, принято равным 10,6 чел. на 100 000 чел. В 2018 году этот показатель составил 15,6 чел. на 100 000 чел., то есть, превысил целевое значение в 1,5 раза. Приоритетным направлением в решении данной проблемы является сокращение высокой смертности от случайных отравлений алкоголем среди сельского населения. Разница в данном показателе между городской (12,2) и сельской (27,8) местностью весьма существенна. Также значителен разрыв между этими показателями для мужского (26,8) и женского (5,7) населения.

Смертность населения в трудоспособном возрасте оказывает негативное влияние на экономику, так как представляет собой потери человеческого капитала, накопленного в виде высокого уровня образования, значительного объема знаний, умений и навыков, необходимых для устойчивого социально-экономического развития страны. Поэтому для решения этой проблемы необходимо внедрять профилактические меры для поддержания здорового образа жизни, пропагандировать важность контроля собственного здоровья, снижать уровень потребления табачной и алкогольной продукции.

В условиях сокращения населения путём естественного движения крайне актуальными остаются вопросы, связанные с миграционными процессами. В 2018 году миграционный прирост составил 9,3 тыс. чел. С одной стороны, после критически низкого показателя 2017 года [4], когда в результате миграционного обмена население страны увеличилось всего на 3,8 тыс. чел., ситуация стала улучшаться. С другой стороны, отметка в + 10 тыс. мигрантов для такой страны как Беларусь, которая в 2018 году в результате

естественного движения потеряла порядка 26,1 тыс. чел., является недостаточной. Увеличения миграционного прироста до целевого значения, закрепленного в государственной программе на отметке в + 70 тыс. человек за год, с высокой долей вероятности не произойдет.

Поскольку основной причиной для осуществления миграции является экономическая, то приоритетным направлением в разработке мер, направленных на привлечение человеческих ресурсов в страну, должно стать создание благоприятного экономического климата: развитие рынка труда, повышение заработной платы, социальной и правовой защищенности и инвестиционной привлекательности бизнеса.

Литература:

1. Об утверждении Государственной программы "Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь" на 2016 – 2020 годы: Постановление Совета Министров РБ от 14.03.2016 № 200 // ЭТАЛОН-ONLINE [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
2. Демографический ежегодник Республики Беларусь (стат. сб.) // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2019. – 443 с.
3. Inter-agency Group for Child Mortality Estimation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://childmortality.org/> (дата посещения 27.03.2020).
4. Основные итоги миграции населения Республики Беларусь (стат. сб.) // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2017. – 65 с.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.24

Нацун Л. Н.

Половозрастная структура инвалидов в регионах европейской части России

Нарастание доли инвалидов в составе российского населения протекает в русле общемировой тенденции, обусловленной процессом демографического старения [1]. В то же время, исследователи указывали на существование региональной дифференциации здоровья [2], инвалидизации населения [3] и темпов демографического старения [4]. В данном

исследовании мы остановились на рассмотрении половозрастной структуры континента инвалидов в регионах, принадлежащих Европейской части России (далее ЕЧР). В совокупности будут рассматриваться данные по 47 субъектам Российской Федерации. В случае, если параметры инвалидизации населения в регионах ЕЧР окажутся сходными, обобщённые данные по этой территории можно будет сопоставлять с данными по другим территориям Российской Федерации. Информационную базу исследования составили статистические данные, представленные в информационной системе «Федеральный реестр инвалидов» по состоянию на 01.03.2020 года.

Для распределения субъектов ЕЧР в зависимости от сходств и различий инвалидизации населения был проведён иерархический кластерный анализ (метод межгрупповой связи, мера сходства – квадрат евклидова расстояния). В качестве анализируемых параметров рассматривались доля женщин среди взрослых инвалидов, доля лиц в возрасте старше 60 лет среди взрослых инвалидов, доля молодёжи (18–30 лет) среди взрослых инвалидов, доля инвалидов среди детей (все показатели были взяты в долях единицы, в связи с чем их стандартизация не проводилась).

Проведённый кластерный анализ позволил распределить регионы ЕЧР по трём основным типам (табл. 1). Первый тип отличает наиболее высокая доля лиц старше 60 лет (75%), а также наиболее ярко выраженное преобладание женщин среди взрослых инвалидов (65%). К нему были отнесены только город Санкт-Петербург и Белгородская область. В третьем кластере, напротив, наблюдается самая низкая доля пожилых среди инвалидов (53%) и практически гендерный паритет (51% женщин среди инвалидов). В то же время, данный кластер отличает чуть более высокая инвалидность детского населения (3%) и заметно более высокая доля молодых людей среди взрослых инвалидов (6%). Большинство регионов ЕЧР продемонстрировали заметное сходство параметров инвалидизации населения, сформировав второй кластер. Для него характерно преобладание женщин в составе взрослых инвалидов

(56%), значительная доля пожилых инвалидов (65%) и низкие показатели детской инвалидности (2%).

Таблица 1.

Типология субъектов РФ, расположенных в ЕЧР, по характеристикам контингентов инвалидов

Тип	Характеристики (средние значения, в %)	Перечень субъектов РФ
1	Доля женщин среди взрослых инвалидов – 65 Доля пожилых (старше 60 лет) инвалидов – 75 Доля молодёжи (18–30 лет) среди инвалидов – 3 Доля инвалидов среди детского населения – 2	г. Санкт-Петербург, Белгородская обл.
2	Доля женщин среди взрослых инвалидов – 56 Доля пожилых (старше 60 лет) инвалидов – 65 Доля молодёжи (18–30 лет) среди инвалидов – 4 Доля инвалидов среди детского населения – 2	Оставшиеся 16 субъектов ЦФО и 8 субъектов СЗФО; 5 субъектов ЮФО, 12 субъектов ПФО
3	Доля женщин среди взрослых инвалидов – 51 Доля пожилых (старше 60 лет) инвалидов – 53 Доля молодёжи (18–30 лет) среди инвалидов – 6 Доля инвалидов среди детского населения – 3	Курская обл., Респ. Калмыкия

Сокращения: ЦФО – Центральный федеральный округ, СЗФО – Северо-Западный федеральный округ, ЮФО – Южный федеральный округ, ПФО – Приволжский федеральный округ.

Источник: рассчитано по данным ФИС ФРИ на 01.03.2020 г. (<https://sfri.ru/analitika/chislennost>)

Таким образом, проведённый анализ позволяет утверждать, что для большинства регионов ЕЧР наблюдаются сходные параметры инвалидизации населения. В Санкт-Петербурге и Белгородской области наблюдается более высокая доля пожилых инвалидов, что может быть связано в целом с более высокой долей пожилых в составе населения. Низкие показатели детской инвалидности, в свою очередь, могут быть обусловлены лучшим качеством медицинского обслуживания населения. Действием тех же факторов (демографической структуры населения, качеством регионального здравоохранения) могут быть обусловлены более высокие показатели инвалидности среди детей, и более низкая доля пожилых инвалидов в Курской области и Республике Калмыкии. В перспективе планируется рассмотреть региональные особенности инвалидизации населения ЕЧР в динамике, а также провести сравнительный анализ параметров инвалидизации населения ЕЧР и других территорий страны для выявления возможного влияния

географического фактора на половозрастную структуру контингентов инвалидов.

Литература:

1. Барсуков В.Н. От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 167–182. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.11
2. Иванова А.Е., Павлов Н.Б., Михайлов А.Ю. Тенденции и региональные особенности здоровья взрослого населения России // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. № 3 (19). С. 25.
3. Кулагина Е.В. Профиль инвалидности: демографический и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 11 (434). С. 103-119.
4. Доброхлеб В.Г. Старение населения России: региональный аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 4 (44). С. 4.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.25

Хакамура Н.

Создание инклюзивного общества в Японии

1. Глобальные тенденции в отношении инвалидов и правовое развитие Японии

На 61-й пленарной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2006 году была принята Конвенция о правах инвалидов, а в 2007 году аналогичную Конвенцию, которая вступила в силу в 2008 году, подписала и Япония. В статье 1 «Цель» указано, что цель Конвенции заключается в поощрении, защите и обеспечении прав и основных свобод инвалидов, а также в поощрении уважения присущего им достоинства. Для исполнения этой цели, необходимым и надлежащим условием считается изменение и корректировка социальной структуры для обеспечения того, чтобы все права и основные свободы инвалидов соблюдались наравне с другими членами общества. Большое внимание также уделено «Разумному Приспособлению» (далее - РП) инвалидов в обществе, которое не позволит налагать на них

несбалансированную или чрезмерную нагрузку. Отрицание «РП» – это признак «дискриминации по признаку инвалидности» (статья 2 Конвенции). Кроме того, статья 4 японского Основного Закона об Инвалидах гласит: «во избежание несоблюдения положений закона необходимо обеспечить РП». Следует также отметить, что «Закон о содействии ликвидации дискриминации по причине инвалидности», который был принят в Японии в апреле 2016 года, ставит своей целью становление «инклюзивного общества», в котором люди с ограниченными возможностями могут жить наравне с окружающими при условии наличия «РП». Этот закон налагает запрет на дискриминационное обращение по признаку инвалидности и вменяет административным организациям и частным компаниям обязанность по обеспечению «РП» инвалидов.

В последних мировых и внутрияпонских тенденциях социальной ситуации для людей с ограниченными возможностями можно выделить два ключевых слова: «РП» и «инклюзивное общество». Что они значат? Рассмотрим эти понятия на примере Японии. Кабинет министров опубликовал в Интернете информационные материалы о «РП» [1], чтобы усилить общественное понимание этого фактора, но, тем не менее, в школьной среде и особенно в организациях растёт путаница относительно того, какие именно меры принимать и что соответствует понятию «РП».

Как же можно охарактеризовать «инклюзивное общество», к которому должна стремиться Япония? И какой «РП» следует окружить людей с ограниченными возможностями? Следует отметить, что наблюдается некоторое улучшение ситуации благодаря усилиям правительства. Например, «Опрос общественного мнения об инвалидах» который проводится раз в пять лет Кабинетом министров, показывает, насколько идея «инклюзивного общества» проникла в общество и насколько общество о ней информировано¹.

¹ Объектом опроса являлись граждане Японии, которым исполнилось 18 лет (в опросах до 2012 года - от 20 лет), объем выборки составляет 3000. Коэффициент ответов составляет около 60% каждый год.

За последние 10 лет (с 2007 по 2017 год) число ответов «знаю» выросло с 40% до 47%, а «не знаю» снизилось с 39% до 34%. Остальные респонденты «слышали это слово». Что касается принятия концепции «инклюзивного общества», процент респондентов «полностью согласных / скорее согласных» увеличился с 85% до 88%, около 9% - «не согласны / скорее нет» и 7% опрошенных затруднились ответить.

Следует отметить, что 1/3-1/4 респондентов ответили, что они никогда не помогали инвалидам. Для почти 80% из них причиной стало отсутствие такой возможности или случая, но при этом более 10% ответили: «не знал(а) как себя вести / что делать». Остальная часть опрошенных когда-либо чем-то помогали инвалидам, при этом процент помощи, «связанной с работой», увеличился с 19% в 2007 году до 30% в 2017 году. Это, вероятно, свидетельствует о том, что люди с ограниченными возможностями все больше социализируются и выходят на рынок труда. Хотя сейчас не часто можно встретить людей с ограниченными возможностями, следует понимать, что такие люди живут с нами в одном обществе и нам важно знать их потребности, поскольку это даст каждому из нас возможность подумать о собственном вкладе в создание «инклюзивного общества». Далее мы рассмотрим вопрос о «РП» инвалидов со стороны их окружения (персонала и коллег) на их школьного образования и трудовой среды.

2. «Разумное приспособление» в образовательной и трудовой среде

2-1. Нарушение «Разумного приспособления» в школьном образовании

Начиная с детского сада, в начальных, средних и старших школах формируются определенные меры поддержки, которые предоставляются каждому ребенку-инвалиду в сотрудничестве с преподавателями и персоналом. Согласно «Исследовательскому отчету о современном состоянии системы инклюзивного образования» Национального исследовательского

Пример «рациональной опеки»

- Помещение без барьеров
- Наличие учителей с соответствующим опытом
- Наличие персонала для помощи в мобильности, повседневной жизни и обучении.
- Обеспечение медицинским персоналом
- Корректировка учебной программы в зависимости от состояния инвалида
- Учет вида инвалидности при организации поддержки.

Источник: сайт Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий.

института образования детей с особыми потребностями¹ в 2016-2017 годах, около 80% опрошенных старших школ имеют учащихся с медицинским диагнозом, свидетельствующим о неполноценности. В отчете спрашивается: «Есть ли у вас возможность обсуждать «РП» с самими учащимися с ограниченными возможностями?» В начальных школах ответ «Да» составлял 60,1%, «На их усмотрение»-19,9% и «Нет»-19,9%, в средних школах порядок тот же - 68,6%,

16,3% и 15,2%, а в старших - 55,4%, 16,3% и 28,3%. Т.е. более половины учащихся начальных и средних школ и около половины старших школьников имеют систему, позволяющую обеспечить «РП» учащихся. Также в «Отчете об исследовании реакции на Закон о ликвидации дискриминации людей с ограниченными возможностями 2018 года²» описаны комитеты, ответственные за рассмотрение вариантов поддержки студентов университетов, которые выразили потребность в помощи по причине инвалидности. На опрос ответили 591 университетов, и на его основе можно сказать, что университеты уделяют больше внимания поддержке студентов, чем начальные, средние и старшие школы.

Из данного отчета вытекают несколько вопросов: 1. Получена ли «РП» учащимся на самом деле (к сожалению, таких данных нет); 2. Продолжается ли «РП» школьников после их перехода на следующую образовательную ступень (от начальной к средней школе и т.д.). Результаты исследования показали, что во многих случаях «РП» не продолжается. Озвучены следующие

¹ В 2016 году опрос был разослан в 706 государственных детских садов, 736 средних школ, 697 старших школ и 862 специальных школ.

² Опрос был проведен в 1167 университетов, и ответы были собраны в 709.

причины, по которым школы не наследуют информацию о детях с нарушениями развития: [От средней школы к старшей] 1. Если есть запрос от старшей школы, его принимают и обрабатывают устно. 2. Родители понимают, что такая информация неблагоприятно скажется на вступительных экзаменах, и не дают согласие на её передачу.

Что касается передачи от старшей школы к университету и месту трудоустройства: 1. Информация, которая может помешать студенту сдать экзамены, не должна активно передаваться из старшей школы в университет. 2. Потребность в специальной «РП» - это личная информация, и нежелательно предоставлять ее вовне. 3. Недостаточное понимания фактора нарушения развития студентов в университетах и организациях.

По мере того, как человек взрослеет, его потребность в «РП, конечно, меняется. Однако тот факт, что в процессе взросления инвалида осведомленность окружающих не передается в следующее образовательное учреждение главным образом из-за вступительных экзаменов, может вызывать необходимость заново создавать среду «РП» на новом месте. Можно сказать, что болезненный выбор между скрытием и предоставлением информации пока не сделан ни родителями, ни самими инвалидами.

3-2. «Разумное приспособление» на месте занятости

Как компании обратятся к «РП»? Рассмотрим «Результаты исследования состояния занятости людей с ограниченными возможностями в 2018 году¹» Министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения. По состоянию на июнь 2018 года в отвечающих 6 181 компаниях было занято 17 903 человека с ограниченными возможностями, 4106 человек с ограниченными умственными возможностями, 3518 человек с психическими отклонениями и 616 человек с нарушениями развития. Хотя мы не приводим эти данные, в последние годы в Японии число работающих инвалидов неуклонно растет из-за установленного законом уровня их занятости.

¹Это опрос был проведен в около 9 200 компаниях, выбранных из числа организаций, в которых работают более пяти штатных работников по всей стране. Коэффициент ответов составил 67,2%.

Более 50% компаний осуществляют определенную «РП», наиболее распространенными видами которой является способствование амбулаторному и медикаментозному лечению и регулировка рабочего времени, например, укороченный рабочий день в соответствии с физическим состоянием. Статистика ясно показывает, что каждая компания стремится к улучшению рабочей среды для удовлетворения потребностей людей с ограниченными возможностями. Однако удивительно то, что по поводу планов по трудоустройству инвалидов, более 50% компаний ответили, что не имеют таких планов, а 15–22% не хотят нанимать инвалидов. Ответ «будем нанимать, если будет поддержка государства» колебался от 12 до 20 %. Вариант «хотим нанять» практически не превышал 10%.

Какие меры необходимы для стимулирования трудоустройства людей с ограниченными возможностями? Примерно 60% компаний нуждаются в поддержке советом и помощи со стороны внешних организаций, а 50% требуется система субсидий для найма и продолжения трудоустройства. Более чем у 30% компаний особую озабоченность вызывает предоставление информации о прецедентах трудоустройства и особенностях инвалидов, которые следует учитывать при найме и обучение сотрудников компании для обеспечения должной поддержки инвалидов. Это показывает, что пока существуют ограничения продвижения улучшений условий труда инвалидов в рамках одной организации.

3. Обсуждение и дальнейшее развитие

В идеале, необходимо обеспечить посильную «РП» людей с ограниченными возможностями в школах и на местах занятости с учетом особенностей каждой организации. Однако, создание последовательной системы их поддержки на всех этапах жизни является серьезной и реальной проблемой. Нам бы хотелось завершить работу обсуждением этой проблемы.

Выработанная ранее «РП» аннулируется, когда инвалид переходит в новую школу или организацию. Это связано с тем, что инвалидность может повлиять на успех вступительных экзаменов и трудоустройства, а потому

информация о ней часто не передаётся, то есть, многие школы и организации недостаточно готовы к приему людей с ограниченными возможностями.

В ответ на запрос вышеупомянутых организаций правительство создало и уже два года применяет «Систему поддержки умственно отсталых и психически неполноценных работников» для преодоления этой проблемы. Её цель состоит в том, чтобы растить профессионалов «РП» в рамках организаций. Но тем не менее, именно организации несут расходы на оплату труда таких специалистов, и поэтому у них не возникает стимула продвижения занятости инвалидов.

Между тем в Японии предпринята новая попытка справиться с проблемой, а именно, НКО и корпорации создают мероприятия, где работающие инвалиды и студенты могут делиться своим опытом. Например, «Фонд транспортной экологии и мобильности» в Токио ежегодно даёт инвалидам возможность выступать в качестве лекторов и посетителей таких собраний. Мы надеемся, что более широкое распространение таких начинаний по всей стране углубит массовое развитие «РП» и взаимопонимание между сотрудниками школ, компаний, самими инвалидами и т.д.

Литература:

1. Кабинет министров, Знаете ли вы «Разумное приспособление»? URL: <https://www8.cao.go.jp/> (дата обращения 20.02.2020)
2. Кабинет министров, Опрос общественного мнения об инвалидах. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/> (дата обращения 22.02.2020)
3. Национальный исследовательский институт образования детей с особыми потребностями, Исследовательский отчет о современном состоянии системы инклюзивного образования. URL: <http://www.nise.go.jp/> (дата обращения 20.02.2020)
4. Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий, Примеры разумного приспособления. URL: <https://www.mext.go.jp/> (дата посещения 22.02.2020)
5. Японская организация студенческих услуг, Отчет об исследовании реакции на Закон о ликвидации дискриминации людей с ограниченными возможностями 2018 года. URL: <https://www.jasso.go.jp/> (дата обращения 25.02.2020)
6. Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения, Результаты исследования состояния занятости людей с ограниченными возможностями в 2018 году. URL: www.mhlw.go.jp/ (дата обращения 22.02.2020)
7. Наоки Сакай, Вопросы и конкретная поддержка опросов о текущем состоянии системы инклюзивного образования. URL: <https://www.jasso.go.jp/> (дата обращения 22.02.2020)

Каменева Т.Н.

Здоровьесберегающее поведение молодежи: проблема социальной регуляции.¹

Здоровье молодежи и задачи, связанные с его укреплением и сбережением находятся в тесной взаимосвязи с процессами, происходящими в обществе – экономическими, техногенными, экологическими, культурными. Во-первых, ухудшение социально-экономического положения молодежи, падение уровня доходов, снижение качества жизни в аспекте сужения доступа к качественному питанию, медицинскому обслуживанию; во-вторых, неудачное реформирование системы здравоохранения, ориентация на платные услуги; в-третьих, ухудшение показателей экологического состояния среды обитания – являются внешними условиями снижения показателей здоровья молодежи. К внутренним факторам, определяющим здоровье современных молодых людей, следует отнести устойчивое снижение объективных психофизиологических показателей здоровья. Важную роль играет и система социокультурных установок, определяющих отношение молодежи к собственному здоровью и выбор практик его поддержания.

Понятие здоровьесбережения отражает взаимосвязь образа жизни и здоровья человека [1]. Здоровый образ жизни может рассматриваться с позиций поведения в сфере сохранения здоровья, как «здоровый стиль жизни» (healthy lifestyle) [2].

¹Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта 20-011-00585 «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности»

Следовательно, под здоровьесберегающим поведением следует понимать поведение индивидов в сфере здоровья, направленное на воспроизводство индивидуальных жизненных ресурсов, которые необходимы для освоения жизненного пространства и реализации полноценной жизнедеятельности в нем.

Выбор направленности здоровьесберегающего поведения зависит от ряда факторов. Во-первых, в особую группу факторов необходимо отнести систему ценностных ориентаций, стереотипы и модели поведения, культурные традиции, как формирующие отношение к здоровью у молодых людей, которое определяет вид и направленность их здоровьесберегающих практик, а во-вторых, социальные, культурные, экономические условия в которых находится молодежь в настоящее время.

Своеобразие современных общественных условий способствует вариативности реализации здоровьесберегающего поведения в молодежной среде и в некоторых случаях не согласуется со здоровьем, а приводит к его ухудшению. Такое положение дел актуализирует проблему регулирования в сфере здоровья молодежи.

Социальное регулирование здоровьесберегающего поведения представляет собой совокупность направляющих и координирующих воздействий со стороны общества на поведение людей в сфере здоровья, обеспечивающих формирование и распространение здорового образа жизни и улучшение показателей здоровья. В качестве социальных регуляторов выступают ценностные – понимание важности сохранения здоровья; директивные – социально-значимые программы, направленные на здоровьесбережение; информационные – пропаганда здорового образа жизни.

Анализ результатов исследования отношения молодежи к своему здоровью (Курская область, 2020, N=350) позволил выделить три условных направления в отношении к здоровью характеризующихся разным смысловым наполнением. К первому направлению можно отнести молодых людей, для которых здоровый образ жизни связан с рациональным питанием, отсутствием

вредных привычек, занятием спортом. Ко второму, тех, кто считает, что здоровье - это поддержание физической формы, следование принципу «не навреди» при использовании бьюти-трендов, модных процедур, диет. Третье направление самое радикальное. Для них внешняя красота превыше всего. Понимание здорового образа жизни - это мода, не связанная с действительным поддержанием своего здоровья, например, диеты в ущерб здоровью, занятие спортом ради селфи или престижности посещения спортивных клубов. Последнее направление, на наш взгляд, следует отнести к проявлениям девиантности в здоровьеориентированном поведении.

Таким образом, с учетом тех смыслов, которые молодые люди вкладывают в понимание здорового образа жизни, реализуемое ими здоровьеориентированное поведение, может быть «модным полезным» и «модным не полезным».

В ходе исследования было выявлено, что выбор практик здоровьеориентированного поведения имеет некоторые отличия в зависимости от возраста. Так, респонденты до 22 лет в подавляющем большинстве характеризовали молодежное поведение с точки зрения моды: «уже не модно употреблять алкоголь и курить» «диеты не модно», «питаться нужно сбалансированно» «заниматься спортом обязательно». С увеличением возраста молодых людей (от 27 до 31 года), это выглядит по-другому. В их суждениях утрачивается смысл понятия модно, появляется «хочу и делаю». Например, «я курю, потому что хочу, хотя понимаю, что вредно» или же «худею на диете, голодаю».

С другой стороны, молодежь старших возрастных групп начинает задумываться о показателях физического здоровья, не отрицая необходимость сохранения красивой внешности.

Существенное влияние на выбор направленности практик здоровьеориентированного поведения, по мнению респондентов, оказывает материальное положение, естественно, определяющее возможности молодого человека.

Здоровьеориентированное поведение молодых людей достаточно динамично, его наполнение и реализация зависят от внешних и внутренних факторов и меняются с условиями жизни. Сегодняшние реалии, угрозы заболевания новой коронавирусной инфекцией внесли свои коррективы. Так, примерно треть студенческой молодежи отметили, что ранее не уделяли должного внимания гигиене, а сейчас это самое важно для них.

Специфика реализации здоровьеориентированного поведения людьми не может рассматриваться отдельно от системы здравоохранения – источника его распространения и поддержания. Однако, проведенное исследование показало наличие противоречия: 23 % респондентов в возрасте от 18 до 34 лет не готовы довериться современной медицине, а 21% не видит пользы от прохождения медицинских осмотров и диспансеризации. В результате получается, что, с одной стороны, здравоохранению принадлежит ключевая роль в формировании здорового образа жизни, а с другой - в молодежной среде низкий уровень доверия медицине.

Отсутствие четких представлений в молодежной среде о здоровом образе жизни, их гибридизированность, свидетельствует о необходимости изменения стратегий социального регулирования в этой сфере.

В основу социального регулирования в сфере здоровьесберегающего поведения, на наш взгляд, могут быть положены следующие механизмы.

– Механизм институционализации, который должен реализовываться посредством нормативного и правового регулирования здоровьесбережения, взаимодействия институтов здравоохранения и образования, образовательных процессов и воспитания, государственных систем управления, контроля, профилактики в сфере здоровья.

– Механизм идеологизации в рамках строго регламентированной и чётко сформулированной национальной идеи, стратегии национального развития, которая базируется на определённых идеологических постулатах, влияющих на выбор и ценностную иерархию; а также стратегию подбора инструментов и методов, осуществляющих процесс формирования

ценностных ориентаций. Такой механизм должен реализоваться юридическим закреплением и констатацией выбранной ценностной системы в основных нормативных и правовых актах, документах, программах в сфере здоровья [3]. Внедрение данных механизмов позволит на основе мягкого социального регулирования здоровьесберегающего поведения сформировать идеологию здорового образа жизни, актуальную для современных молодых людей.

Литература:

1. Уланова Н.Н., Яковлева Н.В. Особенности здоровьесберегающего поведения и приверженности лечению у врачей на разных этапах профессионального становления // Рос. мед.-биол. вестн. им. акад. И.П. Павлова. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zdoroviesberegayuschego-povedeniya-i-priverzhennosti-lecheniyu-u-vrachey-na-raznyh-etapah-professionalnogo-stanovleniya> (дата обращения: 23.05.2020).
2. Майерс Д. Социальная психология. СПб: Питер, 1997. 688 с.
3. Каменева Т.Н., Зотов В.В. Мягкое управление в семейной политике как условие снижения рисков ее реализации // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Социология. 2014. № 12 (1). С. 23-34.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.27

Ким М. А., Попович А.

Отношение молодёжи к своему здоровью и способам его поддержания

*Единственная красота, которую я знаю – это здоровье
Г. Гейне*

Для человека здоровье во все эпохи было значимой ценностью. Как общественная ценность оно стало осознаваться в XX в., когда стали создаваться национальные системы здравоохранения. Расширение доступности медицинской помощи привело к росту продолжительности жизни населения. В XXI в. актуальность вопросов, связанных со здоровьем,

помимо прочего, обуславливается развитием индустрии моды, фитнеса и спорта, монетизацией здорового образа жизни, стремлением людей к воплощению эстетических идеалов здоровья, демонстрации красоты и возможностей своего тела.

В России сегодня происходит переход от медицинской помощи как социального блага к рынку медицинских услуг. Можно предположить, что в этой ситуации государство заинтересовано в самосохранительном поведении населения. Однако россияне склонны экономить на заботе о здоровье [1]. Авторами был проведен анкетный опрос 568 жителей Москвы в возрасте 18-30 лет, а также фокус-группы с молодежью (N=2) с целью изучения отношения молодежи к своему здоровью.

В системе факторов здоровья человека, разработанной академиком Ю.П. Лисициным, образ жизни обладает наибольшим удельным весом, а система здравоохранения – наименьшим. Аналогично считают и респонденты (Таб. 1).

Таблица 1.

Представления молодежи о вкладе различных факторов в здоровье

Факторы здоровья	Удельный вес фактора (по Ю.П. Лисицину)	Индекс, рассчитанный по результатам опроса
Образ жизни	49-53%	0,6180
Генетика	18-22%	0,3938
Окружающая среда	17-20%	0,4393
Здравоохранение	8-10%	0,2095

В понятие «здорового образа жизни» опрошенные включили правильное питание, физическую нагрузку, достаточный сон, отсутствие вредных привычек, соблюдение гигиены тела и, кроме того, ежегодные медицинские обследования и обращение к врачу в случае проблем со здоровьем. Согласно участникам опроса, регулярно заботиться о своем здоровье нужно *«с самого детства»*, *«чем раньше, тем лучше»* и *«всегда»*. При этом порядка 60% опрошенных считает, что это, прежде всего, обязанность человека перед самим собой. Таковы декларируемые молодежью установки. Какова же практика?

Почти три четверти респондентов стремятся к здоровому питанию. Те же, кто ведет себя иначе, объясняют это отсутствием времени (34%), нехваткой средств на «правильные» продукты (33%), неаппетитным вкусом здоровой еды (24,2%), либо просто не видят в этом смысла (9%).

Почти каждый третий респондент выделяет на сон от 7 до 8 часов в сутки (оптимальная норма). В то же время, каждый второй спит 5-7 часов, а каждый десятый - менее 5 часов. Регулярная физическая нагрузка есть лишь у 35% респондентов, в целом они занимаются спортом до 3 раз в неделю.

Что касается вредных привычек, то четверть респондентов совсем не употребляют алкоголь (28,7%), остальные употребляют его не так часто: 23% – только по праздникам; 23,6% – 1-2 раза в месяц; 15,3% – реже 1 раза в месяц. Однако каждый десятый респондент выпивает как минимум несколько раз в неделю. Почти 70% опрошенных никогда не курили, еще 11% бросили курить. Однако каждый десятый выкуривает по несколько сигарет каждый день.

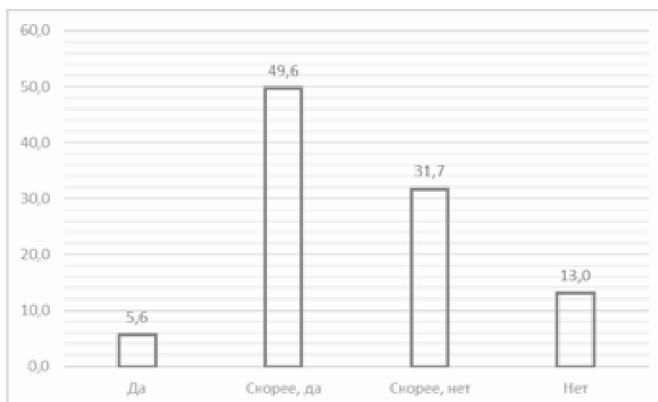
В отношении профилактики заболеваний опрос показал, что почти две трети респондентов считают необходимым проходить регулярную диспансеризацию, и 80% выразили готовность ежегодно участвовать в скринингах, направленных на раннее выявление серьезных заболеваний.

В то же время почти половина опрошенных указали, что довольно часто переносят острые респираторные заболевания на ногах (редко это делают 36%), объясняя это негативными последствиями пропусков занятий (47,2%), нежеланием «лежать и болеть» (10%) и потерей части заработной платы (9,5%).

Распространенность практики самолечения среди российского населения молодежь, прежде всего, связывает с проблемой записи к нужному специалисту (57,4%), а также с отсутствием времени для посещения врачей (19%): *«...это сложение нескольких факторов: недоступность и недоверие докторам, отсутствие денег, вера в нетрадиционную медицину, причины религиозного характера»*. Самолечению также способствует обилие информации в Интернете, в том числе и о «народных» методах лечения, а

также опыт самолечения родственников, на который указали более 80% респондентов (*«но только если болезнь знакомая и не опасная»*).

К организации медицинской помощи в столице молодежь относится неоднозначно (Рис. 1). Твердо уверенных в позитивном влиянии московского здравоохранения на состояние здоровья и продолжительность жизни горожан оказалось в два раза меньше, чем уверенных в обратном. Вместе с выбравшими вариант ответа «скорее, нет» скептики составили почти

половину опрошенных.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вам кажется, то, как сегодня в Москве организована медицинская помощь, способствует улучшению здоровья и росту продолжительности жизни жителей столицы?»

83% респондентов приходилось обращаться в негосударственное медучреждение. В качестве причин были названы следующие: недостатки работы районных поликлиник, долгое ожидание приема (22,7%), низкая квалификация врачей (19,2%), невозможность получить необходимую услугу бесплатно (15,7%) и записаться к нужному специалисту (12%), а также предыдущий негативный опыт: *«...неоднократно обращалась к различным специалистам в бесплатных поликлиниках, в которых состою на учёте, но ни один из них не смог мне помочь»*, *«...низкая квалификация врачей узкого профиля, недоверие к ним после определенного опыта»*.

Таким образом, сегодня молодежь оказывается перед «развилкой»: с одной стороны, каждый десятый респондент указывает на низкий уровень доверия к врачам, работающим в государственных медицинских учреждениях, а с другой стороны, отмечается недостаток средств для получения услуг в частных медучреждениях. Об этом же говорили и участники фокус-групповых интервью: «...в госучреждениях врачи не заинтересованы в лечении пациентов, а на частные клиники у людей нет денег»; «...зачастую назначается куча бесполезных лекарств за кучу денег».

Исходя из полученных результатов, можно выделить как минимум 6 моделей самосохранительного поведения у столичной молодежи (Рис. 2):

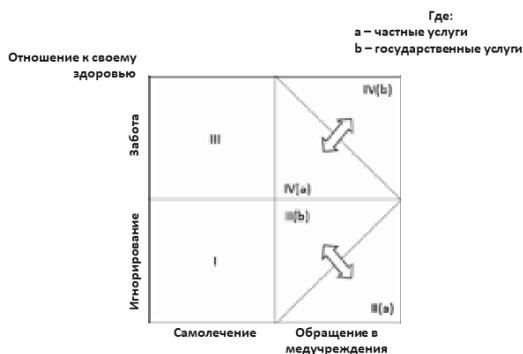

Рис. 2. Логический квадрат самосохранительного поведения столичной молодежи

Отношение к своему здоровью может быть выражено как заботой о нем, так и игнорированием. Подход к лечению болезни может быть обусловлен тяжестью заболевания, а выбор между частными и государственными медучреждениями зависит от уровня доверия к первым и вторым, а также от наличия денежных средств. Число возможных сочетаний делает картину самосохранительного поведения молодежи довольно пестрой и требующей дальнейшего изучения.

Литература:

1. ВЦИОМ: «Качество медицинских услуг: запрос населения». Публикация от 23.04.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9059> (дата обращения: 02.02.2020).
2. РБК: Росстат впервые назвал число ведущих здоровый образ жизни россиян. Публикация от 08.11.2019. [*Электронный ресурс*]. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/11/2019/5dc41d349a7947456b9d9bca> (дата обращения: 02.02.20).

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.28

Русанова Н.Е.

Здоровье детей, рожденных с помощью вспомогательной репродукции

Рождаемость сегодня невозможно представить без вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), основанных на экстракорпоральном оплодотворении (ЭКО). Хотя количественный вклад ВРТ не превышает 5% от общего числа рождений, их качественное значение существенно выше, поскольку приводит к заметным изменениям многих демографических характеристик. Несколько десятилетий применения ВРТ показали проблемы, которые до сих пор не снизили свою актуальность и активно обсуждаются. Одна из них — здоровье детей, родившихся с помощью ЭКО (ЭКО-детей). Этот вопрос волнует репродуктологов и педиатров во всем мире, но большинство относительно масштабных национальных и сравнительных международных исследований проводится за рубежом. В России же наблюдения локальны и касаются детей, родители которых проходили лечение методами ВРТ в конкретных репродуктивных центрах. Тем не менее, такие профессиональные объединения, как Союз педиатров России, Российская ассоциация специалистов перинатальной медицины, Научный центр охраны здоровья детей неоднократно выражали беспокойство по поводу состояния здоровья ЭКО-детей, аргументируя его тем, что до 75% из них имеют отклонения. Официальная точка зрения Министерства здравоохранения РФ несколько иная и основана на том, что данные по осложнениям предварительные, к тому же во многом связаны с откладыванием материнства на старший репродуктивный возраст (35+ лет),

что само по себе является фактором, способствующим ухудшению здоровья новорожденных; однако именно в этом возрасте проводится абсолютное большинство циклов ЭКО [1].

Европейские исследования показывают, что на этапах внедрения ВРТ в клиническую практику действительно существовали заметные различия между здоровьем ЭКО-детей и детей, зачатых естественным путем, но этот разрыв сужается. Здоровье ЭКО-новорожденных заметно улучшилось за последние два десятилетия, хотя по мере их взросления обращают на себя внимание отклонения, проявляющиеся в том или ином возрасте. Так, в первые годы применения ВРТ отмечалась повышенная частота врожденных дефектов у ЭКО-детей: чаще всего пороков сердца и пищеварительной системы. За 1984-2007 гг. в 14 европейских странах этот показатель вырос с 59 до 107 случаев на 100 тыс. рождений [2]. Одной из причин была существующая в тот период практика ЭКО, увеличивающая число многоплодных беременностей, отказ от которой в 2009 г. позволил снизить это число до уровня, близкого к показателю у детей, зачатых естественным путем (9% и 6%) [2]. Результаты самого масштабного за всю историю исследования здоровья более чем 92000 ЭКО-детей в Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции показали, что все меньше ЭКО-детей рождается преждевременно, нормальный вес при рождении встречается все чаще, риск мертворождения или смерти ребенка в первый год жизни снизился, и современные ВРТ ассоциируются уже не с неблагоприятным состоянием ЭКО-новорожденных, а с проблемами их отдаленного нервного и когнитивного развития [3]. Однако совместный анализ шведских школьников, родившихся с помощью ЭКО и без него, не обнаружил существенной разницы между ними ни при поступлении в среднюю школу, ни в успеваемости по математике, физкультуре, шведском и английском языках [4,5].

Развитие ВРТ снимало одни проблемы, но приводило к другим. Так, возник вопрос здоровья детей, рожденных после ИКСИ, ставшей более четверти века назад прорывной инновацией при лечении мужского бесплодия.

Сегодня эта ВРТ применяется в 2/3 циклов ЭКО, однако именно она демонстрирует максимальную частоту многоплодия, неблагоприятного для новорожденных, и репродуктивные проблемы мальчиков в пубертатном возрасте, формирующие в перспективе «наследственное мужское бесплодие» [6]. Также не выявлены все риски предимплантационной диагностики (ПГД), потребность в которой становится все более очевидной из-за принципиальной возможности избежать появления на свет детей с серьезными генетическими патологиями [7].

Одной из характеристик современного общественного здоровья являются неинфекционные заболевания (НИЗ), поэтому появляется проблема вероятности возникновения их у ЭКО-детей. Среди таких заболеваний стремительно молодеющий диабет, однако исследование здоровья детей, родившихся в Дании в 1994-1999 гг. и зарегистрированных в Национальном реестре диабетических заболеваний, показало, что в 2012 г. частота выявления диабета составила 4,9 на 1000 детей, родившихся в естественных циклах, и 5,9 на 1000 ЭКО-детей. Средний возраст выявления диабета составил 10,2 и 8,7 года, доля инсулинозависимых детей - 82,0% и 82,9% соответственно, что означало популяционную норму [8]. Это является подтверждением безопасности ВРТ для здоровья ЭКО-детей, но лишь косвенно может учитываться в России из-за отсутствия полномасштабных отечественных исследований.

Литература:

1. Педиатры бьют тревогу по поводу слабого здоровья детей «из пробирки». Портал российского врача «Медвестник» 02.06.2017 // <https://medvestnik.ru/content/news/Pediatry-but-trevogu-po-povodu-slabogo-zdorovya-detei-iz-probirki.html> (дата обращения 01.05.2020)
2. Wrodzone wady z in vitro? Информационный интернет-портал Onet.pl https://kobieta.onet.pl/zdrowie/zycie-i-zdrowie/wrodzone-wady-z-in-vitro/1jx7x?utm_source=duckduckgo.com_viasg_kobieta&utm_medium=referral&utm_campaign=leo_automatic&srcc=ucs&utm_v=2 (дата обращения 01.05.2020)
3. World Health Matters: Denmark: Better outcomes for IVF babies <https://medicalupdateonline.com/2015/04/world-health-matters-denmark-better->

outcomes-for-ivf-babies/ (дата обращения 01.05.2020)

4. Norrman E., Petzold M., Bergh C., Wennerholm U.-B. School performance in singletons born after assisted reproductive technology Human Reproduction, Volume 33, Issue 10, October 2018, Pages 1948–1959, <https://doi.org/10.1093/humrep/dey273> <https://academic.oup.com/humrep/article/33/10/1948/5084991> (дата обращения 29.04.2020)

5. Heijligers M., Verheijden L.M.M., Jonkman L.M., van der Sangen M., Meijer-Hoogeveen M., Arens Y., van der Hoeven M.A., de Die-Smulders C.E.M. The cognitive and socio-emotional development of 5-year-old children born after PGD // Human Reproduction, Volume 33, Issue 11, November 2018, Pages 2150–2157, <https://doi.org/10.1093/humrep/dey302> <https://academic.oup.com/humrep/article/33/11/2150/5108538> (дата обращения 29.04.2020)

6. Wennerholm U.B. Health of ICSI children // Abstracts of the 34th Annual Meeting of the ESHRE, Barcelona, Spain 1 to 4 July 2018 Downloaded from https://academic.oup.com/humrep/article-abstract/33/suppl_1/i1/5046210 (дата обращения 29.04.2020)

7. Nekkebroeck J., Maryse B. Psychological and medical follow-up of children born after Pre-implantation Genetic Testing (PGT) // Abstracts of the 34th Annual Meeting of the ESHRE, Barcelona, Spain 1 to 4 July 2018 Downloaded from https://academic.oup.com/humrep/article-abstract/33/suppl_1/i1/5046210 (дата обращения 29.04.2020)

8. Heineman K.R., Kuiper D.B., Sla Bastide-van Gemert, Heineman M.J., Hadders-Algra M. Cognitive and behavioural outcome of children born after IVF at age 9 years. Human Reproduction, Volume 34, Issue 11, November 2019, Pages 2193–2200, <https://doi.org/10.1093/humrep/dez202> <https://academic.oup.com/humrep/article-abstract/34/11/2193/5614855?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения 29.04.2020)

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.29

Винокурова Н. А.

Перспективы молодежного предпринимательства: гендерные различия

Женское предпринимательство является существенным новым ресурсом экономического развития России. По последним данным Росстата среди работников, занятых не по найму, женщины составляют всего 40%, то есть потенциал женского предпринимательства существует [1]. Интерес женщин к бизнесу растет довольно быстро, о чем можно судить по Индексу предпринимательской активности женщин (WBI), который начал разрабатываться в России в последнее десятилетие Общероссийской общественной организацией малого и

среднего бизнеса «ОПОРА России». Индекс рассчитывается по данным опросов женщин, как уже состоявшихся предпринимательниц, так и работающих по найму и временно не работающих. Во второй половине 2015 года сводный индекс WBI был равен 55,9 п.п., а в марте 2019 года – уже 69,4 п.п. Значение индекса выше 50 свидетельствует о позитивном характере оценок. Особенно высоко в 2019 году (79,6 п.п.) был оценен частный индекс «Культура предпринимательства», который отражает отношение общества к женскому предпринимательству. В 2015 году он составлял лишь 75,2 п.п. Улучшение отношения к женщинам – предпринимательницам отметили 43% респонденток, уже имеющих свое дело, и 59% остальных женщин, попавших в выборку. Не удивительно, что подавляющее большинство женщин (84%) уже готовы представить себя предпринимательницами. При этом в 2019 году 71% из них были женщинами с высшим образованием, а наибольший интерес к предпринимательству проявила молодежь [2].

В этом контексте интерес представляет отношение к предпринимательству студенческой молодежи, как девушек, так и юношей, чему было посвящено наше исследование. Основная гипотеза – наличие гендерных различий не только в поведении, но и во взглядах девушек и юношей на предпринимательство. Исследование проводилось в 2018 году в 5 городах РФ: Москве, Воронеже, Тюмени, Твери и Астрахани. Общий объем выборки – 800 человек.

Первое, что обращает на себя внимание – доля девушек и юношей, желающих основать свое дело (39,9% и 59,9% соответственно), абсолютно совпадает с гендерным соотношением, сложившимся к настоящему времени в секторе предпринимательства в России (40% женщин и 60% мужчин). Из этого можно сделать вывод, что 80% женщин по данным исследований, проводимых «ОПОРОЙ России», готовых вообразить себя предпринимательницами, – скорее мечтательницы. Студенты отвечали на более прямой вопрос: «Где Вы

бы предпочли работать после окончания вуза?», и это ближе к реальным намерениям молодежи относительно занятий предпринимательством в условиях, сложившихся, по крайней мере, в 2018 году.

Важное различие во взглядах девушек и юношей проявилось также при ответе на вопрос: «Чем Вы будете руководствоваться при выборе работы после окончания вуза?». Оценки ответов рассчитывались в баллах от 1 до 7, где 7 – самый важный мотив выбора. Выяснилось, что такой мотив выбора, как «основать свой бизнес» оценивается девушками в среднем в 4,2 балла, а юношами – в 5 баллов; «поработать с передовыми технологиями» – соответственно в 3,5 и 4,5; «разработать идею нового продукта, новой услуги» – в 3,9 и 4,5. Таким образом, очевидно, что мотивация девушек к предпринимательству ниже, чем у юношей. Особенно ярко это проявляется в отношении возможных занятий инновационной деятельностью. В то же время девушки чуть меньше юношей стремятся к независимости и даже к свободному графику работы. Мотив «быть собственным начальником» оценивается в 5,1 баллов девушками и в 5,4 баллов юношами, а мотив «иметь гибкий график работы» в 5,3 и 5,7 баллов соответственно. Зато девушки более высоко оценивают «возможность совмещать работу и личную жизнь» (оценка в 6 баллов у девушек и в 5,7 у юношей. При этом девушки не меньше, а даже чуть больше юношей хотели бы иметь работу, которая позволила бы им обеспечить свою финансовую безопасность: оценка 5,8 баллов у девушек и 5,7 – у юношей. В целом, видно, что взгляды девушек на предпринимательство более консервативны в сравнении с юношами.

Итак, выявленные гендерные различия во взглядах студентов позволяют говорить о том, что было бы слишком смело ожидать большого притока женщин в предпринимательство. Однако это относится к настоящему времени и к сегодняшним условиям. При ликвидации барьеров, мешающих развитию женского предпринимательства, названных в исследовании [2], вовлечение

молодых женщин в бизнес может ускориться. С другой стороны, рост безработицы также может способствовать росту вынужденного женского предпринимательства, которое и сейчас в большей степени характерно для женщин. Доля добровольных предпринимателей среди женщин отстает от аналогичного показателя для мужчин [3]. При невозможности найти работу после окончания вуза девушки будут вынуждены задуматься о возможностях предпринимательской деятельности. Приток девушек в предпринимательство может привести к гендерному балансу в этой сфере. Но пока взгляды девушек не способствуют этому.

Литература:

1. Женщины и мужчины России. 2018. Федеральная служба государственной статистики. Статистический сборник. Москва, 2018. С. 102.
2. Индекс женской предпринимательской активности. 6 волна. 2019 год. Аналитический центр НАФИ. Доступно на сайте: <https://naf1.ru/analytics/indeks-zhenskoj-predprinimatelskoj-aktivnosti-6-volna>. (дата обращения 18 мая 2020г.
3. Пиньковецкая Ю.С. Развитие женского предпринимательства в России: управленческий анализ//Вопросы управления. 2019. №2 (38), с. 122-131.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.30

Штылева Л. В.

Социально-педагогические факторы гендерного разрыва в естественнонаучном школьном образовании

В последние годы все большую озабоченность вызывает гендерный разрыв в STEM¹ - образовании и STEM – занятости. Усиливается тенденция маскулинизации в таких отраслях, как связь и информационные технологии (ИТ), электросвязь, атомная энергетика и др. Проблемы ориентации

¹STEM-образование — новый термин, введенный в школьную программу США для того, чтобы усиленно развивать и усиливать компетенции своих собственных учеников в научно-техническом направлении. Аббревиатура включает первые буквы 4 слов: Science (наука); Technology (технологии); Engineering (инженерия); Math (математика).

старшеклассниц на наукоемкие инженерно-технические сферы, привлечения школьниц к более активным занятиям математикой и информатикой все чаще поднимаются учеными - обществоведами (Калабихина И.Е., Креховец Е.В., Леонова Л.А., Малышева М.М., Савинская О.Б., Савостина Е.А., Смирнова И.Н., Хасбулатова О.А. и др.).

Как показали исследования, гендерно нечувствительная педагогическая культура современной школы является важным фактором, препятствующим формированию и развитию интереса девочек к STEM - дисциплинам и профессиям. На IT-олимпиадах для школьников мальчики и девочки представлены в соотношении 90% и 10%; среди студентов IT- факультетов сегодня учится 70% юношей и 30 % девушек; в IT – кампаниях мужской персонал составляет 80%, а женский, соответственно, 20%; среди бенефициариев фондов стартапов 85% - мужчин и 15% женщин и т.д.

В то же время, если судить по среднему баллу ЕГЭ, девочки показывают результаты на 3-5 баллов выше, чем мальчики. Они превосходят результаты мальчиков даже, по так называемым «мужским» предметам. По физике среди девочек средний балл составляет 46,7, у мальчиков – 45, по информатике - 59,2 против 56,4 у мальчиков, по географии –53,8 и 52,3 баллов соответственно. Единственный предмет, в котором девочки показывают результат несколько ниже, чем мальчики – математика. У девочек средний балл по нему – 44, а у мальчиков – 44,2 [1].

Проведенное нами исследование протоколов Всероссийских олимпиад школьников по математике выявило наличие гендерной асимметрии, как среди участников, так и среди победителей олимпиад. По данным сайта *olympiads.mccme.ru*, с 1997 г. по 2017 г. (данные об общем количестве участников олимпиад в 1992-1996 гг. отсутствуют) во Всероссийских олимпиадах по математике среди школьников приняли участие всего 5049 чел., в т.ч. 722 девочки, что составляет примерно 14,3%. Количество девочек – победительниц составило 10,88 % от общего количества призеров и победителей, то есть соотношение между мальчиками и девочками в группе

лидеров олимпиад примерно 10:1 (1875 мальчиков и 204 девочки). При этом количество девочек среди победительниц и призеров олимпиад иногда возрастало до 21,05% (2015г.), а иногда составляло лишь 2,7% (1999г.), но с 2007г. наметилась тенденция к улучшению результатов, причины которой пока не ясны. Несмотря на численное превосходство участников мужского пола, девочки 9 раз становились победительницами (занимали первые места) в своих возрастных группах. При этом две участницы побеждали последовательно на протяжении двух (Дмитриева Мария) и даже трех лет (Петухова Надежда), что свидетельствует о высочайшем потенциале и способностях этих девочек в области математики [2]. Из вышеизложенного следует, что гендерный разрыв в школьном математическом образовании существует, но это не означает, что девочки не способны к математике в принципе.

Необходимо подчеркнуть, что вопрос о принципиальной способности женщины к освоению знаний любого уровня новизны и сложности у современных ученых, в отличие от их предшественников эпохи Средневековья и Нового времени, не вызывает сомнений. В пользу того, что девочки могут быть очень успешными в математике, свидетельствует также тот факт, что на первом международном чемпионате по ментальной арифметике AMAKids World Cup 2018, который проходил в Москве, победителями, как в младшей, так и в старшей группе стали девочки – Алиса Гусева (Екатеринбург) и София Татаурова (Киров). Высокий потенциал девочек в математике подтверждается не только российским, но и международным опытом. Согласно результатам международного сравнительного исследования PISA (Programme for International Student Assessment) во всех странах, включая и Россию, по уровню математической грамотности результаты мальчиков практически не отличаются от результатов девочек, а в естественнонаучной грамотности результаты девочек значимо выше результатов мальчиков [3].

Сам собой напрашивается вопрос: если девочки в принципе также одарены математическими способностями, как и мальчики, то *какие факторы современного школьного образования препятствуют развитию интереса девочек к STEM - дисциплинам и профессиям?* Данные исследований по вопросу гендерных различий в образовании, о способностях мальчиков и девочек к точным и гуманитарным наукам противоречивы. Квалифицированные отечественные исследования, посвященные учету психологических особенностей при изучении школьных курсов математики и естественнонаучных дисциплин единичны. В большинстве педагогических публикаций последних лет по, так называемому «гендерному образованию», некорректно интерпретируются исследования эволюционных биологов (Геодакян В.А.), физиологов и нейрофизиологов (Еремеева В.Д., Хризман Т.М. и др.) Из статьи в статью кочуют педагогические мифы о «гуманитарном складе ума» девочек и «математическом складе ума» мальчиков, поверхностные рассуждения о «правополушарных» девочках и «левополушарных» мальчиках.

Исследования педагогов и социальных психологов показали, что одна из причин «отлучения» девочек (и не только) от математики заключается в *несовершенстве методики преподавания предмета*, а вторая – в *гендерных стереотипах преподавателей*.

Гендерные исследования, проведенные нами и другими учеными в 1990-х – начале 2000-х гг., показали, что российские педагоги, как правило, подразделяли школьные дисциплины и занятия на «женские» и «мужские», относили математику, физику и информатику, работу с техникой и инструментами к сфере предпочтительной для мальчиков, а девочек ориентировали на гуманитарные дисциплины и обслуживающие сферы труда (Воронина, 1998; Осетрова, 2002; Попова, 1999; Смирнова, 2005; и др.). При этом учителя необоснованно приписывали мальчикам априори более высокий уровень способностей к математике, физике и информатике и не ожидали проявления способностей к этим предметам у девочек, не мотивировали их к

углубленным занятиям естественно-математическими дисциплинами. По данным исследований психологов, педагоги объясняли разными причинами успехи и неудачи мальчиков и девочек в образовании. Успехи мальчиков объяснялись одаренностью, а неудачи - разгильдяйством и ленью. В тоже время успехи девочек интерпретировались исключительно как результат упорства, трудолюбия и усидчивости, а неудачи – как естественное следствие более низкого уровня способностей. Незаинтересованность учителей в ориентации девочек на математические и естественнонаучные дисциплины, как показали наши исследования, была обусловлена их собственными представлениями о различиях между женским и мужским предназначением, между женским и мужским трудом. В неформальном общении педагогами в учительских неоднократно высказывалась точка зрения, что «мальчики станут мужчинами и им придется овладеть «серьезной» профессией, чтобы «кормить семью», а девочки «родят и математику забудут». По мнению ученых, именно «...вера в то, что есть «мужские» и «женские» профессии» – наиболее вредоносный гендерный стереотип, который «...негативно сказывается, как на мужчинах, так и на женщинах» [4].

Таким образом, проблема гендерного разрыва в школьном образовании обусловлена комплексом факторов, среди которых свою роль играют и сложившиеся культурные традиции гендерных стереотипов в обществе и в образовании, методические просчеты в обучении школьников математическим и естественнонаучным дисциплинам в целом, и гендерная чувствительность девочек, связанная с пиками полового созревания и полоролевой социализацией в подростковом и юношеском возрасте, которая не рефлексируется и не учитывается современной педагогической культурой;

Для того чтобы понять, почему абсолютное большинство девочек пока еще не видит себя в наукоемких инновационных сферах и профессиях, необходимо обратить внимание на факторы, обуславливающие формирование гендерных стратегий молодого поколения на всех ступенях полоролевой

социализации - от дошкольного образования до окончания средней специальной или высшей школы;

Для квалифицированного планирования стратегий вовлечения девочек и девушек в STEM–образование и занятость необходимо обладать более полной и системной информацией в гендерном разрезе, которой сегодня по ряду позиций либо нет совсем, либо ее катастрофически не хватает. Важно иметь ясное представление о том, сколько выпускниц 9 и 11 классов поступает на учебу в средние и высшие учебные заведения, связанные с новейшими технологиями, удастся ли им завершить обучение и приступить к работе по специальности? Как складываются их карьеры, куда и почему исчезают из STEM – профессий более половины женщин-специалистов? Тогда станет понятнее, что необходимо изменить в обучении и воспитании женской молодежи на самых ранних ступенях образования, начиная с дошкольного. Решение проблемы, несомненно, подразумевает взаимодействие ученых из разных отраслей социо-гуманитарных наук и педагогики в том числе.

Литература:

1. Данные Рособрандзора: девочки сдают ЕГЭ чаще и лучше, чем мальчики. URL: <https://ria.ru/education/20150305/1051109879.html>. (дата обращения: 01.03.2018).
2. Данные о результатах Всероссийских олимпиадах по математике: www.olympiads.mcsme.ru
3. Перцова С. Дети стали считать быстрее калькулятора / Метро Москва. - 2018.- 19.02.- С.6.
4. Яковлева Ю. Дискриминация по половому признаку: мифы и реальность. URL:<http://www.eawfpress.ru/press-tsentr/news/jen/diskriminatsiya-po-polovomu-priznaku-mify-i-realnost/> (дата обращения: 26.02.2018).

Гендерные аспекты социальных последствий пандемии COVID-19¹

Разразившаяся в 2020 году пандемия COVID-19 обострила и тем самым ярче высветила проблемы гендерного неравенства в современной России. Пандемия коснулась всего человечества, но на женщин и мужчин ситуация оказала различное влияние, женщины оказались более уязвимыми вследствие гендерного неравенства.

Как отмечается в публикации на страницах РБК, «по данным EIGE, в Европейском Союзе женщины составляют большинство сотрудников здравоохранения — 76% из 49 миллионов человек. В США 83% среднего медицинского персонала также женщины. Глобально этот показатель составляет в среднем 70% для разных сфер деятельности, причем больше всего женщин старше 50 задействованы именно в качестве медсестер или акушерок. И это только официальная статистика, которая не учитывает незарегистрированных работниц — например, сиделок. В России, по заявлению министра здравоохранения Вероники Скворцовой, 71% врачей и более 95% среднего медицинского персонала составляют женщины.» [1].

Социальные изменения последних 20 лет оказали неоднозначное влияние на гендерный порядок в нашей стране, поскольку, с одной стороны, женщины наравне с мужчинами осваивают рыночный сектор, их представительство там увеличивается, а с другой стороны, общий уровень гендерного неравенства остается достаточно высоким.

Исследователи признают, что рынок стимулировал занятость и экономические притязания женщин, немалая доля которых в той или иной степени успешно адаптировались к изменившимся условиям и смогли использовать новые возможности для самореализации в сфере

¹ Исследование выполнено в рамках НИР по государственному заданию «Гендерные аспекты социально-демографической динамики современной России» № 0165-2019-0011.

предпринимательства и самозанятости. Согласно Единому реестру субъектов малого и среднего предпринимательства, включая микрокомпании, накануне пандемии женщинам принадлежала почти 1,8 млн из 5,9 млн компаний и индивидуальных предпринимательств, что составляет треть российского малого и среднего бизнеса, однако общая доля женщин, которые возглавляют компании, являясь CEO, составляет только 20% — и этот показатель не меняется последние несколько лет. Это выше среднемирового показателя в 4,5 раза, но в Европе доля женщин – CEO составляет 35%.

С целью оценить динамику гендерных аспектов социальных процессов в период пандемии Лаборатория гендерных исследований Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра (ИСЭПН ФНИСЦ) РАН в конце апреля 2020 года провела общероссийское исследование **«Гендерные аспекты социо-демографической динамики современной России»**. Объем выборки составил 600 человек, в возрасте 18 лет и старше. Опрошены жители 73 субъектов РФ. В исследовании приняли участие 278 мужчин (46,3%) и 322 (53,7%) женщины, из них 118 человек в возрасте 18-29 лет (19,7%), 363 в возрасте 30-59 лет (60,5%) и 119 в возрасте 60 лет и старше (19,7%), что соответствует данным органов государственной статистики о распределении населения Российской Федерации по полу и возрасту¹.

По данным исследования, проведенного ИСЭПН ФНИСЦ РАН в апреле 2020 года по проблемам гендерных отношений в современной России, в условиях пандемии коронавируса и режима самоизоляции женщины чаще работают удаленно, а мужчины ходят на работу, как обычно, хотя и среди женщин пятая часть опрошенных продолжили трудиться в обычном режиме (Табл. 1).

¹Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019: Стат.сб. / Росстат - М.,2019. – С 44.

Таблица 1.

Занятость мужчин и женщин в период пандемии COVID-19 и самоизоляции. □ □

<i>Как обстоят дела сейчас, в условиях пандемии, с вашей работой?</i>	Мужчины	Женщины	Всего
Хожу на работу как обычно	38,0	20,6	29,7
Работаю неполное рабочее время	10,2	11,1	10,7
Работаю удаленно	27,8	49,2	38,1
В неоплачиваемом отпуске	6,3	6,3	6,3
В оплачиваемом вынужденном отпуске	5,4	3,2	4,3
Нахожусь в вынужденном простое	11,7	7,9	9,9
Потерял/а работу	0,5	1,6	1,0

данные приведены в % от ответивших.

Источник: результаты исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2020

Данные таблицы показывают, что 76,0% мужчин и 80,9% женщин продолжали работать в той или иной форме., а 23,9% мужчин и 19,0% женщин вынужденно не работали. По данным Росстата в «бюджетных» и «удаленных» секторах работало около 49% всех женщин и 40% всех мужчин (или 69% против 52%, если добавить сферу торговли). Такой перекос вызван, прежде всего гораздо более высокой занятостью женщин по сравнению с мужчинами в сферах здравоохранения и образования (примерно 4 к 1 в обеих отраслях). В целом это может означать, что риск потери работы сейчас выше для мужчин, а не для женщин, что соответствует прогнозам по американским данным, учитывая гендерную структуру занятости по отраслям. Европейский институт гендерного равенства заявил, что закрытие или частичное закрытие предприятий может оказать серьезное влияние на профессии, в которых доминируют женщины (такие как стюардессы, парикмахеры и туроператоры), а неоплачиваемая работа по уходу за членами семьи будет и далее увеличиваться.

Одним из важных ощутимых уже сейчас социальных последствий пандемии COVID-19 является снижение доходов населения и, соответственно, рост бедности. По оценке «Высшей школы экономики» (ВШЭ) реальные располагаемые доходы россиян во II квартале текущего года упали на 18%. Причём без государственной поддержки падение оказалось бы выше на 3,8

процентного пункта. По данным исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН население ощутило падение доходов уже в начале этого периода. Об ухудшении своих доходов заявили более половины опрошенных (56,5%), при этом женщин эта негативная тенденция затронула в значительно большей мере (Табл. 2).

Таблица 2.

Мнение мужчин и женщин об изменении их доходов в связи с пандемией коронавируса (в%)

Как изменился Ваш доход в связи с пандемией коронавируса?	Мужчины	Женщины	Всего
Значительно улучшился	1,8	0,9	1,3
Немного улучшился	3,2	2,5	2,8
Остался без изменений	38,8	37,9	38,3
Немного ухудшился	28,4	30,1	29,3
Значительно ухудшился	27,7	28,6	28,2

Источник: результаты исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2020

Как видно из данных таблицы, ухудшение дохода ощутили более половины опрошенных женщин (58,7%), тогда как среди мужчин ухудшение доходов заменили менее половины (46,1%) респондентов.

Значительным негативным последствием режима самоизоляции следует признать рост семейного насилия. Согласно данным исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН, почти пятая часть (16,8%) опрошенных отметила учащение случаев насилия в семьях, преимущественно (62,3% всех известных респондентам случаев семейного насилия) в отношении женщин.

Другим значимым негативным последствием режима самоизоляции стало значительное увеличение нагрузки на женщин. По мнению гендерных исследователей, пандемия ярче высветила проблемы гендерного неравенства, особенно в домашнем труде. По данным исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН объем женского труда дома увеличился в среднем в полтора раза и это при том, что половина (49,2%) опрошенных женщин работали удаленно, а 20,6% ходили на работу, как обычно (Таблицы 3,4). Иными словами, реально нагрузка на женщин возросла в период самоизоляции многократно.

Таблица 3.

Мнение мужчин и женщин о количестве часов в неделю, затраченных на домашние дела (в%) □ □

Количество часов	До апреля 2020 года				В апреле 2020 года			
	Вы		Ваш партнёр (жена/муж)		Вы		Ваш партнёр (жена/муж)	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
0 часов	4,8	1,0	2,1	13,6	3,2	1,5	2,7	18,9
до 7 часов в неделю	53,5	24,8	32,1	58,7	40,1	18,4	26,7	44,7
от 8 до 14 часов	24,1	35,4	27,8	15,5	31,0	32,0	29,4	17,0
от 15 до 24 часов	11,8	21,8	22,5	7,8	17,6	19,9	21,9	12,1
более 24 часов	5,9	17,0	15,5	4,4	8,0	28,2	19,3	7,3

□ Данные приведены в процентах от количества ответивших.

Источник: результаты исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2020

Таблица 4.

Мнение мужчин и женщин о количестве часов в неделю, посвященных ребенку в последнее время (в%) □

Количество часов	До апреля 2020 года				В апреле 2020 года			
	Вы		Ваш партнёр (жена/муж)		Вы		Ваш партнёр (жена/муж)	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
0 часов	3,3	2,6	2,2	5,2	3,3	1,7	2,2	9,5
до 7 часов в неделю	24,4	19,0	7,8	40,5	12,2	6,9	7,8	22,4
от 8 до 14 часов	30,0	19,0	23,3	25,0	28,9	16,4	17,8	24,1
от 15 до 24 часов	16,7	12,9	27,8	13,8	24,4	13,8	23,3	22,4
более 24 часов	25,6	46,6	38,9	15,5	31,1	61,2	48,9	21,6

□ Данные приведены в процентах от количества ответивших.

Источник: результаты исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2020

В то же время данные таблиц свидетельствуют о частичном пересмотре и перераспределении ролей в домашнем труде. Так, если до пандемии менее пятой части респондентов (17,7%) занимались домашними делами свыше 15 часов в неделю, то в период самоизоляции уже четверть опрошенных (25,6%) посвящали домашнему труду такое количество времени. Увеличилось и доля мужчин, затрачивающих такое же количество времени (свыше 15 часов) на

общение и уход за детьми (55,5% против 42,3% до апреля 2020 года). Таким образом результаты исследования свидетельствуют о том, что мужчины, вплотную столкнувшись с огромным объемом работы, выполняемой женщинами дома, стали частично брать ее на себя, что можно отнести к положительным последствиям пандемии коронавируса, ведущим к большему гендерному балансу.

К положительным социальным последствиям COVID-19 следует отнести и сдвиги в гендерном сознании россиян, о которых свидетельствует сравнение результатов данных исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проведенное в 2020 году, с данными опроса «Стереотипы в отношении женщин и их социально-экономические последствия», проведенного аналитическим центром НАФИ при поддержке Совета Евразийского женского форума при Совете Федерации РФ и компании Google в мае-июне 2019 года. Сравнительный анализ данных этих исследований показывает, что доля россиян, не разделяющих один из самых стойких гендерных стереотипов в отношении главного предназначения женщины как матери и хорошей хозяйки, увеличился по сравнению с 2019 годом с 29,0% до 36,0%. Значительно поколеблен и стереотип о роли мужчины как кормильца. Если в 2019 году подавляющее количество женщин (89,0%) считали, что мужчина должен обеспечивать семью, то в период пандемии доля женщин, разделяющих эту точку зрения, составила уже значительно менее двух третей (59,0%) опрошенных. Существенно сократилось, с четверти респондентов (25,0%) до менее пятой части (18,2%), и количество придерживающихся мнения, что технические и IT профессии не подходят для девушек и женщин. Однако, следует подчеркнуть, что доля мужчин, сохраняющих приверженность гендерным стереотипам, значительно больше, чем доля придерживающихся их женщин. Так, мужчин, не разделяющих стереотип о главном предназначении женщины как матери и хозяйки, в 1,4 раза меньше, чем женщин (29,5% против 41,6% среди женщин), при этом мужчин, разделяющих мнение о меньшей пригодности женщин для технических и IT

профессий, в 1,8 раза больше, чем женщин (23,7% против 13,4% среди женщин). Доля мужчин, сохраняющих приверженность стереотипу о роли мужчины как кормильца, также значительно больше и составляет две трети (65,5% против 59,0% среди женщин) опрошенных представителей данной группы.

Таким образом, данные исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН свидетельствуют о неоднозначности влияния пандемии COVID-19 на существующий гендерный порядок, которая имеет в этом отношении как положительные, так и отрицательные социальные последствия. К отрицательным последствиям относится большее сокращение доходов у женщин, увеличение случаев насилия над ними в семье, значительное увеличение объема женского труда при сохранении нагрузки на работе. Однако пандемия внесла и положительные изменения в гендерные отношения, к которым следует отнести частичное перераспределение гендерных ролей в исполнении домашних обязанностей в сторону увеличения гендерного равенства в этой области и наметившийся сдвиг в преодолении традиционных гендерных стереотипов, значительно заметнее выраженный у женщин, что свидетельствует о необходимости активизации работы по преодолению данных стереотипов среди мужчин для повышения стабильности семей и достижения гендерного равенства.

Литература:

1. Не у станка: какой бизнес в России создают женщины. /Forbes Women. URL: <https://yandex.ru/turbo/s/forbes.ru/forbes-woman/395213-ne-u-stanka-kakoy-biznes-v-rossii-sozdayut-zhenshchiny> (дата посещения 25.02.2020).
2. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019: Стат. сб. / Росстат - М., 2019. – С 44.
3. Стереотипы в отношении женщин и их социальные последствия // URL: <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitiye/stereotipy-v-otnoshenii-zhenshchin-i-ikh-posledstviya/> (дата обращения 06.03.2020)

Раздел 3. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: ЧТО ПРОИСХОДИТ С ЗАНЯТОСТЬЮ, КАКИМИ ЯВЛЯЮТСЯ И КАКИМИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАРПЛАТЫ, ПЕНСИИ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.32

Бобков В. Н., Колмаков И. Б., Одинцова Е. В.

Межотраслевые неравенства заработной платы: возможные инструменты регулирования¹

Наиболее высокая среднемесячная номинальная начисленная заработная плата (СЗП) сложилась в 2018 г. у работников организаций, занимающихся добычей полезных ископаемых, финансовой и страховой деятельностью (Таблица 1).

Таблица 1.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников (по полному кругу организаций по видам экономической деятельности), 2018 г/

	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	
	Рублей	
Всего	43724	3,9
деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	26241	2,4
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	28699	2,6
водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	31586	2,8

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-010-00271 "Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: теоретико-методологическое обоснование, переходные формы и инструментарий для тестирования в России".

	<i>Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата</i>	
	<i>Рублей</i>	
<i>деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги</i>	31706	2,8
<i>деятельность по операциям с недвижимым имуществом</i>	33101	3,0
<i>образование</i>	34361	3,1
<i>торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов</i>	35444	3,2
<i>строительство</i>	38518	3,5
<i>деятельность в области здравоохранения и социальных услуг</i>	40027	3,6
<i>обрабатывающие производства</i>	40722	3,7
<i>деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений</i>	44439	4,0
<i>транспортировка и хранение</i>	47474	4,3
<i>обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха</i>	47482	4,3
<i>государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение</i>	47803	4,3
<i>деятельность профессиональная, научная и техническая</i>	66264	6,0
<i>деятельность в области информации и связи</i>	66590	6,0
<i>добыча полезных ископаемых</i>	83178	7,5
<i>деятельность финансовая и страховая</i>	91070	8,2

Источник: Данные Росстата: [6-7].

¹Прожиточный минимум трудоспособного населения

Она была, примерно, в два раза выше средней по России (43 724 руб.). Численность наемных работников для указанных видов экономической деятельности (ВЭД) суммарно не достигала 3,5 млн чел. [1]. При этом, например, для ВЭД «Образование» и «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг», где суммарная численность наемных работников (более 12 млн чел. [1]), почти в 4 раза больше, чем суммарно по ВЭД «Добыча полезных ископаемых» и «Деятельность финансовая и страховая», СЗП работников организаций не достигала уровня средней по

России и была почти в 2-3 раза ниже, чем для ВЭД «Добыча полезных ископаемых» и «Деятельность финансовая и страховая».

Работников организаций в среднем по России и для большей части ВЭД по уровню заработной платы можно отнести к группе оплачиваемых ниже среднего уровня, если ориентиром для оценки возможности обеспечить денежные доходы в домохозяйствах будет выступать полная семья с одним ребенком (Таблица 2).

Таблица 2.

Группировка работников по уровню среднемесячной номинальной начисленной заработной платы с учетом семейной нагрузки (по полному кругу организаций по видам экономической деятельности), 2018 г.

	Группа по уровню заработной платы	
	Оплачиваемые ниже среднего уровня	Оплачиваемые ниже среднего уровня
Всего	Оплачиваемые ниже среднего уровня	Оплачиваемые ниже среднего уровня
деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	Низкооплачиваемые	Низкооплачиваемые
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Оплачиваемые ниже среднего уровня	Низкооплачиваемые
водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	Оплачиваемые ниже среднего уровня	Низкооплачиваемые
деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	Оплачиваемые ниже среднего уровня	Низкооплачиваемые
деятельность по операциям с недвижимым имуществом	Оплачиваемые ниже среднего уровня	Низкооплачиваемые
образование	Оплачиваемые ниже среднего уровня	Низкооплачиваемые
торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Оплачиваемые ниже среднего уровня	Низкооплачиваемые
строительство	Оплачиваемые ниже среднего уровня	Оплачиваемые ниже среднего уровня
деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	Оплачиваемые ниже среднего уровня	Оплачиваемые ниже среднего уровня
обрабатывающие производства	Оплачиваемые ниже среднего уровня	Оплачиваемые ниже среднего уровня

	Группа по уровню заработной платы	
деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	Оплачиваемые ниже среднего уровня	Оплачиваемые ниже среднего уровня
транспортировка и хранение	Среднеоплачиваемые	Оплачиваемые ниже среднего уровня
обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	Среднеоплачиваемые	Оплачиваемые ниже среднего уровня
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	Среднеоплачиваемые	Оплачиваемые ниже среднего уровня
деятельность профессиональная, научная и техническая	Среднеоплачиваемые	Среднеоплачиваемые
деятельность в области информации и связи	Среднеоплачиваемые	Среднеоплачиваемые
добыча полезных ископаемых	Среднеоплачиваемые	Среднеоплачиваемые
деятельность финансовая и страховая	Среднеоплачиваемые	Среднеоплачиваемые

Источник: Данные Росстата: [6-7].

¹Для данного типа семьи учитывались следующие нормативные границы заработной платы: до 1,3 ПМтр – наиболее низкооплачиваемые, от 1,3 ПМтр до 2,6 ПМтр – низкооплачиваемые, от 2,6 ПМтр до 4,1 ПМтр – оплачиваемые ниже среднего уровня, от 4,1 ПМтр до 14 ПМтр – среднеоплачиваемые, 14 ПМтр и более – высокооплачиваемые.

²Для данного типа семьи учитывались следующие нормативные границы заработной платы: до 1,6 ПМтр – наиболее низкооплачиваемые, от 1,6 ПМтр до 3,3 ПМтр – низкооплачиваемые, от 3,3 ПМтр до 5,3 ПМтр – оплачиваемые ниже среднего уровня, от 5,3 ПМтр до 18,1 ПМтр – среднеоплачиваемые, 18,1 ПМтр и более – высокооплачиваемые.

Это означает, что в среднем по экономике и для большей части ВЭД (в т.ч. для таких важных и крупных ВЭД, как обрабатывающие производства, сельское хозяйство, строительство, образование и др.), а всего для 10 из 18 ВЭД, средний уровень заработной платы работников такой, что для семьи, состоящей из 2 взрослых и 1 ребенка он позволяет обеспечить душевой доход, характерный для материальной обеспеченности ниже среднего уровня. Если в качестве ориентира брать полную семью с 2 детьми, то резко увеличивается количество ВЭД, работники которых по уровню заработной платы являются

низкооплачиваемыми. В их число попадают такие ВЭД, как сельское хозяйство, торговля, образование и др.

Разрыв в уровне СЗП по ВЭД составлял 3,5 раза. В большинстве ВЭД ее размер не позволяет достичь средних стандартов благосостояния при полной однодетной семье с двумя работниками. Для полной двухдетной семьи с двумя работниками этот уровень средней заработной платы предопределяет низкую обеспеченность домохозяйств в 7 из 18 ВЭД и материальную обеспеченность ниже среднего уровня еще в 7 ВЭД.

Российскими исследователями в качестве инструментов роста заработной платы и преодоления ее необоснованной межотраслевой дифференциации были предложены и разработаны воспроизводственные потребительские бюджеты по группам работников, различающихся классами условий труда (тяжестью и напряженностью труда). На этой основе для ряда ВЭД были обоснованы отраслевые социальные стандарты заработной платы работников основных профессий. Проведенная адаптация отраслевых социальных стандартов оплаты труда в горно-металлургическом комплексе, угольной отрасли и ряде др. [2-4] показала, что при их применении потребуются повысить уровень заработной платы работников основных профессий этих отраслей от 3 до 7 раз. Этот инструмент был применен в ряде отраслевых тарифных соглашений и может быть рекомендован для преодоления необоснованного межотраслевого неравенства в размерах заработной платы.

Еще одним инструментом повышения уровня заработной платы и снижения ее межотраслевого неравенства может стать введение выплаты безусловного базового дохода для работников с неустойчивой занятостью. Методология осуществления такой выплаты разработана, в настоящее время изучается возможность проведения эксперимента для целевой группы работников [5].

Литература:

1. Обследование рабочей силы – 2018 г. // Росстат. - URL: <https://www.gks.ru/folder/11110/document/13265>
2. Бобков В.Н., Чащина Т.В., Соколов С.В. Разработка отраслевого стандарта оплаты труда работников горно-металлургического комплекса // Уровень жизни населения регионов России, 2009, № 6 (136).
3. Бобков В.Н., Бобков Н.В., Долгов В.Г. Проблемные кластеры оплаты труда и их влияние на неравенство социально – экономического положения работников // 4. 4. Уровень жизни населения регионов России, 2010, № 12 (190).
4. Бобков В., Меньшикова О., Курильченко Е. Формула достатка. Научный подход обеспечит работникам достойную заработную плату // Социальная политика и социальное партнерство, 2015, № 3.
5. Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. Безусловный базовый доход: размышления о возможном влиянии на повышение уровня и качества жизни и устойчивости общества // Уровень жизни населения регионов России, том 15, №3.
6. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности // Росстат. - URL: https://www.gks.ru/labour_costs
7. Величина прожиточного минимума в целом по России и по субъектам Российской Федерации // Росстат. - URL: <https://www.gks.ru/folder/13723>

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.33

Попова, Р.И., Токсанбаева М.С.

Занятость в малом бизнесе в кризисной ситуации¹

Уровень занятости населения, как правило, чувствителен к экономическим циклам. Традиционно в годы экономического роста он увеличивается, а в кризисные периоды снижается, тогда как его антипод – уровень безработицы – меняется в противоположном направлении. В нашей стране это подтвердил кризис и «лихих 90-х», и 2009-2010 гг. Наблюдались те же тенденции и в 2015-2016 гг., когда падение валютного курса рубля и резко возросшее санкционное давление на Россию обусловили пусть небольшой, но спад ВВП.

Схожие тенденции выявились и в сфере малого бизнеса, занятость в котором в кризисные периоды снижалась. Так, по данным Росстата,

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-010-00142.

среднесписочная численность работников малых предприятий в 2009 г. в сравнении с предыдущим годом уменьшилась на 4,6%, в том числе микропредприятий – на 19,3%, а в 2015 г. соответственно – на 3,9 и 5,3%. В секторе индивидуального предпринимательства снижение численности наемных работников в 2009 г. было более интенсивным – до 45% (информации за 2015 г. нет), но, скорее всего, на эти солидные цифры повлиял их переход в «тень», обычно усиливающийся в связи с кризисом.

Кризисные процессы влияли и на другие показатели. Так, произошло сокращение численности персонала на одно малое и микропредприятие (в 2009 г. на 10-12%) и количества наемных работников на одного индивидуального предпринимателя (примерно на треть). Из этого следует, что малый бизнес мельчал, что, по нашим исследованиям, также не редкость для периодов кризиса [1]. Происходят и иные изменения, относящиеся к структурным характеристикам занятости (отраслевым, статусным и др.). Меняется и степень социальной защищенности работников, которая в малом бизнесе и так уступает крупным и средним предприятиям [2].

В условиях современного нарастания экономической нестабильности, чреватой переходом в обвальные формы, изучение данных вопросов актуализируется. Для этого может быть полезным исследование опыта предшествующего кризисного спада 2015-2016 гг. В данной статье объектом анализа стала социальная защищенность работников, которая под воздействием кризиса в той или иной степени претерпевает изменения. Статистической базой послужили материалы выборочного анкетного опроса занятых в столичном малом бизнесе, осуществленного при участии одного из авторов в 2015 г. Характеристики выборки этого опроса отражены в [3].

Изучение социальной защищенности работника проводилось по наемному персоналу, для которого она и предусмотрена. Прежде всего, исследовалось, как кризис влияет на общее положение объектов занятости, в составе которых выделены корпоративные фирмы со статусом юридического лица (малые предприятия) и некорпоративные предприятия без статуса

юридического лица (индивидуальное предпринимательство). В структуре индивидуального предпринимательства разделены юридически зарегистрированные (легальные) и незарегистрированные (неформальные, или нелегальные) формы, идентифицированные не по отдельным работникам, а по всему предприятию (работники могут иметь неформальный статус и на легальных объектах, например, при устном трудовом договоре). Распределение ответов респондентов на вопрос, изменилось ли положение их предприятий в сравнении с предшествующим годом, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Оценка работающими по найму в малом бизнесе изменений в положении их предприятия в условиях кризиса в зависимости от статуса предприятия, %

Статус предприятия	Положение предприятия		
	улучшилось	не изменилось	ухудшилось
Малое предприятие	2,1	48,3	49,6
Индивидуальное предпринимательство	5,2	38,1	56,7
Не зарегистрировано	7,1	37,4	55,5

Источник: расчеты авторов по материалам выборочного опроса работников малого бизнеса в Москве в 2015 г.

Данные табл. 1 показывают большую устойчивость малых предприятий в условиях кризиса, так как не меньше половины работающих на них наемных работников сочли, что положение этих предприятий как минимум не ухудшилось. В индивидуальном предпринимательстве, как зарегистрированном, так и не зарегистрированном, более половины респондентов отметили ухудшение его положения.

Тот факт, что в обеих формах индивидуального предпринимательства несколько выше процент респондентов, признавших улучшение его положения, может быть объяснен двумя основными обстоятельствами. Во-первых, кризис, который ведет к снижению душевых доходов, корректирует структуру спроса на услуги малого бизнеса в сторону большей востребованности недорогих услуг населению (например, мелкой розничной торговли, мелкого ремонта и т.п.), которые концентрируются в индивидуальном предпринимательстве. Во-вторых, по нашим исследованиям, легальные некорпоративные предприятия приспосабливаются к проявлениям

экономической нестабильности (не только к кризису, но и к повышению налогов, арендной платы и пр.) путем перевода части, а порой и всего наемного персонала в «нелегалы». Случается что «на нелегальное положение» переходит все предприятие. Это позволяет экономить на ряде налоговых сборов, чем, по крайней мере, на недолгое время улучшает его позиции.

Но в целом приведенные в табл. 1 данные согласуются с информацией Росстата о более умеренном сокращении в период кризиса занятости на малых предприятиях по сравнению с индивидуальным предпринимательством, что свидетельствует о сравнительной устойчивости малых фирм. Тем не менее, от кризиса страдает значительная часть всего малого бизнеса, что не может не затрагивать социальные интересы занятых в нем наемных работников.

В этой связи респондентам был задан вопрос, как изменившаяся на предприятии ситуация отразилась на их социальном положении. О том, что оно не осталось прежним, говорят следующие данные: вариант ответа об отсутствии изменений отметило меньшинство опрошенных. Среди тех, кто с таким вариантом не согласился, абсолютное большинство пришлось на работников с ухудшившейся (проблемной) ситуацией на предприятии, поэтому рассмотрены только их оценки произошедших изменений.

Поскольку кризис нарушает стабильность занятости, то в варианты ответа на названный вопрос была включена возросшая вероятность увольнения. На проблемных предприятиях ее признала почти треть респондентов, что является весьма высоким показателем, учитывая значимость занятости для благосостояния семьи. Так, почти 85% всех опрошенных признались, что потеря работы в малом бизнесе обернется для них существенным уроном в уровне жизни, а для четверти – нехваткой денежных средств даже для приобретения продуктов питания, то есть крайней бедностью [4].

К числу нежелательных социальных последствий кризиса, наиболее ощутимых для работников, относится также изменение размера и функций заработной платы (например, ослабление функции компенсации трудовых

затрат). Для их выявления отобраны варианты ответов, касающиеся заработной платы на предприятиях, чье положение ухудшилось. Их распределение представлено на рис. 1.

Рис. 1. Мнение работников, занятых на предприятиях, положение которых ухудшилось, об изменениях в области заработной платы, %

Источник: расчеты авторов по материалам выборочного опроса работников малого бизнеса в Москве в 2015 г.

Данные, представленные на рис. 1, показывают, что самым частым случаем изменений, охватившим треть респондентов, стало снижение заработной платы в связи с уменьшением объема работы. Это характерно для кризисных периодов, когда падает совокупный спрос на услуги малого бизнеса (и не только малого). С этой проблемой, как можно понять, и столкнулись предприятия, положение которых ухудшилось. Для их выживания работодатели идут также на экономию трудовых издержек, что, судя по всему, проявилось при прочих вариантах изменений в области заработной платы.

По приведенным в табл. 1 данным, просматриваются два основных пути такой экономии. Первый путь связан, надо полагать, в основном, с сохранением персонала, но урезанием его зарплаток. Однако их сокращение не противоречит стимулирующей функции заработной платы, поскольку упал и объем работы. Второй путь, скорее всего, реализуется через высвобождение

части работников и перекладывание их обязанностей (например, в случае совмещения должностей) и объема работы (в случае уменьшения персонала тех же должностных категорий) на оставшуюся часть. Этот путь сопряжен либо с поддержанием прежнего уровня зарплаток, либо с их урезанием. Но в обоих вариантах происходит нарушение стимулирующей функции заработной платы, то есть ее соответствия количеству и качеству выполняемого труда.

Поскольку кризисные процессы в 2015-2016 гг. в сравнении с 2009-2010 гг. носили в малом бизнесе более щадящий характер (подтверждение тому – различия кризисной динамики численности занятых в нем), то неудивительно, что, во-первых, в соответствии с первым путем экономии трудовых издержек многим предприятиям удалось обойтись без высвобождения работников (по крайней мере, значительного), но за счет сокращения заработной платы, что отразилось на трети персонала.

Во-вторых, в рамках менее распространенного второго пути преобладал тоже сравнительно щадящий первый вариант, который затронул каждого 5-7 работника. Иными словами, кризисная «оптимизация» занятости увеличила трудовую нагрузку на часть работников, но не привела к сокращению их зарплаток. Более жесткий вариант как роста этой нагрузки, так и урезания заработной платы имел крайне ограниченное распространение. Следует также сказать, что и первый, и второй пути экономии трудовых издержек порой сосуществуют на одном предприятии, исходя из ценности для него тех или иных категорий персонала. Наиболее ценные кадры работодатели стараются сохранить, так как при улучшении рыночной конъюнктуры вернуть их назад или найти подходящую замену удастся не всегда.

Еще один вариант экономии трудовых издержек, не обусловленный ни снижением, ни ростом трудовой нагрузки (зарплатную плату просто урезали), может быть объяснен стремлением работодателей «под шумок» кризиса повысить собственные доходы за счет зарплаток персонала. Их далеко не изжитое рентоориентированное поведение – одна из причин ухудшения социальной защищенности работника. Однако следует принимать во

внимание и другие возможные версии: кризисное удешевление услуг, оказываемых предприятием своим контрагентам, или не совсем точная оценка респондентами причин снижения заработной платы.

Таким образом, можно сказать, что кризисные процессы негативно отражаются на положении малого бизнеса и в целом, и на занятых в нем наемных работниках. Бóльшую устойчивость проявляют малые предприятия, а выживанию индивидуального предпринимательства способствуют либо некоторое повышение спроса на мелкие услуги, либо полный или частичный переход в «теневую» зону.

Социальное положение наемных работников становится менее стабильным из-за угрозы увольнения, а общая численность занятых в малом бизнесе сокращается. Значительная часть высвобожденного персонала пополняет ряды безработных. При этом уволенные из «теневого» сектора в случае регистрации в службе занятости, как формально не работавшие несут потери при назначении пособия по безработице.

Заработная плата в малом бизнесе далеко не всегда остается неизменной. Она может быть и прежней, но нередко при условии расширения обязанностей персонала и повышения интенсивности труда, что связано с высвобождением части работников. Растет и вероятность снижения зарплат даже при нарастании объема работы. В этих случаях происходит нарушение стимулирующей функции заработной платы, однако ему противостоит стимул потери рабочего места. Распространенность данных вариантов зависит от глубины кризиса, чем он глубже, тем выше риск снижения зарплат.

Следует сказать, что подобные изменения в уровне социальной защищенности работника в тех или иных пропорциях типичны для кризисных процессов и происходят не только в малом бизнесе, но и на крупных и средних предприятиях. Но малые фирмы при улучшении экономической конъюнктуры обладают способностью быстрее возрождаться и более чутко реагировать на сигналы рыночного спроса и на изменение его структуры.

Литература:

1. Токсанбаева М.С. Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. – М.: Наука, 2006. – 259 с.
2. Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего в сфере труда. – М.: Изд-во РеалПринт, 2017. – 560 с.
3. Социально-экономическая защищенность населения столицы, занятого в малом бизнесе. – М.: ИЗДАТ-Черноземье, 2015. – 265 с.
4. Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире. Т. 2. – М.: Экономическое образование, 2018. – 216 с.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.35

Ржаницына Л.С.

Некоторые проблемы женской занятости в современной России.

Обследование Росстатом женского труда по большому кругу показателей позволяет дать основные характеристики гендерной ситуации в этой сфере. Кратко они таковы. Большая доля женщин работают по найму, помогают в семейных предприятиях. В роли самозанятых, выступают меньше, чем мужчины. И конечно, среди них меньше работодателей, завкафедрой, профессоров и т.п. Большинство профессорско-преподавательского коллектива в университетах составляют женщины (57%), но руководящие посты, как правило, остаются за мужчинами. Зато уборщиц и прислуги среди занятых наемным трудом женщин – 3,1%, тогда как среди мужчин только 0,2% (2017г.). Вместе с тем женщины почти полностью вытеснили мужчин в финансовой и страховой деятельности (100%), в здравоохранении и социальных услугах (79%), гостиницах и общепите (73%). Но даже в этих сферах их зарплаты на 11–25% ниже мужских [1].

В соответствии с учетом Росстата, женщины чаще предпочитают формальный сектор занятости против неформального. Видимо, имеет значение ориентация на получение прав на социальную поддержку работниц, имеющих детей.

И весь этот расклад при более высоком уровне образования: 37% против 29% в 2019 году [2]. Свое образование женщины, как правило, реализуют в качестве работающих в сфере услуг (от судьи до продавца), что исходит как из традиционного распределения труда так и из системы государственного управления, включающего в том числе законодательно утвержденный Список запрещенных тяжелых и вредных профессий. Плохо или хорошо, но этот Список сейчас пересмотрели с позиций сокращения. И теперь женщина вправе работать дальнбойщиком и самой менять колесо многотонного грузовика в случае аварии. По нашему мнению, надо бы поступить радикальнее: вообще запретить вредные и особо тяжелые работы для обоих полов, поскольку проблема репродуктивного здоровья касается их вместе, да к тому же Россия – страна с вымирающим мужским населением в трудоспособном возрасте.

Обозначая показатели женской занятости, обычно считают высокой долю работающих женщин трудоспособного возраста, что оценивается положительно при гендерно ориентированных оценках. Однако есть страны, где она выше, чем в России, например, Скандинавские страны. Приведем высказывание Министра экономики РФ Максима Орешкина с иным по данному поводу мнением. «У нас экономическая активность мужчин в нашей стране составляет 71%, экономическая активность женщин — 56,6%. ... Есть страны, где показатель выше, чем в России», добавил Орешкин и привел в пример Норвегию, где экономически активны около 61% женщин. «Что это значит с точки зрения экономики и экономической динамики? Если бы у нас сейчас в России экономическая активность женщин была бы такая же, как в Норвегии, то ВВП был бы на 4% выше Германии с точки зрения размера экономики. А если бы мы уравнили экономическую активность женщин и мужчин, то это добавило бы российскому ВВП 13—14%. То есть экономика была бы существенно сильнее», — отметил Орешкин.

По словам главы МЭР, сейчас министерство разрабатывает механизмы, которые бы способствовали вовлечению женщин в экономику. В частности,

национальный проект по развитию малого и среднего предпринимательства будет включать целый блок, посвященный этой проблеме [3].

Хотелось бы верить в лучшее, но, к сожалению, в нашем управлении господствует фрикционный, не комплексный подход. Как привлечь в сферу труда неработающую молодежь, ее в России больше, чем в странах ЕС, когда, с одной стороны, по-прежнему существует дефицит дошкольных учреждений, прежде всего для детей до 3-х лет, а с другой, власти увеличивают пенсионный возраст, организуя дефицит бабушек.

И все же автор как работающая женщина рада хотя бы постановке властью вопроса о гендерном аспекте занятости. Однако подобного внимания не удостоилась проблема отставания женщин от мужчин по заработной плате. В РФ разница составляет 28%(2017 г.), в ЕС по данным Евросоюза-16% (2016г.) [4].

Причиной сохранения дискриминационного подхода («стеклянный по потолок» в продвижении на руководящие должности), отставания в карьере в связи с материнством (Максим Топилин считает, что в связи с уходом в декрет возможности профессионального роста снижаются на 15-20% [5]), традиционного сосредоточение женщин на низкооплачиваемых монотонных работах (служашие, канцелярские работники), во многом является тип экономики в стране. У нас в стране главная зона занятости - добывающие отрасли с их преимущественно мускулиным трудом и с более высокой зарплатой (в 2- 2,5 раза) [6], тогда как женщины предпочитают обрабатывающие отрасли: приборостроение, пищевая, швейная, текстильная, которые ныне не в почете, и сферу услуг, традиционно ниже оплачиваемую главным работодателем-государством)

В этой связи стоит обратить внимание и на недостаточное участие женщин и девушек в инженерных и айтишных специальностях в условиях научно- технического прогресса, цифровизации и роботизации (их среди участников STEM в 3-4 раза меньше, чем мужчин), где более высокая оплата трудах[7]. Укажем и на современный фактор - ограничение цены рабочей силы

в сфере бытовых, торговых, гостиничных и т.п. услуг с их преимущественно женскими кадрами на основе конкуренции дешевого труда мигранток.

Еще одной удивительной особенностью является то, что женщины в принципе менее требовательны к заработной плате, так сказать "меньше просят". И, как следствие, огромное количество работодателей готовы этим пользоваться. По исследованиям крупнейшего портала по поиску работу HeadHunter, женщины в среднем указывают желаемую/ожидаемую зарплату на 20-30% ниже, чем мужчины на одни и те же должности.

При этом в России дискриминация женщин в оплате труда остается всего лишь объектом анализа или, в лучшем случае, констатацией факта со стороны женщин, занимающих руководящие посты (О. Голодец и т.п.). В то же время в январе 2018 в Исландии вступил в силу первый в мире закон о равной оплате труда для мужчин и женщин за равный труд. Согласно новому закону, отныне компании, в которых работают больше 25 человек, обязаны проходить специальную сертификацию и подтверждать, что они предлагают равную оплату для мужчин и женщин на одинаковых позициях. Если компании будут нарушать закон или опаздывать с прохождением сертификации, на них могут накладываться штрафы, сумма которых будет возрастать ежедневно. Штраф, в зависимости от решения суда, может достигать 50 000 исландских крон в день, это около \$480. Помимо прочего, закон устанавливает более жесткие требования к предотвращению домогательств и дискриминации на рабочем месте. Полностью избавиться от гендерной разницы в оплате Исландия планирует к 2022 году [8].

Подобный закон принят и в Великобритании, что свидетельствует о намерениях правительств и общественности развитых странах. Правда, в США женскому движению, очень активному и мощному, пока не удалось включить в Конституцию положение о равной оплате.

Помимо традиционных причин, хотелось бы в нашем анализе отметить и менее известные. В их числе проблему сексуальной эксплуатации в сфере отношений трудового найма, как способа повышения оплаты (доходов)

женщин. Актуальность вопроса сочетания отношений труда и сексуальной эксплуатации женщин признана во многих международных документах, в частности, в проекте Рекомендаций Комитета министров Совета Европы (КСМЕ) **«О предупреждении сексизма и борьбе с ним» (Комиссия по гендерному равенству. Страсбург, 17 декабря 2018 года.**

Действительно, на современном этапе продолжает существовать проблема сексуальных домогательств на работе, масштабы которой ни общество, ни власти ныне просто не представляют.

Пример – объявления кадрового агентства «Секрет» в Интернете «НАШИ ВАКАНСИИ»: «Вакансия №49. Ген. директору организации требуется личная помощница без комплексов. Требуется стройная и красивая девушка. Возраст от 27 до 35 лет. Рост от 168 см. Желателен опыт работы с бухгалтерией, документооборотом. Обязательно высшее образование. Умение работать с компьютером. Знание английского языка достаточное для ведения деловой переписки. Заработная плата: На испытательный срок (3 месяца) 120 т.р. в месяц, затем 150 т.р. Возможны бонусы, премии».

Как видим, ситуация непростая. Решать ее, полагаем, следует на основе объективного анализа причин и следствий. Однако, вероятность подобного подхода у структур, принимающих решения, минимальна. Это видно из позиции, изложенной в официальном докладе для ООН, который Россия обязана представлять в соответствующий Комитет организации. Так, 13 марта в московском офисе ООН был представлен доклад «Добровольный национальный обзор об осуществлении повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Документ составлен при участии Аналитического центра при Правительстве России, Минэкономразвития, МИДа, Росстата и других ведомств. Это ежегодный доклад, в котором российские ведомства отчитываются о достижении 17 целей устойчивого развития до 2030 года, объявленных ООН. Одна из них - обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин. В докладе по интересующей нас теме указано: В этой сфере в России есть

проблемы, к примеру с разрывом в размерах оплаты труда между мужчинами и женщинами. Так, в октябре 2017 года соотношение средней заработной платы мужчин и женщин составляло 71,7% (соответственно, 32,6 тыс. против 45,5 тыс. руб.). Одной из причин такого разрыва авторы назвали «традиционное внутрисемейное разделение труда». Оно предполагает, что к функциям женщин относится рождение детей, уход за ними и ведение домашнего хозяйства. «В данном случае женщины отдают предпочтение такому режиму работы и напряженности труда (с соответствующей им оплатой труда), который позволяет больше времени уделять воспитанию детей и семейным обязанностям», - говорится в докладе.

Отсюда автору ясно, что раз различия в оплате труда женщин и мужчин в России существуют по «естественным причинам», то требования международного права (в частности конвенции МОТ Конвенция МОТ № 100 «О равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности» **(Женева, 29 июня 1951 года)**) обречены в России на невыполнение.

Гендерные различия, безусловно, не могут не отражаться в показателе распределения женщин по размерам получаемой оплаты труда - в нем должна быть большая доля работниц с заработком ниже или на уровне прожиточного минимума (ПМ), тем более, что минимальная оплата труда (МОТ) не достигала ПМ вплоть до января 2019. Но и тогда и сейчас данных в обследованиях Росстата по низкооплачиваемым женщинам не найти, ибо учет распределения по размерам заработной платы в виде интервального ряда (в подлежащем группа по заработной плате по мере возрастания и численность работников ее получающих) формируется по всем занятым, независимо от пола. Максимально, что удалось найти в расчетах Росстата на основе выборочных обследований - это данные для Показателей достойного труда (см. Таблица 1)

Таблица 1

Доля работников организаций с низким уровнем заработной платы (ниже 2/3 медианы почасового заработка), в % [9]

	2009	2011	2013	2015	2017	2019
Всего	29,0	28,8	28,1	27,3	26,4	24,7
по полу						
мужчины	19,5	19,6	21,4	20,7	20,0	19,0
женщины	36,5	36,5	33,8	32,9	31,9	29,8

В результате при обосновании мер по повышению МРОТ, которые неизбежны в плане борьбы с бедностью, сокращение которой в 2 раза декларировано Президентом, неизвестно, сколько выигрывают работающие женщины. А они, по сложившемуся мнению, - более бедная категория, чем мужчины.

Еще сложнее задача определения доходов по полу. Удалось найти только цифры в сборнике «Женщины и мужчины», Росстат 2018 год таблица 5.3:

Таблица 2.

Распределение малоимущих домашних хозяйств по экономической активности и полу главы домашнего хозяйства в 2017 году (по данным обследований бюджетов домашних хозяйств); процентов *)

Все домохозяйства	Д/Х, где глава женщина	Д/Х, где глава мужчина
100	12,8	12,0

*) Видимо, выбраны бюджеты семей, где есть работник.

Источник: сборник «Мужчины и женщины России», Росстат, 2018

Как вывод из анализа хотелось бы сделать предложение: ввести гендерную составляющую в систему управления, как много лет предлагают специалисты на основе отечественного и международного опыта, что способно значительно повысить его эффективность в деле развития.

Литература:

1. Выборочное обследование Росстата по профессиям и занятиям 2017.
2. Бабынина Л. Динамика гендерного разрыва. Сокращается ли разница в уровне зарплат мужчин и женщин? // Арсеньевские вести №15[1412]
3. Орешкин заявил, что повышение экономической активности женщин позволит нарастить ВВП // URL: <https://tass.ru/ekonomika/5589526> (дата обращения 02.03.2020)
4. ЕС: мужские и женские зарплаты – разрыв сохраняется // URL: <https://alleuropa.ru/?p=15336> (дата обращения 03.03.2020).
5. Тезисы выступления Министра Максима Топилина на расширенном заседании коллегии Минтруда России. // URL: <https://mintrud.gov.ru/social/social/246>
6. Росстат. Средняя зарплата по отраслям экономики 2018.
7. STEMатизация женщин. Как гендерные стереотипы мешают им строить карьеру в наукоемких отраслях // URL: <https://iq.hse.ru/news/219539209.html> (дата обращения 05.03.2020)
8. Плюсы и минусы жизни в Исландии. // URL: <https://news.eurabota.ua/ru/iceland/migration/plyusy-ta-minusy-zhyttya-v-islandiyi/#6>

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.34

Терентьева М. А.

Рынок труда Российского Севера

Рынок труда играет важную роль в современной экономике. Как крайне сложный распределительный механизм, он обеспечивает соединение работников с рабочими местами. Тем самым он оказывает влияние и на производительность, и на темпы экономического роста, и на многие другие параметры экономики. Рынок труда обычно сильно институционализирован, его реакции во многом определяются спецификой национальных институтов. Действующие институты созданы для того, чтобы минимизировать

последствия возможных провалов рынка, но сами нередко становятся источниками неэффективности и дополнительных барьеров.

За 20 лет рыночных реформ в России сложилась весьма специфичная модель рынка труда, дающая возможность поддерживать высокий и стабильный уровень занятости и относительно низкий уровень безработицы при значительных колебаниях заработной платы. В этом проявляется достаточно высокий уровень жесткости занятости в России [1, С.10].

На Российском Севере (здесь и далее к макрорегиону Российский Север относятся Республики Карелия и Коми, Архангельская и Мурманская области, Ненецкий автономный округ, а также Ханты-Мансийский (Югра), Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, Республики Тыва и Саха (Якутия), Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области) жесткость трудового законодательства проявляется для работодателя дополнительными компенсационными выплатами работникам. Исследования по оценке влияния заработной платы на занятость в северных регионах указывают на то, что жесткость институционального регулирования занятости на Севере приводит к сужению спроса на труд в связи с повышенными затратами найма и увольнения северных работников, а повышение заработной платы стимулирует миграцию в северные регионы. Приток мигрантов впоследствии негативно отражается на северном рынке труда, так как избыточное предложение труда снижает реальную заработную плату, повышает уровень безработицы, и с некоторым временным лагом приводит к миграционной убыли населения, а компенсирующая составляющая в северной заработной плате «съедается» за счет роста региональных цен. Поэтому длительный миграционный отток населения из северных регионов [1] фактически означает ухудшение условий занятости и снижение северной «компенсации» в заработной плате.

При этом Российский Север, имея достаточно высокий удельный вес населения в трудоспособном возрасте, характеризуется высоким уровнем занятости. По данным обследований населения по проблемам занятости в 2019

г., численность экономически активного населения на Российском Севере составила 4118,5 тыс. человек, или 67,1% общей численности населения этого возраста (табл. 1).

Таблица 1.
Динамика экономической активности населения на Российском Севере*

Годы	Численность населения в возрасте 15-72 лет, тыс. чел.	Численность экономически активного населения, тыс. чел.	Уровень экономической активности, в % к численности населения в возрасте 15-72 года
2010	6277,4	4502,8	71,2
2015	6032,8	4323,3	70,2
2016	6006,6	4273,0	69,9
2017	5960,7	4227,4	68,5
2018	5946,1	4181,5	67,1
2019	5624,9	4118,5	67,1

Источник: материалы выборочных обследований населения по проблемам занятости.

За анализируемый период Российский Север устойчиво терял население в возрасте 15-72 года – в большей мере вследствие миграционного оттока. Но, несмотря на это, уровень экономической активности населения на Севере традиционно выше среднероссийского, что закономерно в условиях повышенного удельного веса населения в трудоспособном возрасте.

Следует отметить, что в последние годы на Российском Севере уровень экономической активности характеризуется снижением. Еще недавно этот показатель составлял 71,2%. В 2019 г. цифра упала до 67,1%.

В составе экономически активного населения Российского Севера 3919,5 тыс. человек классифицировались в 2019 г. как занятое население, 236,5 тыс. человек – как безработные по определению Международной Организации

труда. Уровень занятости населения Севера за 2010-2019 гг. в целом характеризуется возрастающим трендом, а безработица – убывающим (табл. 2). Однако, как видно из таблицы, тенденции носят колебательный характер, так как подвержены влиянию особенностей выборок обследований в те или иные годы, а также факторов экономической конъюнктуры (как, например, последствия экономических кризисов).

Таблица 2.

*Динамика уровня занятости населения **

Годы	Занятые в экономике на Российском Севере			Уровень занятости и в РФ, %	Безработные на Российском Севере		Уровень безработицы в РФ, %
	численность занятых, тыс. чел.	в % от численности экономически активного населения	в % от численности населения в возрасте 15-72 лет		численность безработных, тыс. чел.	в % от численности экономически активного населения	
2010	4127,8	91,7	65,8	62,7	375,0	8,3	7,5
2011	4138,7	92,6	66,3	63,9	329,5	7,4	6,6
2012	4113,6	93,5	67,1	64,9	285,9	6,5	5,5
2013	4099,0	93,5	67,6	64,8	284,5	6,5	5,5
2014	4068,4	93,6	67,1	65,3	277,3	6,4	5,2
2015	4041,1	93,5	67,0	65,3	282,1	6,5	5,6
2016	3989,0	93,4	66,4	65,7	284,0	6,6	5,5
2017	3966,9	93,8	66,6	65,1	260,5	6,2	5,2
2018	3945,1	94,3	66,3	59,8	236,5	5,7	4,8
2019	3919,5	95,2	69,7	59,8	375,0	5,7	4,6

Источник: материалы выборочных обследований населения по проблемам занятости.

Уровень общей безработицы на Севере по-прежнему заметно выше, чем по России в целом. Так, в 2019 г. соответствующие цифры составили 5,7 и 4,6%. И разница в уровнях безработицы в РФ и на Севере за последние годы не сокращается. Уровень зарегистрированной безработицы, который на протяжении последних 10 лет значительно превышал среднероссийский уровень, в 2019 г. превысил почти в два раза, показатель в целом по стране составил около 0,9% экономически активного населения, по Северу – 1,6%.

Таким образом, по причине высокого уровня занятости некоторые исследователи указывают на относительно «хорошую работу» северных рынков труда [2, С. 138]. Однако результатом функционирования рынка труда на Российском Севере можно назвать как высокую занятость, так и высокую безработицу, которые во многом и определяют его институциональное устройство.

Литература:

1. Гильтман М.А. Влияние заработной платы на занятость в районах Крайнего Севера России // *Пространственная экономика*. 2016. № 1. С. 60-80. DOI: 10.14530/se.2016.1.060-080.
2. *Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения* / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшниковой и С. Рощина. М.: Изд дом ВШЭ, 2017

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.36

Мигранова Л.А

Денежные доходы населения РФ: новая и старая методика Росстата

В конце 2018 г. Росстат в соответствии с Методологическими положениями по расчету показателей денежных доходов и расходов населения, утвержденными приказом Росстата от 02.07.2014 № 465 с изменениями от 20.11.2018 №680 изменил методику расчёта макроэкономического показателя денежных доходов населения по отдельным

источникам денежных поступлений. Например, в новой методике уточнены доходы по статьям оплата труда наёмных работников и от предпринимательской деятельности, исключены доходы от продажи иностранной валюты и расходы на покупку недвижимости на вторичном рынке жилья и др.

Номинальные денежные душевые доходы населения РФ, опубликованные Росстатом в соответствии с новой и старой методикой за 2013-2017 гг., изменились незначительно (от 98,7% до 101,5%) (табл.1).

Таблица 1.

Номинальные и реальные денежные душевые доходы населения РФ

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Номинальные денежные душевые доходы, руб. в месяц						
<i>Новая методика</i>	25684	27412	30254	30865	31897	33178
<i>Старая методика</i>	25928	27766	30467	30747	31422	н.д.
Соотношение показателей, %	99,1	98,7	99,3	100,4	101,5	-
Реальные доходы, % к предыдущему году						
<i>Новая методика</i>	100,0	98,8	97,6	95,5	99,5	101,1
<i>Старая методика</i>	104,8	99,5	95,9	94,4	98,7	-

Источник: новый сайт Росстата; Социальное положение и уровень жизни -2015; 2017.

Номинальные денежные доходы 2013-2015 гг. по старой методике, были выше, чем по новой, и только в последующие 2 года соотношение этих показателей превысило 100% в пользу новой методики. Данные за 2018 г. рассчитаны Росстатом по новой методике.

Реальные денежные доходы начали снижаться по обоим методикам с 2014 г. и в 2016 г. они достигли своего минимального значения за последние 6 лет. В 2017 г. реальные доходы по новой методике выросли до 99,5% и в 2018 г. составляли 101,1%.

В структуре денежных доходов населения РФ при переходе на новую методику наблюдаются более заметные изменения (табл. 2). Во-первых, скрытая оплата труда по новой методике входит в статью «прочие денежные поступления». Так, например, в 2017 г. доля последних увеличилась с 2% до 14,7%, а доля оплаты труда наёмных работников снизилась с 65,3% до 55,1%. По

новой методике доля оплаты труда в 2014-2016 г.г. была ниже, чем в 2013 г., тогда как в 2018 г. она увеличилась до 57,4%, а через год - до 58,1%.

Таблица 2.

Структура денежных доходов населения по основным источникам их формирования в целом по России

Годы	Всего денежных доходов, млрд.руб.	в том числе в процентах:				
		доходы от предпринимательской деятельности	оплата труда наемных работников	социальные выплаты	доходы от собственности	прочие денежные поступления
<i>Новая методика</i>						
2013	44 230,6	7,0	55,1	18,7	4,7	14,5
2014	47 309,2	7,0	54,9	18,2	4,8	15,1
2015	53 153,2	6,5	52,8	18,2	5,1	17,4
2016	54 325,3	6,4	54,0	18,8	5,1	15,7
2017	56 205,1	6,3	55,1	19,3	4,6	14,7
2018	58 458,7	6,1	57,4	19,1	4,6	12,8
2019	61 978,8	6,1	58,1	19,0	4,4	12,4
<i>Старая методика</i>						
2013	44 650,5	8,6	65,3	18,6	5,5	2,0
2014	47 920,6	8,4	65,8	18,0	5,8	2,0
2015	53 525,9	7,9	65,6	18,3	6,2	2,0
2016	53 991,0	7,8	64,7	18,9	6,5	2,0
2017	55 272,1	7,7	65,3	19,6	5,4	2,0
2018	57 457	7,5	66,2	19,4	4,9	2,0

Источник: новый сайт Росстата; Социальное положение и уровень жизни -2015; 2017.

Кроме того, в структуре денежных доходов при переходе на новую методику сократилась доля доходов от собственности. Так, например, в 2017 г. она составляла 4,6% против 5,4% по старой методике. Следует отметить, что по обоим методикам с 2014 г. по 2016 г. наблюдался небольшой рост доли доходов от собственности.

Наименьшие изменения в структуре денежных доходов населения коснулись статьи «социальные выплаты»: их доля по разным методикам различается на 0,1-0,3%. При этом по обоим методикам доля социальных выплат в 2017 г. увеличилась по сравнению с 2013 годом.

Наиболее полно дифференциацию доходов населения характеризуют ряд распределения населения по денежному душевому доходу, который для

генеральной совокупности населения рассчитывается с применением двух параметров лог-нормальной функции (m – математическое ожидание, $\sigma_{\ln x}$ – среднее квадратическое отклонение логарифмов доходов, определенное на основе данных эмпирического распределения). Впервые теоретическое обоснование использования этой функции для описания и построения ряда распределения доходов населения дано в монографии Римашевской Н.М. и Рабкиной Н.Е. [1].

Сопоставительный анализ рядов распределения населения РФ по денежному душевому доходу, опубликованных Росстатом за 2013-2017 г.г. с использованием новой и старой методики оценки денежных доходов населения показал, что больших различий между ними нет. В 2013-2015г.г. денежные среднедушевые доходы, рассчитанные по новой методике, ниже, чем по старой, а в 2016 г. и 2017 г. соотношение этих показателей стало обратным (табл. 1). Для оценки неравенства ($\sigma_{\ln x}$) в старой методике использовались данные выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, а в новой – выборочного наблюдения доходов домохозяйств.

В рядах распределения денежных доходов населения 2013-2015г.г., рассчитанных по новой методике, по сравнению с рядами распределения, рассчитанным по старой методике, частоты в интервалах доходов до медианы больше на 0,1% в каждом, а в интервалах выше медианы, наоборот, уменьшаются постепенно на общую сумму увеличения частот в интервалах до медианы. В 2016 г. и 2017г. в рядах распределения доходов населения, рассчитанных по новой методике по сравнению со старой, частоты в интервалах до медианы, наоборот, меньше на 0,1% в каждом, а в интервалах выше медианы, постепенно увеличиваются на общую сумму сокращения частот в интервалах до медианы. Такая разница в рядах, рассчитанных по старой и новой методике, объясняется как разной величиной средних значений денежных доходов, так и оценкой дифференциации. В результате коэффициенты дифференциации доходов населения РФ в 2013-2015г.г. несколько меньше по новой методике, в

2016 г. разницы между коэффициентами по разным методикам не было, а в 2017 г. оба коэффициента по новой методике стали выше, чем по старой (табл.3). Следует отметить, что дифференциация доходов населения РФ в 2013-2017г.г. по обеим методикам постепенно сокращалась.

Таблица 3.

Динамика дифференциации денежных доходов населения РФ

Показатели	2013		2014		2015		2016		2017	
	новая	старая								
Коэффициент фондов, раз	16,1	16,3	15,8	16,0	15,5	15,7	15,5	15,5	15,4	15,3
Коэффициент Джини	0,417	0,419	0,415	0,416	0,412	0,413	0,412	0,412	0,411	0,410

Источник: новый сайт Росстата. Социальное положение и уровень жизни – 2015; Российский статистический ежегодник. 2018.

Таким образом, сравнительный анализ уровня и дифференциации денежных душевых доходов населения РФ показал, что существенных различий в этих показателях при переходе на новую методику нет. Тогда как в структуре денежных доходов населения изменения значительные и отвечают содержанию экономической категории денежные доходы.

Среднегодовые показатели денежных душевых доходов населения субъектов РФ, рассчитанные Росстатом по новой и старой методике оценки объемов денежных доходов населения, свидетельствуют о более существенных различиях, чем в целом по РФ (табл. 4). Например, в 2017 г. разница в этих показателях по регионам варьировалась от 90,6% (Республика Дагестан) до 113% (г. Севастополь). Из 85 субъектов РФ в 38 среднедушевой денежный доход при переходе на новую методику снизился. При этом максимальные региональные различия в доходах населения в 2017 г., рассчитанные по новой и старой методике, не изменились и составляли 5,1 раза. Максимальные региональные различия в 2013-2016 гг., рассчитанные по новой методике, ниже, чем по старой (5,73; 5,16; 5,0; и 4,84 раза против 5,86;5,36; 4,98 и 4,96 раза, соответственно). По новой методике эти различия в 2013-2015гг. определяли Ненецкий АО и Республика Калмыкия, а в 2016-2017 гг. – Ямало-Ненецкий АО и Республика Тыва. Именно Тыва стала основной

причиной роста максимальных региональных различий в 2017г. (5,1), которые по данным 2018 г. увеличились до 5,43 раза, т.к. в этой республике с 2016 г. номинальные денежные душевые доходы снижались.

Таблица 4.
Региональные различия в денежных душевых доходах населения РФ

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018
<i>Новая методика</i>						
Максимальные различия, раз	5,73	5,16	5	4,84	5,09	5,43
Коэффициент вариации,%	40,4	38	37,2	38	38,9	40,5
<i>Старая методика</i>						
Максимальные различия, раз	5,86	5,36	4,98	4,96	5,1	н. д.
Коэффициент вариации,%	38,9	36,8	36,2	36,6	37,3	н. д.

Источник: расчёты автора по данным Росстата

Региональные различия более полно отражает коэффициент вариации. В рассматриваемый период этот показатель по новой методике был выше, чем по старой. С 2013 г. по 2015 г. коэффициенты вариации независимо от используемой методики снижались, а с 2016 г. стали увеличиваться.

Литература:

1. Римашевская Н.М., Рабкина Н.Е. Основы дифференциации заработной платы и доходов населения. Методы экономико-математического моделирования. М.: Экономика. -1972. - 288с.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.37

Аликперова Н. В.

Доверие в кризисе

Доверие — ключевая характеристика развитого человеческого общества, проявляющаяся как на индивидуальном, так и на социальном (доверие к общественным институтам и государству в целом) уровне. Именно доверие определяет прогресс. Успех «самореализации» конкретного общества зависит не от рыночных принципов и не от приверженности традициям, но от

«одного, распространившегося повсюду элемента культуры — уровня доверия, существующего в обществе» [1].

Фактор доверия граждан к финансовым институтам является определяющим в развитии финансового сектора государства, от чего зависит успех функционирования данных институтов, а также уровень экономических знаний граждан, и как следствие, проявление заинтересованности в их приумножении [2].

Население, регулярно сталкивающееся с негативными последствиями взаимодействия с финансовыми институтами, обманом, неподъемными процентными ставками по кредитам, разнообразием мошеннических схем на финансовом рынке, ростом количества жертв финансового мошенничества, перестает доверять финансовым организациям, создается ощущение ненадежности всей финансовой системы, и как следствие, отказ воспринимать и изучать предлагаемые новые продукты, разбираться в нюансах тех или иных операций.

Так, согласно данным Росстата, россияне все чаще предпочитают хранить деньги в наличной форме; структура депозитов физических лиц в рублях говорит о коротких горизонтах планирования – вклады, в основном, открываются на срок до 1 года и от 1 года до 3 лет, причем объем последних в последние 5 лет заметно снизился.

Финансовое поведение высокодоходных групп населения говорит о том, что они доверяют банкам свои сбережения лишь в пределах застрахованных сумм, инвестируют только в то, что могут держать под личным контролем (недвижимость, собственный бизнес) и практически не проявляют интереса к добровольному пенсионному страхованию [3]. Статистика Банка России также фиксирует рост недоверия к банковской системе. После снижения уровня недоверия к банкам в 2014-2016 гг. с 24,1% до 8,1%, в 2017 г. на фоне массового отзыва лицензий он снова вырос до 18,3%. О недоверии также свидетельствует тот факт, что в рейтинге источников, в которых россияне готовы занимать средства в случае острой необходимости, банки и иные

подобные организации находятся в конце списка [4]. Недоверие к финансовым институтам проявляется и в той тематике, по которой россияне хотели бы, прежде всего, повысить свои знания и навыки: распознавание финансового мошенничества (39%), изучение прав потребителей финансовых услуг (29%), оценка рисков на рынке финансовых услуг (29%) [5].

Резюмируя, следует отметить, что уровень доверия российских граждан к финансовым организациям требует наискорейшей корректировки, что дает импульсы к размышлению и принятию соответствующих мер со стороны государства, ЦБ по укреплению доверия к финансовой системе в целом.

Среди мер автором выделены следующие:

- проведение последовательной, предсказуемой финансово-экономической политики в интересах большинства граждан, не допускающей изъятия или обесценивания накоплений граждан самим государством;

- регулирование деятельности институтов финансового рынка таким образом, чтобы оградить вступающих во взаимодействие с ними граждан от рисков, связанных с попытками манипулирования их сознанием и средствами со стороны коммерческих структур;

- повышение финансовой грамотности и компетенции сотрудников финансовых учреждений (часто приходится сталкиваться с тем, что сами сотрудники тех же банков не до конца понимают сути предлагаемых продуктов или услуг, тогда как они могут объяснить ее потребителю? «Начинать нужно с себя»);

- предоставление достоверной и открытой информации банками и другими финансовыми институтами, подробное разъяснение любой финансовой операции с выделением рисков и преимуществ от той или иной услуги или продукта до подписания договоров или иных документов, удостоверение сотрудниками финансовых организаций в том, что клиент понял суть вопроса, что, соответственно, ведет к повышению уровня финансовой информированности и осведомленности граждан;

- своевременное и жесткое пресечение деятельности субъектов, ведущих незаконную финансовую деятельность, реализующих по отношению к гражданам недобросовестные финансовые практики;

- формирование деятельности правоохранительных органов и системы правосудия таким образом, чтобы граждане были абсолютно уверены в возможности защитить свои законные права и интересы в случае их нарушения теми или иными участниками финансового рынка.

Литература:

1. Ф. Фукуяма. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 270 с.
2. Аликперова Н.В., Ярашева Н.В. Доверие населения – фундамент стабильности функционирования финансовых институтов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. №8. (80) http://www.uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=3651
3. Аликперова Н.В., Ярашева А.В., Александрова О.А., Бурдастова Ю.В., Ненахова Ю.С. Инвестиционно-сберегательные стратегии высокодоходных групп населения/ под науч. ред. О. А. Александровой, А. В. Ярашевой – М.: Экон-Информ, 2016. С. 158
4. Обзор состояния финансовой доступности в Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/finmarket/development/development_affor/indicators/ (дата обращения: 2.05. 2019 г.).
5. 44% россиян испытывают потребность в повышении финансовой грамотности. URL: <https://nafi.ru/analytics/44-rossiyan-ispytyvayut-potrebnost-v-povyshenii-finansovoy-gramotnosti/> (дата обращения: 2.05.2019 г.).

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.38

Роик В.Д.

Пути раскрытия потенциала пенсионного страхования в России

Потенциал пенсионного страхования зависит от двух крупных факторов: системных условий функционирования и институционального устройства.

К системным условиям, определяющим эффективность функционирования института пенсионного страхования, относятся:

- методы их финансового обеспечения, включая размеры страховой базы (размеры страхуемой заработной платы), продолжительность страхового стажа и пенсионной нагрузки;
- роль государства, основных социальных субъектов (работодателей и работников), страховых организаций в организации пенсионного страхования.

Важнейшим условием оптимального функционирования обязательного пенсионного страхования являются развитые социально-трудовые отношения между работниками и работодателями, позволяющие достигать соглашений по размерам заработной платы, обеспечивающим необходимый объем финансовых ресурсов, требующихся для компенсации последствий социальных рисков старости, инвалидности, утраты кормильца.

Поэтому модель развитых трудовых и страховых отношений характеризуется развитой системой заработной платы наемных работников, размер которой по покупательной способности составляет не менее пяти-шести прожиточных минимумов трудоспособного населения, что позволяет самим работникам участвовать в финансировании пенсионного и медицинского страхования. На макроуровне этим показателем является весовая доля заработной платы в ВВП (порядка 45—55% его величины), что позволяет резервировать и перераспределять во времени (между застрахованными работниками в период трудовой деятельности к периоду выхода их на пенсию) часть заработной платы, величина которой должна составлять не менее 12—15% ВВП.

Другими системными условиями, важным для функционирования пенсионного страхования, являются: значительная доля (более 70%) наемных работников в общей численности экономически активного населения, создающая стабильную базу для организации процесса взимания страховых платежей, а также продолжительные периоды внесения страховых взносов, составляющие не менее 30—40 лет, что позволяет сделать процесс резервирования страховых средств устойчивым во времени.

Системные условия функционирования пенсионного страхования тесно связаны и получают свое развитие в институциональном устройстве данного вида страхования.

Институциональное устройство пенсионного страхования в той или иной стране анализируют на основе сопоставления со следующими характеристиками и критериями:

- размеры страховых тарифов, уплачиваемых работниками, работодателями и размеры дотаций за счет государственного бюджета;

- уровни социальной защиты (с учетом нуждаемости и/или замещения заработной платы).

Национальные законодательства, регулирующие пенсионные системы, определяют общий размер расходов, которые общество тратит на выплату пенсий, и их распределение среди получателей пенсий. Эти нормы устанавливают виды пенсий; категории населения, подлежащие обязательному пенсионному страхованию; возраст выхода на пенсию; порядок предоставления прав на получение пенсий и их размеры. От данных норм в определяющей мере зависит ряд других показателей, характеризующих ту или иную национальную пенсионную систему. В их числе: общая численность пенсионеров и величина расходов на пенсионное обеспечение; структура пенсионеров по видам получаемых пенсий и категории старших возрастных групп, включая занятых трудовой деятельностью и неработающих пенсионеров.

Пенсионные реформы, проведенные в России в 1990-е и 2000-е годы, позволившие решить ряд сложных задач перехода от социалистической модели государственного социального обеспечения к модели пенсионного обеспечения, тем не менее, не смогли сформировать экономические условия и эффективные институты пенсионного страхования. В итоге в стране функционирует пенсионная система с набором разрозненных элементов пенсионного страхования и социальной помощи. Так, институт обязательного пенсионного страхования все еще недостаточно тесно увязан с системой

заработной платы, не отличается надежностью и эффективностью функционирования. Размеры пенсий по покупательной способности и коэффициенту замещения все еще составляют примерно 75-80 % от показателей 1990 г.

Во многом это связано с тем, что постсоветская модель заработной платы еще не отвечает критериям рыночной экономики, поскольку в ней отсутствует элемент, призванный компенсировать последствия социальных рисков утраты трудоспособности наемными работниками. Поэтому большинство работодателей и наемных работников в новых условиях еще не стали экономическими субъектами, готовыми к полноценному финансовому участию в пенсионных страховых институтах.

Более того, финансовая нестабильность пенсионной системы России, других стран СНГ и низкие уровни пенсий в последнее время имеют устойчивую тенденцию к сохранению нестабильности и в перспективе. Нерешенные вопросы касаются как законодательного оформления институциональной базы, так и создания условий для эффективного функционирования финансовых страховых механизмов. Это связано с двумя причинами. Первая из них обусловлена изменением модели социально-трудовых отношений, сохранением советской модели трудовых доходов населения (заработной платы и оплаты труда), демографическим старением, деиндустриализацией экономик, что существенно снижает возможности рынка труда, и так недостаточного по своей емкости. Все это препятствует созданию макроэкономических (системных) условий для организации финансовых механизмов резервирования средств на старость. Данный круг проблем становится задачей номер один для социальной политики государств с транзитной экономикой.

Вторая задача связана с необходимостью ответа на еще один крупный вызов для постсоветских стран – сохранение устаревших догм о роли работников и работодателей в вопросах институционального становления пенсионного страхования, вследствие чего в России финансовая нагрузка по

пенсионному страхованию возложена на работодателей и от нее освобождены сами работники.

Государственный масштаб решения этих двух проблем состоит в том, что в течение среднесрочного периода (5-6 лет) потребуется решить ряд крупных задач. Например, в России, к важнейшим из них можно отнести:

- необходимость повышения среднего размера пенсии не менее чем на 15-20 %, что потребует ресурсов в объеме не менее чем 2,0 % ВВП;
- принятия мер к сокращению дефицита бюджета Пенсионного фонда России не менее чем на 1,5% ВВП;
- реализация мер, направленных на компенсацию дополнительных затрат в связи со старением населения страны, что можно оценить в 0,5-1,0% ВВП.

Данные ориентиры для пенсионного страхования отражают рекомендации МОТ, важнейшей из которых является размер страховой пенсии, оцениваемый в 40% от среднестатистического заработка застрахованного лица за нормативно-установленный период стажа, что зафиксировано как целевая установка в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы на период до 2030 года.

В качестве критериев ее достижения определены следующие целевые ориентиры:

средний размер трудовой пенсии¹ по старости – не менее 2,5-3 прожиточных минимумов пенсионера (ПМП);

коэффициент замещения трудовой пенсии по старости – 40 % утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате.

Актuarные расчеты Пенсионного фонда России свидетельствуют, что даже при полном выполнении намеченных в данном документе мер данная

¹ с 2015 г. в связи с изменением пенсионного законодательства понятие «трудовая пенсия» упразднено. В настоящее время ему соответствуют две пенсии – страховая, включая фиксированную выплату к ней, и накопительная.

цель не будет достигнута: коэффициент замещения, в лучшем случае, сохранится на уровне 32-33 %.

Что касается оценок возможности повышения размеров пенсий, покупательная способность которых позволяла бы приобретать 2,5 набора потребительской корзины, что предусмотрено Стратегией долгосрочного развития пенсионной системы до 2030 г., то данный рубеж, по мнению экспертов, также не будет достигнут [2].

Объединение усилий работников и работодателей по резервированию финансовых средств на пенсионное обеспечение в пользу работников – это суть экономического, финансового и правового механизма обязательного пенсионного страхования.

Социально-экономическое и правовое содержание института пенсионного страхования состоит в том, что государство посредством закона включает работника в систему обязательного пенсионного страхования, что позволяет застраховать его доход в форме оплаты труда от рисков «старости» и инвалидности, а также застраховать материальное положение нетрудоспособных членов семьи работника, живущих на доходы от его трудовой деятельности.

Ключевым признаком трудовой пенсии является ее социально-страховой характер, раскрываемый в понятии страхового риска, который в отечественном пенсионном законодательстве трактуется как *утрата застрахованным лицом заработка* (выплат, вознаграждений в пользу застрахованного лица) или *другого дохода* в связи с наступлением страхового случая, которым могут являться достижение пенсионного возраста, наступление инвалидности, потеря кормильца ¹.

¹См.: ст. 8 Федерального закона № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации».

Литература:

1. Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации /Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2012 г. № 2524-р. // «Собрание законодательства РФ», 31.12.2012, № 53 (ч.2), ст. 8029
2. Ю.М., Ляшок В.Ю. Повышение пенсионного возраста: пейзаж после... - 3. ГС. Москва: 2019. Издательский дом ДЕЛЮ. С. 7.
3. Федеральный закон № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации». URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34447/ (дата обращения 17.01.2020).

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.39

Марков Д. И.

Нужен ли молодежи гарантированный пенсионный план?

Потребность национальной экономики в долгосрочных инвестиционных ресурсах и необходимость повышения качества жизни будущих пенсионеров обуславливают интерес государства к «подталкиванию» населения в сторону инструментов индивидуальных пенсионных накоплений. Однако, ни программа софинансирования пенсионных накоплений, ни внедрение негосударственного пенсионного обеспечения (НПО), как показало время, не нашли спроса у работающего населения. Основные причины – низкие доходы и отсутствие доверия к пенсионной системе страны в целом. В 2019 году Министерством финансов была предпринята очередная попытка, анонсированная в форме законопроекта о «гарантированном пенсионном плане» [1].

Гарантированный пенсионный план представляет собой пенсионную схему, по которой будущие пенсионеры добровольно совершают дополнительные взносы (помимо обязательных отчислений в рамках профессионального пенсионного страхования) в негосударственные пенсионные фонды. В перспективе данный законопроект должен вступить в силу в 2021 году. В качестве бонусов предлагаются:

- ⇒ Налоговый вычет НДФЛ на сумму взноса в ГПП;
- ⇒ Возможность наследования накопленных средств;
- ⇒ Право снять всю сумму накоплений в случае особых обстоятельств;

⇒ Государственные гарантии сохранности накоплений.

Участникам предлагаются также возможности **1)** самостоятельно определять размер взносов (фиксированный взнос или определенный процент), **2)** менять НПФ, и **3)** оформить «каникулы» до 5 лет [2].

С учетом длительности срока отчислений (30 и более лет) приоритетной целью новой пенсионной схемы является молодежь. В связи с этим автором было проведено социологическое исследование в рамках выпускной квалификационной работы «Установки московских студентов в отношении индивидуальных пенсионных накоплений», целью которого было определить, как отнесутся молодые люди к гарантированному пенсионному плану и готовы ли они будут в нем участвовать. Исследование проводилось в 7 московских вузах различных направлений: технических, медицинских, гуманитарных. Объем выборки 400 респондентов, обучающихся в московских вузах. Кроме того, были проведены 4 фокус-группы по исследуемой теме. Таким образом, на данную проблематику удалось взглянуть, как с количественной, так и с качественной стороны.

Согласно результатам опроса, гарантированный пенсионный план при позитивном прогнозе сможет заинтересовать лишь более трети московской молодежи (39,10%), что представлено на рисунке 1:

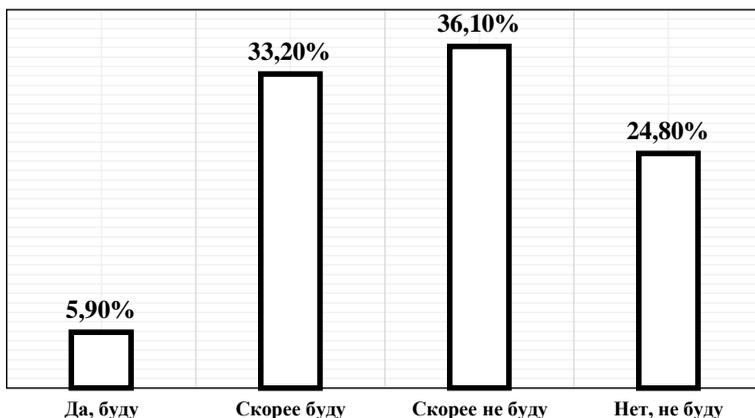

Рис. 3 – Готовность московской молодежи к участию в гарантированном пенсионном плане.

Причем, чем старше опрошенные, тем меньше они готовы участвовать в ГПП, что, возможно, связано с умозрительностью представлений более молодых, еще не имеющих занятости респондентов, о своей зарплате и структуре расходов семейного бюджета. Так, если процент нежелающих участвовать в ГПП составил 17% в возрасте до 20 лет, то в более старших возрастных группах этот процент выше: 27% в возрасте от 20 до 24 лет и 42% в возрасте 25 лет и старше.

Нежелание населения участвовать в добровольных пенсионных схемах опрошенные объясняют, **во-первых**, отсутствием свободных денежных средств и, **во-вторых**, отсутствием доверия негосударственным финансовым институтам и инструментам, которые они используют (71,9% и 65,2% соответственно).

В отношении себя участники фокус-группы высказали аналогичные причины, касающиеся как низкого дохода (*На данный момент мне доход не позволяет еще и дополнительно куда-то отчислять ...*), так и недоверия к НПФ. Последнее обусловлено:

а) отсутствием ясности в их работе (*«Если я буду вкладывать куда-то в доверительное управление свои деньги, то в хедж-фонды - с понятной*

структурой портфеля, с понятными методами управления и т.д. А НПФ - это какие-то мутные структуры, с очень сомнительными перспективами, особенно, если речь идет об интервалах в 30-40 лет. Не думаю, что они и 10 лет проживут»);

б) отсутствием реальных положительных примеров (*«Я еще никого не видела, кто бы вложил в эти фонды, и сейчас хорошо жил. Просто нет примера перед глазами»);*

в) отрицательным предыдущим опытом заморозки накопительной части пенсии в рамках обязательного пенсионного страхования (*«Обещали, что все будет хорошо, а оказалось все не очень хорошо: в один момент все развалилось, и деньги утекли в никуда. Подозреваю, что и это – такая же схема, как предыдущая. Если бы не было такого негативного бэкграунда, возможно, и поучаствовал бы»).*

Более 75% желающих участвовать в ГПП готовы отчислять в НПФ до 5-6% от своей заработной платы. В качестве основных опасений, связанных с длительностью срока формирования накоплений, опрошенные выделили:

- Риски, связанные с деятельностью государства, в частности – изменение «правил игры» не в пользу будущих получателей дополнительной пенсии (77%, *«...это была очень хорошая идея, которая, к сожалению, была разрушена государством, потому что ему были нужны наши деньги. НПФ начали хорошо, но успокоило их государство»)* и девальвацию рубля (76%, *«У меня сомнения по поводу экономической системы через 40 лет - нет уверенности, что все накопления, которые я за это время сделаю, не будут приравнены к ничему - как было в 90-е годы»);*
- Риски, связанные с деятельностью НПФ, а именно – обесценение накоплений в результате деятельности НПФ (78%) и банкротство НПФ, с последующей потерей всей накоплений (67%, *«... зная о том, какие там возможны схемы, банкротство и т.д., всё равно бы старался взаимодействовать с этим по минимуму»);*

- А также риски, связанные с возможными перерывами в отчислениях, вызванные потерей работы и трудоустройством (63%).

К предлагаемым в ГПП бонусам студенты отнеслись скорее со скепсисом. Например, налоговый вычет, по мнению участников фокус-групп, был бы полезен при высоком доходе, иначе в нем нет необходимости (*«Налоговый вычет был бы для меня актуальным, если бы мой доход был достаточно высоким. Но сейчас не такой»*). Так как наследование средств предусматривается и в ряде других финансовых инструментов, такой бонус не рассматривается опрошенными как некое преимущество (*«Если я вкладываюсь в другие понятные инструменты, они и так по наследству передаются. Поэтому я не вижу какой-то выгоды в этом инструменте»*), а обсуждаемый элемент открытости – возможность отслеживания состояния счета ГПП в online-режиме – скорее настораживает (*«Мне даже было бы подозрительно то, что предлагают такую вещь как online-отслеживание счета... Такая система предусмотрена в каждом финансовом инструменте. Если я вкладываюсь в ценные бумаги, я их вижу не то что в online... я могу видеть, как изменяется стоимость портфеля каждую секунду. Все это очень странно, потому что такое отслеживание должно быть предусмотрено изначально»*).

Главными качеством такого инструмента, с точки зрения опрошенных, должны являться **1)** гарантия долгосрочной доходности накоплений (*«Чтобы сумма, которая у меня там хранится, индексировалась, если цены вдруг вырастут»*) и **2)** и возможность участия в составлении инвестиционного портфеля (*«Было бы не плохо, если бы НПФ предлагали беспроигрышные варианты для вложения. Но я хочу, чтобы у меня оставалось право выбора, куда вкладывать, даже если будет какой-то ограниченный список выигрышных вариантов»*).

Таким образом, подводя итог, можно предположить, что новый инструмент дополнительных пенсионных накоплений повторит судьбу предыдущих экспериментов – при добровольности отчислений у молодежи не

будет в нем потребности (*«Если бы у меня на руках появились деньги и я могла бы их хорошо куда-то откладывать, я бы занималась этим сама. Сама бы выбирала инструменты, куда, как и каким образом – может быть, инвестиционные фонды, но это не был бы пенсионный фонд»*). Предлагаемые в ГПП бонусы не имеют для молодежи существенной значимости. Наилучшим средством вовлечения было бы обеспечение государственных гарантий доходности накоплений, размещенных в НПФ, а не сохранности их номинала.

Литература:

1. Проект ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросам негосударственного пенсионного обеспечения». *Электронный ресурс*. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=95019> (дата обращения: 29.03.2020).РБК:
2. Без гарантий: в чем проблема нового пенсионного плана Минфина. Публикация от 31.10.2019. [*Электронный ресурс*]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/31/10/2019/5dba995d9a794738b993651c> (дата обращения: 29.03.2020).

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.40

Черных Е.А.

Подход нобелевских лауреатов по экономике 2019 года к решению проблемы бедности

Нобелевскую премию по экономике за 2019 год присудили американцам Абхиджит Банерджи и Майклу Кремеру, а также француженке Эстер Дюфло «за экспериментальный подход к искоренению глобальной бедности».

Новый подход лауреатов 2019 года заключается в том, что они делят проблему поиска путей борьбы с мировой бедностью на более мелкие, управляемые вопросы. Разрабатывая дизайн своих полевых экспериментов, исследователи опускались на низовой уровень социально-экономических проблем, рассматривая бедность сквозь «микроэкономическую и микроэконометрическую оптику» [1]. Главная идея Банерджи, Дюфло и

Кремера в том, что бедность и ее причины, гораздо сложнее, чем принято думать: постоянный стресс, вызванный нищетой, ослабляет способность принятия рациональных решений, в том числе и финансовых. Если раздать деньги привыкшим к нищете людям, то вместо запасов еды, обследования у врачей или инвестиций в будущее, они купят предмет роскоши. Главный вывод нобелевских лауреатов заключается в том, что для выхода из ловушки бедности людям требуется мощный экономический толчок. В XXI веке борьба с бедностью – это не займы и гранты правительствам развивающихся стран, а работа по улучшению образования и здравоохранения внутри этих стран [2].

Авторы использовали полевые эксперименты (рандомизированные контролируемые исследования (РКИ), чтобы протестировать меры, которые могли бы улучшить положение бедных в развивающихся странах. Без рандомизированного эксперимента невозможно создание репрезентативной, несмещенной выборки и потом разбиения ее на «контрольную» и «экспериментальную» [3]. Некоторые исследователи утверждают, что ориентация рандомистов на оценку конкретных программ помощи может привести к тому, что они не учтут такие факторы, как энергетика, инфраструктура, торговля и коррупция - макроэкономические проблемы, ключевые для процветания страны, но которые практически невозможно рандомизировать [4]. Существует ряд критических замечаний по РКИ, включая проблемы с тиражированием результатов и возможное смещение подтверждений в отношении отрицательных результатов, но лауреаты значительно расширили методологическую базу РКИ, ответив практически на все замечания. Эксперименты, разработанные лауреатами 2019 года, имеют две отличительные особенности. Во-первых, участники принимали реальные решения в своей повседневной обстановке, как в экспериментальной, так и в контрольной группе. Во-вторых, лауреаты считали, что устойчивые улучшения требуют понимания того, почему люди принимают эти решения - движущие силы их решений. Банерджи, Дюфло и Кремер способствовали также совершенствованию и популяризации специфических

инструментальных методов, применяемых для обработки результатов полевых экспериментов: метода разности разностей (difference-in-difference estimation), так называемых регрессионных моделей с разрывным дизайном (regression discontinuity analysis) и др. [1]. На основе РКИ Банерджи и Дюфло разработали комплекс рекомендаций по борьбе с бедностью в странах третьего мира. Их книга «A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty» («Радикальное переосмысление способа победы над глобальной бедностью») вышла в 2011 году и стала очень популярной [2].

Банерджи, Кремер и Дюфло проводили исследования по разным вопросам в Индии, Кении, Марокко, Индонезии и других странах. Приведем некоторые основные выводы из их работ [на основании 5, 6, 7]:

- Разрешение оформлять необходимые документы на подключение воды на дому вместо посещения муниципалитета позволило увеличить число подключившихся к водоснабжению в марокканском Танжере почти в 6 раз.
- Рядом с источниками воды надо размещать раздаточные пункты с бесплатной хлоркой.
- Исследовали продажи в Кении москитных сеток по рыночным и сниженным (частично субсидируемым) ценам. Спрос очень сильно зависел от цены, но не от дохода потребителей. Сравнительно обеспеченные люди покупали сетки по рыночной цене так же неохотно, как и бедняки, несмотря на реальный риск подхватить малярию.
- Фермеры в странах Африки к югу от Сахары не применяют искусственные удобрения, потому что бедные люди живут в настоящем и склонны откладывать инвестиционные решения. Результатом является порочный круг, в котором люди не инвестируют в будущее, даже если это отвечает их долгосрочным интересам. Ограниченная рациональность имеет важные последствия для разработки политики. Временные субсидии оказали значительно большее влияние на использование удобрений, чем постоянные: предложение, которое применяется только здесь и сейчас уменьшает стимулы для отсрочки инвестиций.

- Исследовали влияние цены на таблетки от паразитарных инфекций и обнаружили, что 75% родителей давали детям эти таблетки, когда лекарства были бесплатными, по сравнению с 18%, когда они стоили меньше, чем 1 доллар США (сильно субсидируемая цена). Было обнаружено, что бедные люди очень чувствительны к ценам в отношении инвестиций в профилактическое здравоохранение. Поэтому в здравоохранении следует внедрять «недорогие» медицинские технологии: вакцинацию детей, лекарства для дегельминтизации, прививки от столбняка для будущих матерей, снабжение витамином В для борьбы со слепотой, таблетки с железом и обогащенную железом муку для борьбы с анемией.
- При внедрении мобильных медицинских клиник, которые разбивали прямо в деревнях, уровень вакцинации утроился в деревнях, которые были случайно выбраны для доступа к этим клиникам, и составил 18% по сравнению с 6%. Уровень вакцинации увеличился до 39%, если семьи получали мешок чечевицы в качестве бонуса при вакцинации их детей. Низкое качество обслуживания и отсутствие сотрудников на работе в стационарных клиниках - еще одно объяснение, почему бедные семьи так мало вкладывают в профилактические меры.
- Для решения проблемы хронического голода в бедных странах лучше работает обеспечение беременных женщин и детей витаминами, чем поставки зерна.
- Предоставление бесплатных учебников в индийских школах мало повлияло на средние результаты тестов (возможно, из-за языковых проблем - учебники были на английском языке). Однако студенты, которые уже имели более высокие баллы, чем их сверстники, продвинулись в учебе вперед, если им выдавали книги.
- Обнаружили отсутствие четких стимулов и ответственности у учителей, что выражалось в высоком уровне невыходов на работу. Чтобы повысить мотивацию учителей надо нанять их на краткосрочные контракты, которые могли быть продлены. Дюфло и Кремер сравнили влияние работы учителей в

этих условиях с уменьшением соотношения количества учеников на одного учителя. Они обнаружили, что у учеников, у которых были учителя по краткосрочным контрактам, результаты тестов были значительно лучше, а количество учеников на одного преподавателя не оказывало существенного влияния.

- Улучшение управления школой и требование ответственности со стороны учителей, которые не выполняют свою работу, являются экономически эффективными мерами. Дюфло и Банерджи доказали, что чтобы дети лучше учились и смогли обеспечить себе более высокий уровень жизни, нужно повышать качество преподавания и развивать индивидуальный подход к ученикам.

- Внедрили программу борьбы с загрязнением на промышленных предприятиях в индийском штате Гуджарат. Сотрудничая с американскими исследователями, штат провел в 2009 году эксперимент с 500 заводами. В контрольной группе использовали традиционную систему, когда отрасли нанимают собственных аудиторов для проверки соблюдения норм по загрязнению. Экспериментальная группа протестировала схему, в которой независимым аудиторам платили фиксированную цену за проверку, надеясь, что это избавит аудиторов от страха шантажа за подачу честных отчетов. Оказалось, что независимые аудиторы с 80% меньшей вероятностью ложно давали предприятиям проходной балл, а многие промышленные предприятия, охваченные этими проверками, отреагировали ограничением загрязнения. В 2010 г. регуляторы развернули программу по всему штату.

С 2020 года коллектив исследователей ИСЭПН ФНИСЦ РАН, включая автора статьи, участвуют при финансовой поддержке РФФИ в научном проекте № 20-010-00271 «Безусловный базовый доход как регулятор повышения уровня и качества жизни: теоретико-методологическое обоснование, переходные формы и инструментарий для тестирования в России» [7, 8]. Данное исследование сформирует основу для реализации на уровне регионов экспериментальных проектов, в рамках которых могут быть

протестированы актуальные для России переходные формы ББД. Современный метод полевых исследований будет использоваться для изучения потенциального влияния введения элементов ББД на рынок труда и сферу занятости, на развитие человеческого потенциала и социальную защиту наиболее уязвимых категорий населения.

Литература:

1. Столбов М. И. Нобелевская премия по экономике 2019: эксперименты против бедности. <https://mgimo.ru/about/news/experts/nobelevskaya-premiya-po-ekonomike-2019-eksperimenty-protiv-bednosti/>
2. Рубченко Максим. Рецепт от бедности: за что дали Нобелевскую премию по экономике, МОСКВА, 14 октября. РИА Новости, <https://ria.ru/20191014/1559769532.html>
3. Константин Сонин о Нобелевской премии по экономике-2019 <https://iq.hse.ru/news/311549627.html>
4. Callaway Ewen. Randomistas' who used controlled trials to fight poverty win economics Nobel 14 OCTOBER 2019 Nature doi: 10.1038/d41586-019-03125-y
5. Scientific Background on the Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2019 UNDERSTANDING DEVELOPMENT AND POVERTY ALLEVIATION The Committee for the Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel <https://www.nobelprize.org/uploads/2019/10/advanced-economicsciencesprize2019.pdf>
6. Esther. The Economist as Plumber 23 January 2017 <https://economics.mit.edu/files/12569>
7. Черных Е.А. Безусловный базовый доход: отношение общественного мнения и финансово-экономические аспекты внедрения // Уровень жизни населения регионов России. – 2019. – № 4. С.70-84. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10083
8. Бобков В.Н., Долгушкин Н.К., Одинцова Е.В. Безусловный базовый доход: размышления о возможном влиянии на повышение уровня и качества жизни и устойчивости общества // Уровень жизни населения регионов России. – 2019. – № 3(213). – С. 8-26. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10069

Бедность пенсионеров: условия сокращения¹

Сокращение бедности пенсионеров – главная цель не только пенсионной реформы, но и всего современного этапа развития общества. Однако, достижение данной цели постоянно вступает в противоречие с альтернативной целью – снижением «нагрузки на бизнес», в частности, и на госбюджет в целом, поскольку социальные расходы традиционно рассматриваются как непроизводительные расходы, отвлекающие финансовые ресурсы от производительных расходов на инвестиции, инновации и модернизации, т.е. рост экономики.

Не отвлекаясь на онтологические дискуссии о первичности социальных или экономических функций государства, рассмотрим проблему бедности пенсионеров с позиций анализа факторов, определяющих ее возникновение и условия преодоления.

В современной российской действительности преодоление тенденции обеднения пенсионеров осложняется усилением влияния на развитие пенсионной системы рыночных глобальных и национальных рисков: макроэкономических и социально-трудовых факторов (развитие рынка труда), поскольку страховые принципы формирования пенсионных накоплений основаны на учете в стоимости рабочей силы, наряду с зарплатой, также и пенсионных отчислений. Обе отмеченные цели характеризуют развитие основного компонента российской пенсионной системы – обязательного пенсионного страхования (ОПС).

В правительственной программе пенсионной реформы поставлен конкретный целевой ориентир – достижение к 2030г. размера страховой

¹Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ

пенсии 2,5-3,0 ПМП. Для решения поставленной задачи с учетом последствий бюджетного кризиса 2014-2016 гг. и глобального кризиса 2020г. необходимы дополнительные меры как параметрического, так и институционального характера, которые позволят улучшить материальное обеспечение пенсионеров.

В представленном исследовании анализируются факторы и экономические инструменты преодоления бедности пенсионеров и регулирования зависимости пенсионной системы от государственного бюджета.

Пенсия является основным источником доходов пенсионеров, которая выплачивается в зависимости от наличия и величины трудового стажа и заработка либо из системы обязательного пенсионного страхования, либо из системы государственного пенсионного обеспечения. В домохозяйствах, состоящих только из пенсионеров, пенсии составляют половину общего дохода семьи. Почти столь же высокий удельный вес другого источника – доходов от трудовой деятельности – 40%– связан с официальной и теневой занятостью значительной части пенсионеров. Остальные источники вносят незначительный вклад в бюджеты домохозяйств пенсионеров. Самый заметный из них – пособия и социальные выплаты – составляет 6%, другие виды материальной поддержки нетрудоспособных граждан еще меньше.

Для характеристики экономической эффективности развитых пенсионных систем применяется коэффициент замещения, который непосредственно увязывает размер материального обеспечения с утраченным заработком пенсионера. При этом наряду с собственно пенсией в доходах обычно учитываются иные обязательные выплаты, получаемые его домохозяйством с учетом социально-экономических особенностей последнего. В нашей стране материальное обеспечение пенсионеров не ограничивается страховой пенсией, поскольку большинство имеют право на дополнительные к страховым не страховые выплаты [1]. С другой стороны, данный показатель никогда не используется в качестве среднестатистической

характеристики всей совокупности пенсионеров, а исключительно для той категории застрахованных лиц, которая строго соответствует нормативным требованиям для участников государственной системы ОПС.

В российской статистике до сих пор не установлен адекватный показатель эффективности государственного пенсионного обеспечения, в той или иной степени учитывающий уровень бедности пенсионеров. Зачастую для этого используется соотношение среднестатистической пенсии и среднестатистического размера номинальной зарплаты. Очевидно, что в таком сочетании показатель практически не имеет экономического смысла, поскольку, как минимум, не учитывает специфику статучета пенсии и зарплаты в части сопоставимости и соизмеримости, а также не отражает требования для участников государственной системы ОПС.

Для оценки эффективности российской пенсионной системы предлагается использовать показатель, ориентированный на достижение целевых ориентиров пенсионной реформы, который определен как размер страховой пенсии 40% от среднестатистического заработка застрахованного лица за нормативно-установленный период стажа. Такой показатель принят в правительственной Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы на период до 2030 года (Стратегия). В качестве критериев ее достижения определены следующие целевые ориентиры:

- средний размер трудовой пенсии по старости – не менее 2,5-3 прожиточных минимумов пенсионера (ПМП);
- коэффициент замещения трудовой пенсии по старости – 40 процентов утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате.

Расчет такого показателя в прогнозных макроэкономических и демографических условиях наглядно свидетельствует, что даже при полном выполнении данных условий целевой ориентир Стратегии будет варьироваться всего лишь между 30,4-32,0% вместо необходимых 40%. Закономерно вытекает вывод, что цель Стратегии по сокращению бедности в

прогнозируемых условиях социально-экономического развития страны потребует дополнительных мероприятий, как в части совершенствования самой пенсионной системы, так и в части повышения уровня участия государственного бюджета по выполнению своей законодательной функции субсидиарной ответственности за реализацию государственных пенсионных обязательств как перед прошлыми, так и перед будущими пенсионерами в стране. Для обоснования экономического механизма преодоления бедности пенсионеров необходимо установить критерии ее оценки и объективно проанализировать факторы ее формирования [2].

Для этого в мировой практике успешного решения данной проблемы традиционно используются показатели бедности: абсолютный и относительный. Для оценки *абсолютной бедности*, т.е. состояния, при котором человек на свой доход не способен или способен удовлетворять только минимально необходимые потребности, используется прожиточный минимум (ПМ). В Российской Федерации - это единственный законодательно закрепленный измеритель бедности. Величина ПМ представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы. Следует подчеркнуть, что в расчете ПМ для социально-демографической группы пенсионеров (Прожиточный минимум пенсионера) обязательные платежи и сборы не включаются.

В начале 2000-х годов численность малоимущего населения в России превышала 40 млн. чел. при таком же, как в настоящее время, удельном весе в ней населения пенсионных возрастов. Именно бедность пожилых людей стала главным катализатором пенсионной реформы 2002 года. Но в первые годы реформы ситуация улучшалась крайне медленно. Общая численность малоимущего населения (с доходами ниже ПМП РФ) в настоящее время составляет в России 19,5 млн. чел. (13,3% от численности населения), вернувшись к уровню 2008 года. По сравнению с наиболее благополучными 2012-2013 гг. она увеличилась на 4 млн. чел.

Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы России (2012 г.) предусматривает переход к расчету пенсии, исходя из «*нормативного стажа*» и увеличения требований к минимальному страховому (трудовому) стажу, поэтому его величина с учетом изменений демографической ситуации должна устанавливаться исходя из параметрических условий сбалансированности пенсионных прав и финансовой обеспеченности долгосрочных государственных обязательств, и по расчетам составляет 35,0 лет. Размер зарплаты для расчета индивидуального коэффициента замещения также нормативно не установлен.

Учитывая указанные особенности формулы, расчетная величина индивидуального коэффициента замещения составляет 32%, и сохраняется в долгосрочной перспективе – к 2030 г. (в пределах 30,4% - 31,6%). Незначительные колебания связаны не только с величиной пенсионных прав, сформированных застрахованными лицами по нормам пенсионного законодательства, но и с динамикой макроэкономических условий функционирования пенсионной системы. Расчеты коэффициента замещения с учетом инфляционной динамики заработка за нормативные 35 лет стажа, показывают, что индивидуальный коэффициент замещения в текущем году и в период до 2030 г. позволяет достигнуть 40%, которые соответствуют целевому ориентиру Стратегии.

Литература:

1. Соловьев А.К. Актуарный анализ влияния неформальной занятости для формирования пенсионных прав застрахованных лиц//Проблемы рыночной экономики. 2017. № 2. С. 4-19.
2. Соловьев А.К. Анализ уровня бедности пенсионеров: региональные аспекты//Финансовые исследования. 2017. №1. С. 84-96.

Потребительские настроения как индикатор социально-экономических изменений

В период экономической и социально-политической трансформации, который переживает сегодня Россия, важным направлением научных исследований является изучение функционирования экономики различных территориальных сообществ и создание перспективных программ социально-экономического развития. Подобные исследования основываются в основном на использовании комплекса таких макроэкономических показателей, как валовой внутренний продукт, темпы производства в отраслях экономики, приток и отток капитала, объемы инвестиций, уровень безработицы, баланс бюджета, инфляция и пр. Вместе с тем, трансформационные процессы, происходящие в социально-экономической жизни современного общества, непосредственным образом отражаются в сознании людей, их настроениях, представлениях, ожиданиях, оценках и, как следствие, в поведении. Исходя из этого, важным направлением научных исследований сегодня является усиление внимания к роли «человеческого фактора» в экономике, использование таких инструментов изучения социально-экономических процессов, которые учитывают субъективные представления, оценки, намерения, ожидания и их влияние на макроэкономические явления.

Одним из таких уникальных инструментов является индекс потребительских настроений (ИПН) – многокомпонентный индикатор, который рассчитывается на основе социологической информации (опросных данных).

Основное предназначение ИПН – исследование социально-экономической ситуации и её возможных перспектив. Оно находится в рамках теоретической концепции, обозначаемой как психологическая экономика. Это означает, что главным с точки зрения прогнозирования и выработки решений,

создания перспективных программ социально-экономического развития является анализ влияния населения на развитие экономики. Это возможно постольку, поскольку потребители активно принимают решения и способны учиться на опыте, ожидать изменения экономической конъюнктуры, соответствующим образом менять своё поведение и тем самым влиять на экономическое развитие [1].

Целью настоящей работы стало исследование особенностей индекса потребительских настроений жителей Вологодской области как индикатора социально-экономического развития регионального сообщества.

Индекс потребительских настроений (Index of Consumer Sentiment, ICS) был разработан в 1950-е годы в рамках теории поведенческой или психологической экономики группой исследователей Мичиганского Университета под руководством Дж. Катоны. Он до сих пор с минимальными изменениями рассчитывается во многих странах [2].

В России история регулярных измерений ИПН началась с 1996 года. Исследования осуществляет автономная некоммерческая организация «Аналитический Центр Юрия Левады». Существенный вклад в изучение ИПН, причём не только в общенациональном масштабе, но и в разрезе федеральных округов, вносит Институт маркетинговых и социальных исследований GfK Rus (ГФК-Русь), который ведёт мониторинг потребительского поведения и социальных настроений в России уже более 15 лет на базе Всероссийского omnibusного исследования.

Методика расчёта ИПН строится на основе данных опросов общественного мнения по пяти вопросам, которые отражают субъективные оценки текущего личного материального положения, ситуации на потребительском рынке, ожиданий изменения личного материального положения и общей экономической ситуации¹. Методика построения индекса

¹ Для каждого вопроса рассчитываются частные индексы. Для расчёта частных индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Индекс потребительских настроений представляет собой среднюю арифметическую из частных индексов.

такова, что этот индекс агрегирует в себе частные мнения отдельных людей, не зависящих друг от друга и не влияющих друг на друга. Изменение индекса связано с поведением именно массового потребителя, это делает его независимым обобщенным макроэкономическим показателем, рассчитанным на основе микроэкономической, по своей сути, информации, но характеризующим динамику экономического развития страны в целом.

Вологодский научный центра РАН проводит изучение динамики индекса потребительских настроений в рамках мониторинга общественного мнения на территории Вологодской области по методике Мичиганского университета с конца 1990-х годов¹.

Согласно данным мониторинга, на протяжении всего периода измерений с 1998 по 2019 г. (за исключением временного отрезка с 2005 по 2008 г.) индекс потребительских настроений населения Вологодской области располагался ниже нейтральной отметки 100 пунктов, что свидетельствует о преобладании негативных оценок населения в отношении собственного уровня и качества жизни и неуверенности в перспективах развития экономики (рис. 1). Наиболее существенная негативная динамика ИПН отмечалась в кризисные периоды: в 1998 г. в период дефолта (индекс упал до отметки 54 пункта), в 2008 г., когда население столкнулось с последствиями мирового финансового кризиса (75 пунктов), в 2015 г. в условиях экономического кризиса (77 пунктов). В 2017-2019 гг. наметилась тенденция повышения потребительской активности населения региона: по сравнению с 2016 г. индекс потребительских настроений увеличился на 13 пунктов (с 78 до 91 п.). Аналогичная динамика ИПН наблюдалась и в России в целом. Однако говорить об устойчивом росте пока преждевременно ввиду сохраняющейся экономической и политической нестабильности и неопределённости

¹ Раз в два месяца опрашивается 1500 человек в возрасте 18 лет и старше в городах Вологде и Череповце и 8 районах области. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населённых пунктов различных типов (сельские населённые пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

перспектив.

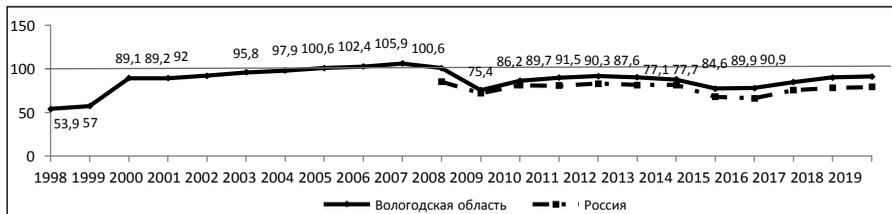

Рис. 1. Динамика индекса потребительских настроений в России и Вологодской области, в пунктах

Источник: Россия – данные мониторинга Левада-Центра URL: <https://www.levada.ru/indikatory/>; Вологодская область – данные мониторинга ВолНЦ РАН (дата обращения 03.02.2020).

Помимо сводного ИПН самостоятельный интерес представляют и его компоненты, позволяющие анализировать отдельные составляющие комплексного процесса формирования и реализации конечного потребительского спроса. Хотя все составляющие ИПН характеризуют с разных сторон одни и те же процессы, происходящие в экономике, и отношении к ним населения, каждый из этих компонентов привносит что-то новое [3].

Частные составляющие ИПН можно разделить на две группы: индексы текущего состояния (текущие компоненты), к которым относятся индекс текущего личного материального положения и индекс целесообразности совершения крупных покупок, а также индексы потребительских ожиданий (компоненты ожиданий), а именно индекс перспектив личного материального положения и индексы краткосрочных (на 1 год) и долгосрочных (на 5 лет) перспектив развития экономики страны.

Обращаясь к индексам текущего состояния и перспективных ожиданий, мы можем наблюдать полную синхронизацию динамики этих двух частных индексов (рис. 2). Наиболее существенные падения отмечались в 1998-1999 г. – 44 и 57 пунктов, в 2008-2009 гг. – 68 и 78 пунктов, в 2014-2015 гг. – 75 и 78 пунктов. В 2016-2019 г. ситуация начала меняться к лучшему. Сходная динамика представленных показателей и позволяет говорить о взаимосвязи

восприятия текущего состояния и перспективных ожиданий. При этом прогнозные суждения населения выглядят более оптимистичными, чем оценки текущего состояния. Такая ситуация объясняется не только национальными традициями веры в «светлое будущее», но и вполне «прозаическими» причинами, связанными с реалиями настоящего, – низкими уровнем и качеством жизни значительной части населения региона, отсутствием ощущения стабильности и т.д.

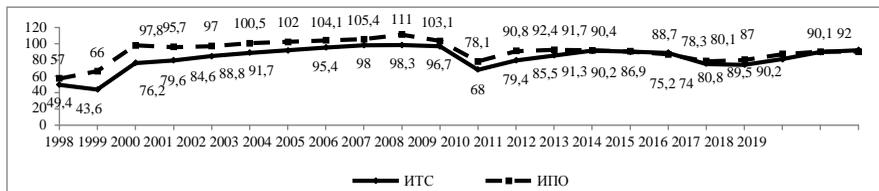

Рис. 2. Динамика Индекса текущего состояния (ИТС) и Индекса перспективных ожиданий (ИПО) в Вологодской области (в пунктах)

Источник: данные мониторинга ВолНЦ РАН

Таким образом, многолетние исследования ИПН в рамках мониторинга общественного мнения, осуществляемого ВолНЦ РАН на территории Вологодской области, показали, что данный индикатор чутко фиксирует ситуацию экономического спада или подъёма, а также реагирует на её возможные изменения. В течение всего периода измерений (кроме периода с 2005 по 2008 г.) ИПН находился на уровне, не превышающем границу в 100 пунктов, что свидетельствует о перевесе негативных оценок населения над позитивными. Индекс потребительских настроений отражает истинную эффективность преобразований по их комплексному влиянию на общество в целом. Его регулярное и качественное изучение позволяет глубже рассматривать существующие проблемы, вносить коррективы в управление экономическими процессами, а также определять приоритетные направления деятельности властных структур в этой сфере. Для государственных органов ИПН является индикатором эффективности проводившейся экономической политики и ориентиром для формирования новой политики.

Литература:

1. Ибрагимова Д.Х., Николаенко С.А. Индекс потребительских настроений. М.: Поматур, 2015. 263 с.
2. Индекс настроения потребителей от университета Мичигана. URL: http://http://www.fxteam.ru/forex-library/fundamental-analyse/uom_consumer_sentiment/
3. Россия – данные мониторинга Левада-Центра URL: <https://www.levada.ru/indikatory/>; Вологодская область – данные мониторинга ВолНЦ РАН (дата обращения 03.02.2020).
4. Дементьева И.Н. Потребительские настроения населения и их влияние на экономическое развитие регионального сообщества // Псковский регионологический журнал. 2018. № 1 (33). С. 40-52.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.43

Ярашева А. В.

Социологические измерения стратегий сбережения: мнение населения о целях и средней сумме накоплений

При изучении экономического поведения населения в ряду элементов, составляющих сберегательную модель активности, выделяют *цель и среднюю сумму*, которую индивиды считают накоплением [1]. Можно по-разному относиться к точности и уровню достоверности материалов, получаемых социологическими методами, но обозначенные два фактора целесообразнее всего выявлять именно путем опроса населения [2]. Рассмотрим результаты исследования данных индикаторов у двух социологических организаций: ВЦИОМ и НАФИ (Национальное агентство финансовых исследований).

Так, относительно целей сбережения в динамике данных ВЦИОМ (с 2007 по 2013 год) и НАФИ (с 2017 по 2019 год) можно увидеть изменения не только в самих показателях, но и в перечне целей (Табл. 1 и Табл. 2).

По информации ВЦИОМ, россияне откладывают деньги, в первую очередь, на покупку квартиры или дома (29%), «на черный день» (28%) и просто «про запас» (25%). Кроме того, население копит на лечение (18%), образование (13%), отдых и развлечения (13%), на покупку автомобиля (11%) или других дорогих вещей (9%). Каждый десятый участник опроса (10%) в

2014 г. был готов делать сбережения на случай потери работы. Наибольшая разница заметна при сравнении данных 2007 и 2013 гг., а с 2010 по 2013 год в целом планы респондентов на цели своих сбережений, почти не изменились. Небольшое увеличение можно увидеть в динамике выбора ответов «на образование» и «на открытие собственного бизнеса». Примечательно, что среди закрытий (вариантов ответа) строка «на случай потери работы» в предкризисном 2007 году у специалистов ВЦИОМ отсутствовала.

Таблица 1.

Для каких целей Вы (Ваша семья) сейчас делаете сбережения или стали бы делать, если бы у Вас была возможность? (не более 3-х ответов)¹

Цель сбережения	2007 ²	2010	2011	2012	2013
На покупку квартиры, дома	5	27	26	29	29
На покупку земли, дачи, садового домика	-	6	6	7	7
На «черный день»	41	21	26	24	28
На всякий случай, про запас		28	26	24	25
На образование	10	12	14	15	13
На покупку автомобиля	7	11	9	12	11
На лечение	19	18	19	22	18
На открытие собственного бизнеса	2	5	4	4	5
На развлечения, путешествия		11	9	12	11
На покупку дорогих вещей	28	10	8	8	9
На случай потери работы	-	10	9	10	10
Не стал бы делать сбережения ни на какие цели		3	5	4	6
Чтобы получить дополнительный доход, приумножить свои денежные средства (для получения процентов, дивидендов)	2	4	3	3	5
На другие цели	5	3	3	3	3
Затруднились ответить	5	4	5	2	3

Источник: составлено автором по данным ВЦИОМ (<http://www.wciom.ru>)

¹ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 30 ноября -1 декабря 2013 г. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

² <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2381>

В октябре 2019 г. в НАФИ проведено всероссийское исследование с использованием немного иного набора закрытий (ответов на вопрос), чтобы определить, для чего россияне делают сбережения (по сравнению с 2017 г.)¹. Так, выяснилось: за три года сократилось число тех, кто откладывает свои средства «на всякий случай», однако этот вариант в качестве цели по-прежнему с большим отрывом занимает первое место (Табл. 2).

Таблица 2.

**«На какие цели Вы (Ваша семья) копите деньги?»,
в % тех, у кого есть сбережения**

На всякий случай, про запас	52	43
На старость	16	25
На отдых	26	20
На ремонт квартиры, дома	18	17
На покупку недвижимости	9	16
На образование (свое и своих близких)	7	14
На покупку автомобиля	4	12
На покупку дорогих вещей (мебель, бытовая техника, одежда и т.п.), которые не могу купить сразу	13	9

Сумма ответов превышает 100%, т.к. респонденты могли дать несколько вариантов ответа.

Источник: НАФИ <http://naf1.ru>

Заметна тенденция к экономии на отдыхе (с 26% в 2017 г. до 20% в 2019 г.) и покупке дорогих вещей (13% и 9% соответственно). Увеличилось число тех, кто откладывает на покупку автомобиля (с 4% в 2017 г. до 12% в 2019 г.), а также сберегает с целью получения образования (с 7% в 2017 г. до 14% в 2019 г.). Гораздо больше россияне стали откладывать деньги «на старость» — это вторая по популярности цель накоплений (виден рост на 9 п.п. по сравнению с 2017 г.).

Показательным индикатором, демонстрирующим трансформации моделей сберегательного поведения, является средняя сумма, которую

¹ Репрезентативный всероссийский опрос НАФИ проведен в октябре 2019 г. Опрошено 1600 человек в 150 населенных пунктах в 52 регионах России. Возраст: 18 лет и старше. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

россияне считают сбережениями. В связи с общим сокращением уровня реальных доходов она уменьшилась, по данным НАФИ, за последние шесть лет в два раза: в 2013 г. накоплениями считали примерно 200 тыс. руб., в 2019 г. – чуть более 100 тыс. руб. (Табл. 3).

Таблица 3.

**Ответы респондентов на вопрос:
«Какую минимальную сумму Вы считаете сбережениями?»**

	2013	2017	2019
Средняя ¹ , сумма, руб.	218 910	96 553	101 500

Источник: НАФИ <http://nafii.ru>

Если сравнить цифры, предоставленные двумя социологическими службами, можно увидеть большую разницу в данных, относящихся к 2017 году: у НАФИ – менее 100 тыс. руб., а у ВЦИОМ – 398 тыс. руб. (Табл. 4).

Таблица 4.

**Ответы респондентов на вопрос:
«Начиная с какой суммы денег можно сказать, что человек имеет сбережения?»²**

	2005	2006	2007	2008	2013	2017
Средняя сумма, руб.	99 527	120 833	171 295	201 115	243 216	398 617

Источник: <http://www.wciom.ru>

Создается впечатление, что респондентов ВЦИОМ не коснулся кризис 2015-2017 гг. в России.

В целом же, следует отметить, что изменения в моделях сберегательного поведения, как наиболее часто исследуемого российскими учеными, обусловлены трансформацией социально-экономических условий (внешнее воздействие) и обретенным предшествующим практическим опытом населения (внутреннее воздействие) [3].

Литература:

1. Аликперова Н.В. Динамика инвестиционно-сберегательной активности населения России // Народонаселение. 2015. № 3 (69). С. 85-92.

¹ Использовался метод пятипроцентного усеченного среднего: было взято среднее арифметическое от всех полученных значений с исключением из расчета 5% самых больших и 5% самых маленьких значений.

² <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3591>

2. Ярашева А.В., Новиков А.В., Назаренко С.В., Зубец А.Н., Оборский А.Ю., Кораблин Ю.А., Николаев А.А. Финансовая социология. Учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению «Социология» / Под редакцией А.В. Новикова, А.В. Ярашевой. Москва, 2016. 344 с.
3. Ярашева А.В. Поведенческая экономика: исследование ожиданий и стратегий населения // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 3. С. 137-145.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.44

Яковлева Н.И.

Отношение белорусов к системе страхования: результаты исследования.

Для Беларуси, как и для многих других стран, сегодня высоко актуальной является проблема проведения плана экономического развития, учитывающего национальные особенности. Отметим, что после трансформации девяностых годов двадцатого века, Беларусь не отказалась от выполнения основных государственных социальных гарантий и взяла на себя обязательства по обеспечению гражданам достойного уровня жизни. Однако, кризис недавних лет привел к тому, что белорусское общество вновь столкнулось с необходимостью преодоления растущей инфляции, безработицей, недостаточным уровнем оплаты труда работников многих профессий, старением населения, необходимостью сохранения и развития науки, образования, здравоохранения. При этом социальные функции государства должны сохраняться на необходимом уровне.

В этой связи важную роль приобретает система страховой защиты граждан, главной задачей которой является профилактика и защита от негативных ситуаций, прежде всего тех, которые касаются значимых ценностей человека и общества (жизнь, здоровье, благополучие). В сфере страхования сегодня осуществляется поддержка благосостояния общества, поддержка малообеспеченных, пенсионеров и инвалидов, происходит улучшение условий труда, предоставляется гарантированная помощь нуждающимся. Выполняя конкретные социальные функции: защитная,

предупредительная, сберегательная, сфера страхования, в том числе способна обеспечивать гражданам и обществу определенное чувство безопасности и защиты от техногенных, экологических, производственных и бытовых опасностей.

В тоже время, сама система страхования в нашей стране, как многоуровневая организационно-управленческая структура, динамична и во многом зависит от уровня социально-экономического развития государства.

Характеризуя современное состояние системы социального страхования, можно отметить следующие особенности и проблемы, свойственные Республике Беларусь.

К особенностям можно отнести всеобщий характер программ социального страхования, а к проблемам - высокую долю государственных расходов на социальные нужды, обезличенность страховых взносов, недостаточную их защищенность от инфляции, строго ограниченные условия наследования страховых накоплений. Отмечается настороженное отношение населения к системе страхования, недостаток информации о спектре страховых услуг, о страховых компаниях, трудности в получении страхового возмещения и недостаток квалифицированных кадров среди страховых агентов.

Таким образом, сегодня, в условиях существующей экономической и демографической ситуации, а также ограниченного финансирования, актуален вопрос об эффективности работы системы страхования. В тоже время важно, чтобы совершенствование системы происходило не только за счет принятия административно-правовых решений (увеличение числа видов обязательного страхования) или экономических мер (изменение размера страховых взносов и выплат), но и путем создания системы побуждения граждан к страховой активности. Данная мера, в свою очередь, предполагает использование ресурсных неэкономических потенциалов с целью их активизации и преобразования в ресурсы развития.

В целом, проблематика установления связей между экономическим ростом и обуславливающими его неэкономическими факторами, является крайне актуальной на протяжении последних десятилетий. На фоне сложившейся ситуации в мировой экономике стало очевидно, что основными факторами развития общества являются не только экономические показатели (средства производства, произведенные товары и услуги), но и социальный, человеческий капитал. [1, с. 16] Наиболее востребованными теориями, объясняющими причины и предлагающими пути преодоления случившегося около десяти лет назад мирового финансового кризиса, стали концепции, основанные на изучении неэкономических факторов роста экономики и развития общества в целом [2, с. 7]

Сегодня, ввиду постоянного усложнения общественной структуры, трансформации социальных институтов, совершенствования информационно-коммуникационных технологий, актуальная модель экономического роста и социального развития должна принимать в расчет такие неэкономические ресурсы как информация, физико-географические условия, институциональные структуры, массовидные духовно-психологические образования, производительный труд, профессиональные навыки, качество жизни и состояние здоровья, уровень культуры и образования, как компоненты человеческого капитала [1, с. 16]

Непосредственно люди, являющиеся участниками всех процессов, происходящих в политике, культуре, демографии и т.д., выступают носителями связей между экономикой и всеми остальными сферами общества [1, с. 18]. Политика, ориентированная на развитие человеческого потенциала, как основного достояния общества, в качестве приоритетной задачи экономического роста определяет увеличение объемов производства благ и услуг с целью обеспечения более высокого уровня жизни граждан. Так, сегодня не вызывает сомнений тот факт, что наиболее значимые качественные преобразования в воспроизводственном процессе экономик развитых стран

мира происходят не в области материального, а в сфере, напрямую связанной с развитием человека, удовлетворением его потребностей [1, с. 20].

В данном ключе роль сферы страхования заключается в таких социальных целях, как самосохранение и развитие человеческого потенциала, установление сложных и устойчивых взаимосвязей между экономической и социальной формами жизнедеятельности человека.

В качестве конкретных неэкономических ресурсов развития сферы страхования можно рассматривать доверие, удовлетворенность, ответственность, потребности в страховании, страховую мотивацию.

Роль доверия в сфере страхования очевидна. Граждане доверяют страховой компании не просто деньги, но и собственную жизнь, здоровье, накопленное годами имущество, превращая все это в объект страховых отношений. Потребитель идет на сознательный риск, доверяя денежные средства страховщику за услуги, которые будут оказаны в будущем. Компания же в свою очередь проверяет надежность клиента – не будет ли он имитировать страховой случай и требовать страховых выплат [3, с. 64]. Таким образом, между страховой компанией и страхователем формируются взаимоотношения, требующие взаимного доверия.

Результаты проведенного в 20131 году исследования показали, что не доверяют государственным страховым компаниям 21% всех опрошенных респондентов, скорее доверяют, чем нет – 41,6%, и абсолютно доверяют государственным компаниям 35,4%. В тоже время частным страховым организациям не доверяют 50,9% всех опрошенных респондентов, скорее доверяют, чем нет – 36,7%, и абсолютно доверяют компаниям частной формы собственности – 7,9 %.

¹ГПНИ «История, культура, общество, государство» («Социология») на 2011–2015 гг. в соответствии с заданием 3.1.02 «Инновационное развитие отраслей социальной сферы». В 2013 г. по репрезентативной национальной выборке опрошено 1594 человека (научный руководитель – доктор социологических наук, профессор С. А. Шавель).

Характеризуя уровень доверия системе страхования граждан нашей страны, на основе результатов исследования, проведенного в 2018¹ году, отметим, что государственным страховым компаниям не доверяют – 20,2% опрошенных, скорее доверяют, чем нет – 50,8%, и абсолютно доверяют государственным компаниям 24,2%. В тоже время частным страховым организациям не доверяют 29,7% всех опрошенных респондентов, скорее доверяют, чем нет – 50,7%, абсолютно доверяют компаниям частной формы собственности – 12,6%.

Исходя из анализа представленных данных очевидно, что уровень доверия граждан Беларуси к государственным страховым компаниям незначительно снизился за счет уменьшения числа «абсолютно доверяющих» системе респондентов. Напротив, уровень доверия населения к страховым компаниям частной формы собственности ощутимо возрос. Так, доля «не доверяющих» частным страховщикам снизилась с 50,9% до 29,7 %, численность тех, кто «скорее доверяет, чем нет» возросла на 14 %, и достигла 50,7% от опрошенных, увеличилась также и численность «абсолютно доверяющих» – с 7,9% в 2013 до 12,6 % в 2018 году. Увеличение уровня доверия частным страховым компаниям можно объяснить тем, что многие из них на белорусском страховом рынке существуют уже много лет, чем зарекомендовали себя как надежных партнеров. А также тем, что зачастую в страховых организациях частной формы собственности более выгодные для страхователя условия заключения договоров, более широкий спектр оказываемых страховых услуг, в сравнении с государственными.

В целом, к факторам, влияющим на уровень доверия граждан к сфере страхования в Беларуси, на наш взгляд, можно отнести следующие: отсутствие страховой культуры, незнание, что существуют подобные инструменты вложений; недостаточное доверие к долгосрочным вложениям в целом.

ГПНИ ««Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества»» подпрограммы «Социология и философия («Социология»)» на 2016–2020 гг. в соответствии с заданием 3.1.03 «Социальная сфера и неэкономические ресурсы развития белорусского общества». В 2018 г. по репрезентативной национальной выборке опрошено 2129 человека (научный руководитель – кандидат социологических наук В.Р. Шухатович).

Страхование представляется одним из наиболее простых способов стимулирования роста накоплений населения, возмещения потерь в связи с утратой здоровья, потерей работы, смертью члена семьи. Однако следует понимать, что активность населения в сфере страхования связана с наличием определенного опыта (позитивного/негативного) страховых отношений, который реализуется при справедливом решении вопроса о выплате/невыплате страхового возмещения при возникновении страхового случая.

О наличии опыта страховых отношений свидетельствует степень удовлетворенности существующей системой страхования населением. Так, при оценке белорусами удовлетворенности страховыми услугами преобладают позитивные ответы. Доля негативных оценок (не удовлетворен, скорее не удовлетворен) в 2013 году составила – 21,9%, в 2018 – 19,6%; доля позитивных оценок (удовлетворен, скорее удовлетворен) составляет – 47% в 2013 г., и 32,6% в 2018 году. В тоже время, обращает на себя внимание тот факт, что каждый пятый опрошенный респондент дал неудовлетворительную оценку в отношении качества страховых услуг.

Негативные аспекты страховых отношений, касающиеся самого страхователя, связаны с неудовлетворительным качеством оказанной услуги: невыплатой или неполной компенсацией ущерба, несоблюдением условий договора страхования конкретной компанией, недостатком квалифицированных кадров среди страховых агентов.

Очевидно, что факторы и причины, препятствующие формированию позитивного опыта страховых отношений, следует рассматривать и изучать в динамике, поскольку они во многом подвержены влиянию постоянно меняющейся внешней социально-экономической среды.

Литература:

1. Горшков, М. К. О влиянии неэкономических факторов на социально-экономическое развитие общества // Гуманитарий Юга России. 2015. Том. 0. № 1. С. 15-25.
2. Шавель, С.А. Методологические основания исследования роли неэкономических факторов в системном развитии общества // «Журнал Белорусского государственного университета. Социология» — 2017, № 2. С. 4-16
3. Никитина, Ю. Н. Доверие как элемент структуры рынка страхования жизни [Электронный ресурс] // Экономическая социология. 2007. Т. 8, № 1. С. 53–76. URL: <http://www.ecsoc.msses.ru> (дата обращения: 17.03.2020).

Раздел 4. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ, ДОСТУПНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ, ВОЗМОЖНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.45

Александрова О. А.

Поправки в Конституцию: возврат к социальному государству или его дальнейший демонтаж?

Событием весны 2020 г. стала реформа Конституции России в форме принятия внесенного Президентом РФ закона о поправке к Конституции. Реформа была анонсирована в Послании Президента РФ Федеральному собранию в январе 2020 г., а необходимость внесения изменений в Основной закон аргументировалась, в том числе, соображениями, касающимися социальной политики: говорилось о необходимости закрепления на конституционном уровне нижнего порога заработной платы (не ниже МРОТ); регулярной индексации пенсий и т.д. Кроме того, указывалось на необходимость закрепления в Конституции норм, направленных на укрепление суверенитета России (вопрос, имеющий, как будет показано ниже, прямое отношение к социальной политике [1]).

В ходе работы над проектом президентских поправок в Государственной Думе акцент также делался на положениях социального характера – так, во всяком случае, это демонстрировалось публике. Об том же говорится в посвященных конституционным поправкам агитационных видеороликах, неустанно демонстрировавшихся федеральными телеканалами в преддверии предстоящего «всероссийского голосования».

Казалось бы, все это повод для оптимизма. Однако не окажутся ли тщетными надежды россиян и на этот раз? Ведь и в 1993 г., когда принималась нынешняя Конституция, допущенные на телевидение эксперты наперебой расхваливали прописанные в Конституции права человека, включая

социальные. Особенный акцент апологеты Конституции (напомним, что после трагических событий 3-4 октября 1993 г., на референдум был вынесен проект, разработанный командой тогдашнего президента Б.Н. Ельцина) делали на статье 7, провозглашающей Россию социальным государством, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В результате Конституция, содержащая все эти прекрасные нормы, была принята, что никак не помешало последующему демонтажу социального государства. Причем, если в «лихие 90-е» социальные права не обеспечивались вследствие простого недофинансирования социальной сферы, то с началом 2000-х демонтаж социальных достижений советского периода приобрел институциональный характер – через планомерное принятие законов и иных актов, создающих правовую основу и экономические стимулы для радикальной коммерциализации социальных отраслей (здравоохранения, образования, социального обслуживания). Прежде всего, это закон № 83-ФЗ от 8 мая 2010 года с невинным названием «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений», о негативных последствиях которого - «оптимизации» сети учреждений здравоохранения и образования, сокращении врачей и педагогов, стремительном росте объема платных услуг с переводом в них того, что еще вчера было бесплатным, «ползучей приватизации» объектов социальной инфраструктуры и т.д. тогда предупреждали (но не были услышаны) как не ангажированные специалисты, так и профсоюзы работников образования и здравоохранения. Это и Закон об образовании 2012 г., из которого, например, исчезло понятие «занятие» применительно к дошкольной ступени образования, что позволило перевести на платную основу элементарную подготовку к школе. В самой же школе обыденным стало предоставление платных услуг своими же учителями, чему способствовало заметное сокращение в школьной программе часов на предметы, необходимые для подготовки к поступлению в вуз. Ранее переход

на т.н. Болонскую систему привел к резкому сокращению доступности магистратуры. А новый закон об охране здоровья (2011 г.) позволил упразднить интернатуру, чем был нанесен удар по качеству медицинской помощи в первичном звене здравоохранения, а также сделать преимущественно платной ординатуру, ограничивая, тем самым, возможность малообеспеченных студентов стать грамотными узкими специалистами. С 2004 г. идут попытки заменить педиатрическую службу врачами общей практики, притом, что достижения советской педиатрии получили мировое признание. Многие из этих и иных реформ проведены под кураторством и на займы Всемирного банка. Несмотря на то, что в отличие от 90-х гг., Россия с середины 2000-х гг., не нуждается в займах и сама резервирует в огромных масштабах в иностранных ценных бумагах средства от продажи энергоресурсов (по сути, без прибыли кредитует США и др.).

Отдельного разговора заслуживает присоединение России к Всемирной торговой организации (2012 г.). Протестовавшие против него представители промышленности, а также не ангажированные экономисты предупреждали, что это нанесет удар как по предприятиям и отраслям, так и по занятому в них населению (действительно, проблемы появились даже у ратовавших за ВТО металлургов). Выручили («нет худа без добра») антироссийские санкции и наше встречное продуктовое эмбарго (2014 г.), позволившие смягчить удар по АПК, угрожавший продовольственной безопасности России. Эксперты пытались предупредить (но, как всегда, тщетно) и о проблемах, которые ВТО создает на пути реализации эффективной социальной политики [1]. Дело в том, что неотъемлемой частью права ВТО является Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС ВТО), которое относит к ним образование, здравоохранение и т.д. (вот откуда трансформация привычных «социальных благ» в «услуги»). А поскольку эти отрасли отнесены к сервисным, к ним подходят как к обычному бизнесу. От стран-участниц ВТО требуют открыть доступ к этим отраслям для частных компаний, включая иностранные, что ведет к сворачиванию государственного финансирования отраслей и

приватизации учреждений. Более того, страны должны ежегодно информировать т.н. Суд ВТО о принятии новых или изменении прежних законов; и если он посчитает, что закон препятствует свободе торговли (в данном случае – услугами), то его придется отменить, поскольку на первом месте в ВТО стоит принцип «эффективности», а не соображения о гарантировании социальных благ. При этом, правила чрезвычайно затрудняют странам выход из ВТО (потребуется заплатить зарубежным поставщикам товаров и услуг громадные компенсации за текущую и будущую упущенную прибыль). Что это, если не ущемление суверенитета России? И как этому может помешать конституционный запрет госслужащим иметь иностранное гражданство (и так уже закрепленный в законах)? Ведь не являются же ратифицировавшие договор о присоединении к ВТО депутаты двух палат парламента и подписавший соответствующий закон президент сплошь гражданами с двойным гражданством?

Несмотря на огромные резервы, финансирование образования, здравоохранения и в XXI веке осталось в России в разы меньше, чем в странах ОЭСР. Нельзя не упомянуть и о невиданном для развитых стран переходе в начале 2000-х на плоскую шкалу подоходного налогообложения, и о лидерстве России по числу долларовых миллиардеров на фоне МРОТ, десятилетиями державшегося ниже прожиточного минимума и т.д.

Меняется ли что-либо в этой части внесением конституционной поправки? Абсолютно ничего. Начнем с частных моментов. Да, можно записать, что МРОТ должен быть не ниже ПМ. Но каков будет размер ПМ? На одном из заседаний, где довелось присутствовать автору, председатель ФНПР М. Шаков, член рабочей группы по доработке конституционной поправки сказал, что профсоюзы будут добиваться повышения ПМ в рамках трехсторонней комиссии. Но откуда уверенность, что теперь это получится? Тем более что, как он признал, внести в Конституцию запись о регулярной индексации заработной платы (конкретное обязательство) не удалось. Что касается конституционной нормы о солидарной пенсионной системе, то

готовность к ее внесению объясняется просто: столь почитаемый российской властью Всемирный банк после провалов накопительных пенсионных систем признал целесообразность трехуровневой пенсионной системы, оговорив при этом, что нижний уровень (солидарная пенсия) будет очень невысоким. Тогда что меняется в положении российских пенсионеров? Слова про «достойный уровень» и сегодня есть в Конституции, но «слаще» от них не становится.

Объясняя, почему при наличии в Конституции 1993 г. красивых норм, посвященных правам человека, произошло столь заметное их усечение, конституционалисты подчеркивают, что в отсутствие в Конституции надлежащего баланса властей, механизмов реальной подконтрольности и подотчетности исполнительной власти парламенту, а народных избранных — своим избирателям, все социальные гарантии оказываются фикциями [2]. Нынешняя конституционная поправка не только не исправила этот дефект Конституции, но и, как говорят не ангажированные специалисты, напротив, его усугубила [3]. Более того, помимо норм, еще более усиливших безответственность властной «вертикали», поправка содержит ничем не объяснимую (кроме давления на судей, призванных оценивать конституционность норм законов) норму о сокращении числа судей Конституционного суда РФ с 19 до 11 человек, при том, что поток обращений граждан в Конституционный суд весьма велик и значительная их часть связана с нарушениями прав на социальное обеспечение и защиту.

Литература:

1. Послание Президента Федеральному Собранию URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 06.03.2020).
2. Александрова О.А. Социальная политика в условиях социально-экономической и идейной десоверенизации// Народонаселение. 2015. №4.
3. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность: 2-е изд. - М.: РЮИД, Сашко, 2000.
4. Конституционный вестник. 2020. №5 (23).

Шухатович В.Р.

Социальные стандарты как инструмент социальной политики государства

Целенаправленное и максимально возможное решение социальных задач при ограниченных ресурсах является отличительной чертой современного развития многих стран, включая Россию и Беларусь. Периоды кризисов и нестабильности усиливают понимание важности организации общественного устройства на основе принципа социальной справедливости, обеспечивающего равную доступность для всех вновь создаваемых благ, социальные гарантии в удовлетворении жизненно важных потребностей человека в труде, охране здоровья, образовании, жилье, социальном обеспечении в условиях плюрализма собственности и господства рыночных отношений [1].

Эти задачи решаются в рамках социальной политики государства с использованием всего многообразия инструментов – организационных, законодательных, инвестиционных, аналитических, информационно-коммуникативных.

Модель социальной политики является уникальной для каждой страны в силу различий в социальной структуре, наборе актуальных проблем, представлениях о социальной справедливости и социальных ожиданиях. В то же время она основана на универсальных принципах гуманизма, признании человеческой жизни в качестве высшей ценности.

Развитие постсоветских стран на протяжении трёх десятилетий происходило по различным траекториям, но на фундаменте общего исторического прошлого. Это обстоятельство позволяет оценить результаты развития новых государств в общем контексте – проанализировать конкретные достижения и меры, предпринимаемые при реформировании социальной сферы, выявить упущения, трудности и препятствия, с которыми пришлось столкнуться странам и разработчикам социальной политики.

Российский учёный Эмиров Н.Д. в своих работах отмечает, что при переходе России к инновационному типу развития большой интерес представляют собой не только технико-технологические, но и организационные нововведения. Автор рассматривает социальные стандарты в числе базисных инновационных технологий управления социальной сферой, обладающих высокой управленческой ценностью, и отмечает недостаточную изученность проблем разработки и применения социальных стандартов, несформированность понятийного аппарата, недостаточную изученность содержания социальных стандартов и проработанных схем их использования на практике [2]. В числе содержательных признаков социального стандарта учёный выделяет способность регулировать ту или иную конкретную характеристику качества жизни населения, но только в том случае, если он утверждён в том или ином нормативно-правовом акте. Автор приходит к выводу, что социальные стандарты являются весьма сложными объектами исследования, и имеет смысл обсуждать формирование нового научного направления, связанного с разработкой и внедрением социальных стандартов в управлении социальным развитием [2].

Можно согласиться с основными выводами автора – о трудности исследования социальных стандартов в силу их многомерности и включённости в сложную систему связей. В то же время опыт Беларуси, показывает, что, несмотря на все сложности, система социальных стандартов может быть реально внедрена в практику социального управления и приводить к позитивным системным эффектам по обеспечению гуманитарной безопасности и устойчивого развития общества.

В Беларуси система государственных социальных стандартов является важнейшим элементом социальной политики. Так, в 1999 году был принят Закон Республики Беларусь «О государственных минимальных социальных стандартах», в котором государственный минимальный социальный стандарт определен как как минимальный уровень государственных гарантий социальной защиты, обеспечивающий удовлетворение основных

потребностей человека, выражаемый в нормах и нормативах предоставления денежных выплат, бесплатных и общедоступных социальных услуг, социальных пособий и выплат. В систему государственных минимальных социальных стандартов в Республике Беларусь включаются государственные минимальные социальные стандарты в следующих областях: оплаты труда, пенсионного обеспечения, образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального обслуживания, социальной поддержки и социального обслуживания [3].

В 2003 году Правительством Беларуси была утверждена система государственных социальных стандартов по обслуживанию населения республики. В настоящее время она включает 44 стандарта, охватывающие важнейшие услуги в области жилищно-коммунального хозяйства, образования, культуры, транспорта, социального обслуживания, здравоохранения, торговли, общественного питания и бытового обслуживания [4]. Эта система внедрялась постепенно. На первоначальном этапе для отработки технологии были определены экспериментальные районы в каждой области, и к 1 сентября 2004 поставленная задача по обслуживанию населения была реализована; сам эксперимент выдержал испытание практикой. В настоящее время организационные мероприятия по внедрению социальных стандартов осуществляются по всей стране [5].

Нормативы обеспеченности социальных стандартов уточняются и могут пересматриваться в сторону улучшения по мере развития общества. Деятельность по развитию социальных стандартов в Беларуси осуществляется на постоянной основе. Изменения являются результатом согласованной работы представителей различных министерств и ведомств; они основаны на релевантной оценке текущей ситуации и динамики выполнения целевых показателей, перспектив дальнейшего развития страны и ресурсных возможностей (технических, финансовых, организационных, кадровых).

Приведём пример. Так, в 2018 году Правительством была скорректирована система государственных социальных стандартов по

обслуживанию населения (постановление Совета Министров Республики Беларусь №802 от 9 ноября 2018 г.) [6]. Эти изменения направлены на совершенствование и актуализацию показателей и охватывают такие сферы, как жилищно-коммунальное хозяйство, связь, здравоохранение, физическая культура. Они наиболее значимы для проживающих в сельской местности и в районах с неравномерной плотностью населения. В частности, стандарт предусматривает обеспечение возможности оказания услуг широкополосного доступа в сеть Интернет в каждом населенном пункте с населением 300 жителей и выше (в прежней редакции – в каждом населенном пункте с населением более 1,5 тыс. жителей); существенно увеличен норматив обеспеченности населения бригадами скорой медицинской помощи [6].

Специалисты отмечают отдельные нестыковки между системой социальных стандартов и действующим Законом «О государственных минимальных социальных стандартах» и обращают внимание на необходимость её приведения в соответствие с упомянутым законом, а при разработке республиканского и местных бюджетов - учета дополнительных затрат на их внедрение [5]. Проводится постоянная работа, направленная на согласование проблемных вопросов и минимизацию расхождений.

Несмотря на очевидные организационные сложности в практической реализации системы социальных стандартов в Беларуси, она из года в год все больше приобретает черты современной социальной технологии, опыт использования которой может быть полезен и другим странам. Полагаем, что внедрение социальных стандартов в Беларуси, наряду с другими мерами, позволило сдерживать неравенство, не допуская приближения показателей социального расслоения к критическим значениям, существенно минимизировать потери, связанные с преодолением последствий аварии на ЧАЭС и распада Советского Союза. В рамках социальной сферы внедрение стандартов позволило реализовать принцип социальной справедливости, обеспечив доступность для всего населения широкого спектра социальных благ и услуг; создать условия для сохранения человеческого капитала и войти

в группу стран с высоким уровнем человеческого развития (ИЧР); обеспечить устойчивое развитие и легитимность основных социальных институтов.

В одном из своих выступлений Наталья Михайловна Римашевская высказала мысль о том, что меры социальной политики не обязательно связаны с серьёзными расходами. Иногда норма закона может привести к серьёзным изменениям в социальных отношениях, в частности, распределительных – как в сторону справедливости, так и несправедливости. В определённой мере эта идея актуальна и для рассмотренной темы.

Литература:

1. Римашевская Н.М., Мигранова Л.А. Социально-экономическое неравенство в России // Народонаселение. — 2016 — №3. С.
2. Эмиров Н. Д. Социальные стандарты как инструмент управления социальной сферой // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2011 - Выпуск 21 (238), с. 155-163.
3. Закон Республики Беларусь от 11 ноября 1999 г. № 322-3 «О государственных минимальных социальных стандартах». – Режим доступа: http://gokpb.by/npa/zak_o_min_soc.htm. (дата посещения 23.04.2020).
4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 мая 2003 г. №724 «О мерах по внедрению системы государственных социальных стандартов по обслуживанию населения республики». – Режим доступа: <https://mart.gov.by/files/live/sites/mart/files/documents/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%BE%D1%82%2030.05.2003%20E2%84%96724.pdf>. (Дата посещения 23.04.2020).
5. Клюня В.Л., Ходоркин Ф. Н. Государственные социальные стандарты: сущность, содержание и тенденции развития // Вестник БГУ — № 3. – 2006. – С.94-99.
6. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 9 ноября 2018 г. № 802 «О внесении изменений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 мая 2003 г. № 724» – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 24.11.2018, 5/4582. Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21800802&p1=1> (Дата обращения 23.04.2020).

Калабихина И. Е
Измерение временем:
новый взгляд на качество жизни населения и демографические
перспективы страны

Время является экономической и социальной категорией. Качество жизни тесно связано с объемом свободного времени, которым мы распоряжаемся. В современные индексы качества жизни включают переменную располагаемого времени досуга [1, 2].

Один из устойчивых результатов в описании доступа населения к свободному времени во всех странах – различие в объеме свободного времени женщин и мужчин [2, 3]. Эмпирические исследования бюджетов времени, в том числе на лонгитюдных данных, отражают рост дефицита времени у женщин с маленькими детьми. В течение жизненного цикла возникают периоды дефицита времени при появлении детей, женщины в целях компенсации дефицита времени для заботы о маленьких детях сокращают свое время на сон и досуг [4]. В современной России значимый эффект на распределение домашних обязанностей между партнерами оказывают наличие и возраст детей, а также состояние здоровья, статус и режим занятости партнеров, вклад женщины в общие доходы, применение в домохозяйстве трудосберегающих технологий, наличие других членов домохозяйства, малое число жилых комнат и небольшой размер населенного пункта [5].

Известный факт – сокращение времени досуга и увеличение времени, затрачиваемого на ведение домашнего хозяйства и экономику заботы при появлении детей, влияет на репродуктивные установки современных женщин. Соответственно, демографические перспективы страны в области рождаемости тесно связаны с распределением бюджетов времени в домохозяйствах разного типа. Политика, направленная на достижение комфорта для населения баланса между семейными и профессиональными обязанностями в Евросоюзе, в значительной степени подменила собой всю семейную политику и является

залогом демографического успеха (когда при прочих равных рождаемость будет выше в странах, имеющих наиболее успешную политику баланса семья-работа) [6,7,8].

В России политика, направленная на достижение комфортного для населения баланса между семейными и профессиональными обязанностями, не является ядром социальной и демографической политики. Кроме того, на эмпирических данных [9] подтверждается тезис о незавершенном гендерном переходе [10], когда наряду с экономическими мотивами в распределении домашнего труда между партнерами сохраняются рудиментные социокультурные мотивы. Высокий уровень занятости и доходов женщин сокращает их участие в домашнем хозяйстве только в будние дни, но в течение выходных дней они стремятся компенсировать свою роль главного поставщика домашних услуг для домочадцев. Таким образом, самые перспективные с точки зрения уровня человеческого капитала женщины имеют высокий риск быть перегруженными.

Соответственно ни для роста качества жизни, ни для уверенности в демографических перспективах в области рождаемости пока не созданы базовые условия: возможности выбора различных сочетаний семейного и рабочего времени для разных социальных категорий.

Особо следует подчеркнуть два момента. Во-первых, сегодня уже недостаточно в меняющемся с технологической и социальной точки зрения мире вести разговор о политике «баланса семьи и работы», как составной части государственной семейной политики или даже ядра такой политики. Я предлагаю ставить вопрос гораздо шире. Необходим новый общественный договор государства с населением о распоряжении временем как основным ресурсом у каждого человека. Нужен новый социальный контракт по использованию времени различными социальными группами, в первую очередь работниками с семейными обязанностями.

Во-вторых, всю социальную политику надо измерять ресурсом времени, которое государство может «подарить» людям. Изменение подходов к

измерению непосредственных результатов такой политики является необходимым условием ее комплексного формирования и реализации.

Выделим несколько основных направлений по измерению социальной политики в единицах времени: 1) Расчет эквивалента денежных выплат и услуг по линии социальной поддержки в единицах времени. 2) Оценка доступности (шаговой и/или транспортной) социальных учреждений, рабочего места в единицах времени. 3) Длительность получения услуги в единицах времени. 4) Оценка рабочего времени родителей в сфере профессиональной занятости.

Измерение социально-демографической политики временем позволит сформулировать новую парадигму политики «баланса семья-работа»; откроет новые более чувствительные возможности сотрудничества с населением в вопросах демографического развития и рынка труда [11, 12]; смягчит вызовы, связанные со старением населения и расширением экономики заботы; повысит качество жизни всего населения, включая людей с семейными обязанностями; стимулирует создание социальной системы, комфортной для людей с высоким уровнем человеческого капитала, нацеленных на сочетание профессиональных и семейных обязанностей (до настоящего времени социально-демографическая политика ориентировалась преимущественно на людей с ограниченными материальными возможностями).

Литература:

1. Puskorius S. The Methodology of Calculation the Quality of Life Index// International Journal of Information and Education Technology. 2015, Vol. 5, No. 2, February.
2. Zhang W., Feng Q., Lacanienta J., Zhen Z. Leisure participation and subjective well-being: Exploring gender differences among elderly in Shanghai, China //Archives of Gerontology and Geriatrics. 2017, 69: 45-54.
3. Караханова Т. М. Свободное время городских жителей: прошлое и настоящее // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 66-79.
4. Kan M.Y., Sullivan O., Gershuny J. Gender convergence in domestic work: Discerning the effect of interactional and institutional barriers from large-scale data // Sociology. 2011, 45(2): 234–251.

5. Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К. Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 261–285.
6. Thévenon O., Gauthier A.H. Family policies in developed countries: A ‘fertility-booster’ with side-effects// Community, Work & Family. 2011, 14 (2): 197-216.
7. Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F. C. Advances in development reverse fertility declines// Nature. 2009, 460: 741–743.
8. Oláh L.S. Changing families in the European Union: Trends and policy implications //United Nations Expert Group Meeting “Family policy development: Achievements and challenges” in New York, May 2015.
9. Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К. Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 261–285.
10. Калабихина И. Е. Гендерный переход и демографическое развитие //Российский экономический интернет-журнал. 2009. № 2. С. 540–554.
11. Калабихина И. Е. Демографические размышления о цифровой экономике // Вестник Московского ун-та. Серия 6. 2019. № 6. С. 147–166.
12. Калабихина И. Е., Бирюкова С. С., Макаренцева А. О. Реализация программы содействия занятости через профессиональное переобучение женщин с маленькими детьми в городе Москве // Мир России: социология, этнология. 2018. Т. 27, № 2. С. 136–162.

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.48

Леонидова Г.В.

Качество трудовой жизни в оценках населения

От человека труда, эффективности его трудовой деятельности зависит конкурентоспособность организаций, отраслей и всей экономики страны. Этот неоспоримый тезис звучит и в последних знаковых выступлениях, программных речах и заявлениях руководства страны. Согласно логике поставленных Президентом РФ в приоритетных национальных проектах задач на 2019-2024 гг., для наращивания конкурентоспособности национальной экономики «необходимо, прежде всего, увеличить производительность труда на новой технологической, управленческой и кадровой основе; далее уже на этой базе следует решать вопросы, связанные с благосостоянием людей, поскольку повышение качества жизни, благополучия граждан – главная задача и цель» [1].

Сегодня в управленческих и научных кругах весьма активно идет поиск путей роста производительности труда, повышения отдачи от использования имеющихся трудовых ресурсов. Это тем более важно вследствие особенностей демографической обстановки в России, основной проблемой которой является постепенное снижение численности трудоспособного населения. Согласно прогнозу Росстата, доля этой группы в общей численности населения сократится с 57% в 2017 г. до 53% в 2027 г. (или с 83,2 до 78,8 млн. чел.). Кроме этого, наблюдаются и вполне серьезные проблемы ухудшения качественных характеристик населения (здоровья, профессионально-образовательного и квалификационно-интеллектуального потенциала).

Одним из факторов, способных отчасти решить проблему эффективности трудовой деятельности, по мнению исследователей, является качество трудовой жизни работников. Почему?

В докладе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) за 2015 г. отмечено, что причиной 1,7% потерь DALY (*годы жизни, скорректированные на нетрудоспособность*) во всем мире являются профессиональные риски [2]. Например, воздействие производственного шума, согласно данным ВОЗ, вызывает «около 16% случаев потери слуха у взрослого населения». В России потеря слуха, вызванная шумом, является одним из самых распространенных профессиональных заболеваний, занимая 30% удельного веса в структуре профессиональной заболеваемости работников [3, с. 20].

В промышленно развитых странах появляется все больше доказательств того, что существует связь между ишемической болезнью сердца и депрессией, связанной со стрессом на работе» [4]. Почти 60% работников в Европейских странах сталкиваются с ускоряющимися и напряженными графиками большую часть своего рабочего времени. В Финляндии от стресса страдают 26% всех работников, что немного выше среднего показателя по Европе.

Исследования, выполненные НИИ медицины труда РАМН в России, показали, что частота врожденных пороков развития у детей достоверно выше

в семьях, где родители работают во вредных условиях труда и подвергаются воздействию вредных веществ и разных биологических факторов [5, с. 251].

Исследования показывают, что благоприятные условия труда увеличивают вероятность положительного трудового прогноза в 3,5 раза, а в сочетании с материальной заинтересованностью и хорошим состоянием здоровья вероятность продолжения трудовой деятельности в пенсионном возрасте увеличивается в 7,3 раза [6]. Последнее является чрезвычайно актуальным в современных условиях.

Теоретические основания для определения понятия «качество трудовой жизни» можно обнаружить в западноевропейской концепции *социального качества* (social quality), разработанной в 90-х гг. XX в. Одним из основных принципов концепции является наличие «оплачиваемой работы достойного уровня и социальной защиты» [7], понимаемой как доступ к ресурсам (доходу, образованию, социальным услугам и т.д.).

Существенные признаки «качества трудовой жизни» можно встретить и в концепции достойного труда Международной организации труда (МОТ). В докладах МОТ содержание и цели концепции обосновываются как «содействие в получении и выполнении достойной работы в условиях свободы, справедливости, гарантий защищенности и безопасности и человеческого достоинства» [8]. В сущности этот подход перекликается с вышеупомянутой концепцией социального качества.

О необходимости учета социальных и психологических аспектов труда подчеркивалось и в разработанной Ф. Херцбергом в середине XX в. двухфакторной теории мотивации [9].

В доктрине «производственной демократии» (Дж. Коул, П. Друкер) обозначены принципы участия работников в управлении и реализации каждым работником личной свободы.

Обзор методологических подходов к проблеме качества трудовой жизни показал, что несмотря на ее неоспоримую связь с категорией «качество жизни», данная понятийная конструкция вполне может рассматриваться как

самостоятельная.

Качество трудовой жизни населения - совокупность условий труда, организации процесса производства и охраны труда, обеспечивающая *полное удовлетворение* существующих и ожидаемых социально-трудовых потребностей, гарантирующая сочетание эффективной реализации трудового потенциала наемных работников и интересов собственников средств производства.

Анализ теоретических источников показывает, что этот показатель невозможно оценить с помощью какого-либо одного индикатора. Это многомерный конструкт, включающий большое количество формирующих его индикаторов.

И, поскольку КТЖ относится к субъективно-объективным категориям, зависящим в значительной мере от эмоционального восприятия, то при его изучении широко используются методы эмпирических социологических исследований.

На наш взгляд, материалы социологических исследований, несмотря на трудности сопоставительного анализа и неизбежную субъективность, позволяют получить более содержательное представление о состоянии КТЖ на конкретном предприятии или определенной территории и тем самым выявить те проблемы, которые могут быть скрыты за агрегированными статистическими данными.

Для реализации исследовательской цели в качестве объекта изучения выбрано население Вологодской области трудоспособного возраста. В качестве метода сбора первичной информации использован социологический опрос «Качество трудового потенциала Вологодской области», проведенный ФГБУН ВолНЦ РАН весной 2018 года. Объем выборки составил 1500 человек. Опрос прошел в городах Вологде и Череповце, в городских и сельских территориях Бабаевского, Великоустюгского, Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского, Шекснинского районов. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц

наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Способ сбора эмпирических данных: индивидуальное раздаточное анкетирование. Ошибка выборки не превышала 3%.

Как было сказано выше, индикаторами КТЖ являются как объективные, так и субъективные показатели. Под первыми понимают оценки, различных параметров трудовой жизни (например, оценка размера заработной платы, условий труда и др.). Вторые – оценки субъективного состояния – т.е. анализ собственного состояния на предмет удовлетворенности. Примером являются вопросы типа «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом (или отдельными ее аспектами)?».

На данных социологического опроса качество трудовой жизни трудоспособного населения (КТЖ) было оценено с помощью разработанной нами методики, которая основана на агрегировании показателей субъективной оценки удовлетворенности аспектами трудовой жизни.

Перечень индикаторов для субъективного измерения КТЖ обладает следующими свойствами:

- охватывает все значимые сферы трудовой жизни;
- включает оценку тех условий труда, воздействие на которые возможно со стороны органов управления, т.е. управляемых параметров;
- соответствует теории потребностей А. Маслоу.

Методика расчетов, используемая в исследовании, базируется на шкале семантической дифференциации (шкале Лайкерта); при этом уровень удовлетворенности респондента тем или иным аспектом его трудовой жизни оценивается нечетным числом ответов (в нашем случае – пятью) [10].

На основе индивидуальных индикаторов определяются частные индексы (как среднеарифметическая величина), которые соответствуют выделенным аспектам КТЖ. Сводный индекс КТЖ ($I_{КТЖ}$) рассчитывается как среднеарифметическое индивидуальных индикаторов и варьируется от +2 до –2 ед. с 0-ым нейтральным уровнем.

Согласно расчетам, сводный индекс КТЖ трудоспособного населения Вологодской области $I_{КТЖ}$ составил 0,254 ед. Это означает, что более половины респондентов удовлетворены текущим качеством трудовой жизни (табл. 1).

Полностью удовлетворены 2,5% работников (39 человек). Чуть больше половины опрошенных (51% или 772 человека) в той или иной степени удовлетворительно оценивают качество трудовой жизни. Почти каждый третий работник (30% или 445 человек) дал нейтральную оценку ($I_{КТЖ}$ равен 0). И полностью не удовлетворены качеством своей трудовой жизни менее 1% работников (0,4% или 6 человек).

Таблица 1.

Оценка качества трудовой жизни населением Вологодской области (индексы)

Компоненты ИКТЖ	Вологда	Череповец	Районы	Область
<i>Субиндексы КТЖ</i>				
Индекс оплаты труда	0,212	0,084	0,067	0,111
Индекс условий и организации труда	0,198	0,139	0,187	0,176

Продолжение таблицы

Индекс использования и развития человеческого потенциала	0,256	0,262	0,210	0,238
Индекс возможностей карьерного роста	0,135	0,144	0,115	0,129
Индекс устойчивости занятости	0,938	0,941	0,910	0,927
Индекс психологического климата в трудовом коллективе	0,541	0,482	0,314	0,424
Индекс взаимодействия с общим жизненным пространством	0,364	0,207	0,240	0,263
Индекс социальной значимости труда	0,357	0,342	0,205	0,286
<i>Интегральный (обобщающий) индекс КТЖ</i>				
ИНДЕКС КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ	0,311	0,252	0,220	0,254

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения. ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2018.

Необходимо отметить, что оценки вологжан существенно выше по сравнению с оценками череповчан и жителей остальных муниципальных районов региона. При этом наиболее высокие оценки имеют индексы устойчивости занятости и психологического климата.

Удовлетворенность качеством трудовой жизни (КТЖ) в целом существенно выше у работников государственных и муниципальных предприятий и организаций. Более высокие показатели удовлетворенности отдельными компонентами КТЖ наблюдаются и в организациях / предприятиях других форм собственности (индекс карьерного роста – в АО (0,421), индекс устойчивости занятости – в произв. кооперативах (1,692) и т.д.), что связано с особенностями социально-трудовых отношений, величиной трудового коллектива и т.п.

Наибольшую удовлетворенность качеством трудовой жизни и ее компонентами отмечают вологжане, осуществляющие свою трудовую деятельность в соответствии со своими склонностями, способностями и призванием.

Одним из оцениваемых компонентов качества трудовой жизни является материальное положение населения, а также заработная плата, уровень который либо может, либо не может мотивировать работников к более производительному труду. Статистика показывает, что заработную плату более четверти работающих (26%) нельзя назвать адекватной. Данные о наличии большой доли низкооплачиваемых работников не дают оснований говорить о высоком качестве трудовой жизни на популяционном уровне.

Кроме того, низкий уровень оплаты труда способствует уходу работников в неформальный сектор (теневую экономику), доля которого в последние годы выросла (14% в 2001 г., 20% в 2018 г.). Причем наибольший рост таких видов занятости наблюдается у мужчин (с 14% до 22%). Нами доказано, что нахождение работающих в условиях нестабильных трудовых отношений, влечет за собой негативную оценку всех параметров трудовой деятельности. Выявлено, что «работники, не имеющие признаков ущемления социально-трудовых прав, и имеющие максимум один признак неустойчивости социально-трудовых отношений, дают более высокую оценку своим ощущениям» от условий труда, работы и жизни в целом. При этом средняя заработная плата у таких работников выше [10].

Качество трудового потенциала и уровень реализации в трудовой деятельности качественных характеристик жителей г. Вологды значительно коррелируют с удовлетворенностью КТЖ: в группе респондентов с преобладающими положительными оценками КТЖ индексы качества ТП и уровень реализации ТП выше.

Выявлены различия в оценке качества трудовой жизни в зависимости от социально-демографических параметров.

Сводный индекс КТЖ, как и большинство частных индексов, выше у женщин; у мужчин более высокая оценка оплаты труда и социальной значимости работы

Оценка КТЖ показывает, что в положительной зоне восприятия качественных характеристик рабочих мест преобладает население, основными социально-демографическими характеристиками которого являются средний рабочий возраст (30-49 лет,) наличие официальных семейных отношений и детей.

Таким образом, исследование показало:

1. Категория «качество трудовой жизни» является одним из важнейших условий роста производительности труда, что необходимо учитывать при реализации Нацпроекта «Производительность труда и поддержка занятости» (2018 – 2024 г.).

2. Качество трудовой жизни может рассматриваться как инструмент управления, позволяющий получить определенные положительные результаты от внедрения различных социальных практик, отвечающих потребностям работников.

3. Положительное восприятие качества трудовой жизни формирует у населения активную жизненную позицию и активизирует гражданское участие в жизни города.

4. Субъективную оценку КТЖ следует внести в СОУТ (специальную оценку условий труда) в качестве индикатора эффективности деятельности работодателей.

Стоит помнить, что работник, оценивая качество своей трудовой жизни посредством соотнесения личных потребностей в труде с возможностями их реализации на рабочем месте, определяет предпочтительность данной работы, степень приверженности (преданности) организации, уровень своего трудового участия.

Работодатель, региональные и федеральные административные органы, формирующие и регулирующие трудовую политику, могут использовать оценку КТЖ с целью определения эффективности применяемых ими методов управления, своевременного выявления противоречий кадровой политики, слабых мест в организации труда и других аспектах, связанных с персоналом, и на этой основе сбалансированность интересы работников и работодателей и рационализировать социально-трудовые отношения.

Литература:

1. Путин призвал работать над повышением качества жизни россиян // РИА-новости [веб-сайт]. URL: <https://ria.ru/20190612/1555510200.html> (дата обращения: 20.05.2020)
2. Глобальные факторы риска для здоровья: смертность и бремя болезней, обусловленные некоторыми основными факторами риска: доклад ВОЗ. 2015 URL: www.who.int/evidence/bod (дата обращения - 06.04.2018 г.)
3. Лечение профессиональной тугоухости / Н.А. Дайхес [и др.] // Медицина: целевые проекты. 2018. № 29. С. 20–21.
4. Nasman O., Ahonen G. The DRUVAN-project: A major increase in Occupational Health Service based on the Metal Age method in a Finnish municipality improved the work ability and gave significant financial return. The Centre for Occupational Safety and The Finnish Work Environment Fund. PunaMusta, Iisalmi, 2007. 7 p
5. Измеров Н.Ф. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и сохранение здоровья работающего населения // Федеральный справочник. Здравоохранение России. 2016. Т. 13. С. 249–252.
6. Здоровье на рабочем месте: сб. корпоративных практик. М.: РСПП, 2011. 92 с.
7. Уолкер А. Принципы и развитие европейской социальной модели: минимальные стандарты или социальное качество? // Мир перемен. 2008. № 1. С. 67 – 81.
8. Достойный труд: доклад Генерального директора МБТ. 87-я сессия МКТ / Женева, 1999.
9. Херцберг Ф. Мотивация к работе / Ф. Херцберг, Б. Моснер, Б. Блох Снидерман; пер. с англ. Д. А. Куликовым. М.: Вершина, 2007. 240 с.
10. Белехова Г.В. Субъективистский подход к оценке качества трудовой жизни трудоспособного населения региона / Г.В. Белехова // Научные исследования и разработки. Экономика. – 2019. – Т. 7. – № 6 (42). – С. 9–19.

11. Леонидова Г.В., Россошанская Е.А. Неустойчивая занятость как барьер эффективной реализации трудового потенциала // Проблемы развития территории. 2018. № 1 (93). С. 7-21. DOI: 10.15838/ptd/2018.2.93.1

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.49

Богатырева Т.Г., Ямалова Н. Ю.

Привлечение социально ориентированных некоммерческих организаций как механизм обеспечения эффективности программ и мероприятий по исполнению приоритетных национальных проектов

Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» определяет конкретные показатели в различных сферах жизни общества, которые планируется достичь к 2024 году. Основными ответственными исполнителями задач по достижению этих показателей являются профильные органы власти. Наряду с этим нельзя не отметить, что социально ориентированные некоммерческие организации (далее СО НКО) на протяжении многих лет реализуют сотни социальных проектов, которые также направлены на решение острых социальных проблем, имеют в этом вопросе значительный опыт и широкий спектр уникальных и эффективных методик.

Основная задача национальных проектов – обеспечение принципиально нового, более высокого качества жизни для всех поколений российских граждан. Проекты и программы, которые реализуются органами власти, должны получить новый импульс благодаря участию социально ориентированных некоммерческих организаций. В сфере социального обслуживания должна расти конкуренция, и участие НКО в национальных проектах позволит активизировать этот процесс.

В то же время в этом вопросе между государственным сектором и НКО еще не налажено эффективное взаимодействие. «Результаты общественного мониторинга, – говорится в специальном докладе Общественной палаты РФ, – показывают, что Правительство Российской Федерации и органы

исполнительной власти субъектов Российской Федерации недостаточно используют потенциал СО НКО для достижения целей и задач национальных проектов» [1]. СО НКО недостаточно информированы о деятельности органов власти в этих вопросах, не знают, каким образом их проекты могут быть привлечены к задачам исполнения Указа №204 и в каких сферах они могут быть полезны. Стоят вопросы о включении инициатив СО НКО в программы государственного сектора, об изучении возможности привлечения общественных объединений как соисполнителей органов власти в реализации приоритетных национальных программ. Т. Голикова подчеркивает, что НКО должны быть партнерами государства по предоставлению социальных услуг: «В ближайшее время в регионах необходимо произвести оценку роли НКО в оказании соцуслуг и предоставить необходимую информацию в федеральные органы власти, чтобы выявить конкретные проблемы, требующие дополнительного регулирования» [2].

Это позволит активизировать диалог между органами власти и СО НКО, поможет СО НКО адаптировать свои программы и проекты к государственным приоритетам, а органам власти применить потенциал СО НКО, расширив свои возможности и повысив эффективность запланированных мероприятий. НКО обладают исключительно важными преимуществами – в них сосредоточена значимая часть профессионального сообщества, то есть граждан, которые знают, как и что делать, и мотивированы, чтобы услуги оказывались качественно. Некоммерческие организации могут значительно повлиять на реализацию национальных проектов, активизировать участие в них населения, сделать его более системным. С другой стороны, участие НКО в нацпроектах обеспечит им стабильное финансовое положение. Сегодня они существуют от гранта до гранта – только так они могут развиваться и реализовывать свои проекты, которые помогают людям и решают социальные проблемы. Некоторые представители СО НКО считают, что департаменты не особо хотят заключать договоры и соглашения СО НКО, поэтому об открытости и системности пока

говорить не приходится. Одним из форматов вхождения в нацпроекты может быть подготовка концепций решения конкретных проблем с участием госучреждений и СО НКО, что позволит говорить о конкретном финансировании и решении проблемы [3].

«НКО – своеобразный барометр общественного мнения, - считает Н. Чиплакова. – Власть заинтересована и в общественном контроле за ходом реализации национальных проектов. Ведь ключевая их цель – изменить качество жизни людей, всего российского общества. Разработаны четкие целевые показатели достижения этих целей. Для подсчета и контроля есть соответствующие органы. Задача же общественников – убедиться в том, что благодаря нацпроектам изменилось качество жизни людей, привлечь в союзники не только представителей некоммерческого сектора, но и гражданских активистов» [4].

По мнению Е. Тополевой-Салдуновой, для реализации национальных проектов важен весь негосударственный гражданский потенциал, в том числе не только потенциал НКО, но и социально ответственного бизнеса [5]. В паспортах практически всех национальных проектов социальной направленности эти игроки так или иначе уже фигурируют, но наверняка в проектах еще есть места, где разработчики пока просто не увидели, какую роль может сыграть негосударственный сектор [6]. В то же время СО НКО не всегда могут сами определить свою роль в проектах.

Оказание доступных и качественных услуг в социальной сфере должно соответствовать процессу роста ожиданий людей. Запросы становятся сложными и индивидуализированными, и качество услуг должно отвечать этому. Важно помнить, что человеку важно потребить услугу, но не важно, от кого он получит эту услугу. СО НКО нужно усилить информационную компанию, чтобы сформировать запрос от населения. Люди хотят понимать, какие преимущества могут получить. И. Абанкина отмечает, что необходимо осуществлять учет потребителей услуг: «Важно не только реестр

поставщиков, но и реестр потребителей» [7]. Иначе добиться реальных результатов будет невозможно.

Достичь показателей, поставленных в национальных проектах, реализовать все стратегические задачи можно только при активном взаимодействии органов государственной власти и социально ориентированных некоммерческих организаций, налаженной коммуникации между ними. Д. Поликанов предупреждает о такой важной задаче, как нахождение правильного баланса во взаимодействия между органами власти и НКО, чтобы оно не было «фасадным» и не служило бы для «выпуска пара» [8].

Вовлечение структур гражданского общества предусмотрено в пяти национальных проектах – «Демография», «Образование», «Жилье и городская среда», «Экология», «Культура», предполагается также участие СО НКО в таких проектах, как «Здравоохранение» и «Наука». Однако, о формах и механизмах участия СО НКО в нацпроектах речь не идет. СО НКО со своей стороны ищут место в реализации приоритетных национальных проектов и программ. Так, Альянс социально ориентированных некоммерческих организаций Тюменской области организовал обсуждение механизмов участия СО НКО в реализации приоритетных национальных проектов и программ. На совещании была отмечена важность плотного сотрудничества бизнес структур, организаций гражданского общества и государственных органов власти в решении социальных проблем, предоставления информации о реализуемых на территории региона социально значимых проектах и программах. Была также отмечена готовность бизнеса сотрудничать с некоммерческим сектором в решении стратегических проблем развития страны [9].

В правительстве Калининградской области в июне 2019 г. прошло первое заседание совета СО НКО. Оно было посвящено началу реализации мероприятий в рамках национального проекта «Демография» и роли социально ориентированных некоммерческих организации в достижении

отдельных поставленных задач. В регионе в 2018 г. доля негосударственных организаций составила 38,2 % от общего количества поставщиков социальных услуг, состоящих в реестре. По сравнению с показателем 2017 года (19,1%) она увеличилась вдвое. В 2019 году ведомством заключены соглашения с 22 социально СО НКО на финансовое обеспечение оказания социальных услуг гражданам на сумму более 130 млн рублей. По сравнению с 2018 годом объем финансирования увеличился в 3,5 раза. Новым направлением взаимодействия с СО НКО станет оказание социальных услуг инвалидам, людям с умственными или физическими нарушениями, способным к выполнению трудовой деятельности в специально созданных условиях. На данные цели планируется направить бюджетные средства в объеме 1,75 млн рублей в форме предоставления субсидии [10].

Новым форматом Стратегической сессии «Участие социально ориентированных некоммерческих организаций в реализации национальных проектов в ЯНАО» стало присутствие кураторов региональных проектов в рамках национальных проектов, что позволит получить запрос на то, в каких сферах, в каких вопросах НКО могут поучаствовать в реализации нацпроектов, что позволит в дальнейшем масштабировать мероприятия и проекты в округе с учетом специфики региона, составить единую карту общественных инициатив и концепцию по участию НКО в реализации национальных проектов на Ямале [11].

Для того, чтобы граждане и организации могли отчетливее увидеть возможности своего участия в национальных проектах и расширить его, создана некоммерческая организация АНО «Национальные проекты». В ее целях – разработка и развитие форматов участия граждан в национальных проектах, распространение лучших инициатив и практик, формирование открытой базы проектов и инициатив социального развития. Навигация по национальным проектам обеспечит их информационное и коммуникационное сопровождение, даст возможность улучшения обратной связи с обществом.

Литература:

1. Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере (Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации) / Общественная палата Российской Федерации ; сост. и общ. ред. Е.А. Тополева-Солдунова, Е.Г. Орлова, О.В. Коротеева, А.М. Спивак, Р.М. Ольховский, А.А. Вавилова, В.Б. Беневоленский; рецензенты: Ветрова Е.Ю., Насриддинов Т. Г. – Москва: «Современные информационные системы», 2019. С.75.
2. Голикова: в бюджете предусмотрят участие НКО в реализации нацпроектов. URL: <https://www.miloserdie.ru/news/golikova-v-byudzhete-predusmotryat-uchastie-nko-v-realizatsii-natsproektov/> (дата обращения 03.02.2020).
3. НКО могут участвовать в Национальных проектах. URL: <http://sevdobro.ru/nko-mogut-uchastvovat-v-nacproektax/> (дата обращения 07.02.2020).
4. Какова роль НКО в реализации национальных проектов? URL: <https://opalania.ru/2019/07/15/какова-роль-нко-в-реализации-национал/> (дата обращения 30.01.2020).
5. Роль НКО в реализации нацпроектов обсудили в Москве. URL: <https://sn.ria.ru/20190619/1555707091.html> (дата обращения 02.02.2020).
6. Тополева Е.: НКО – это важный ресурс, который необходимо использовать в нацпроектах. URL: <https://www.asi.org.ru/article/2018/09/24/elena-topoleva-nko-eto-vazhnyj-resurs-kotoryj-neobhodimo-ispolzovat-v-natsproektah/> (дата обращения 03.02.2020).
7. НКО как исполнитель соцуслуг: первые опыты сотрудничества и конкуренции. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/nko-kak-ispolnitel-sotsuslug-pervye-opyty-sotrudnichestva-i-konkurencii/> (дата обращения 01.02.2020).
8. Эксперты третьего сектора — об участии в нацпроектах: «Важно, чтобы взаимодействие власти с НКО не было фасадным». URL: <https://www.asi.org.ru/news/2019/07/02/nko-natsproekty/> (дата обращения 28.01.2020).
9. Роль СО НКО в реализации национальных проектов. URL: https://www.op72.ru/assets/ks_natsprojects_170419.pdf (дата обращения 27-01.2020).
10. Правительство Калининградской области. В правительстве прошло первое заседание совета СО НКО. URL: <https://gov39.ru/news/101/153682/> (дата обращения 31.01.2020).
11. НКО включатся в реализацию нацпроектов. 20 февраля 2020. URL: <https://severpress.ru/2020/02/20/nko-vkljuchatsja-v-realizaciju-nacproektov/> дата обращения 01.02.2020).

Раздел 5. ПОБЕДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ – УРОКИ И ИТОГИ – В ЦИФРАХ И ВЫВОДАХ

DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-2988-9.2020.50

Доброхлеб В. Г.

Женщины великой Победы. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне¹

Выявление роли женщин в защите Родины в годы Великой Отечественной войны позволяет полнее понять причины победы, а также динамику социальных изменений, как в годы войны, так и в последующий период.

Мобилизации женского населения способствовали изменения в представлениях о назначении женщины в обществе. Еще до войны они активно участвовали в сдаче норм ГТО, включались в военную подготовку.

Почти 800 тысяч женщин принимали участие в военных действиях. В рядах Красной Армии, женщины и девушки сумели овладеть почти всеми военными специальностями, несли военную службу во всех родах войск [1]. Женщины-военнослужащие составляли большинство в госпиталях (61% среднего медперсонала составляли женщины), в подразделениях связи (80%) и дорожных войсках (почти половина состава). [1, 2].

Женщины, служившие на линии фронта, постоянно находились в смертельной опасности. Отмечено, что наиболее высокая доля раненых женщин, приходилась на служивших в небоевых войсках. Например, из числа всех раненых женского госпиталя Ленинградского фронта связисток было 24,7 %, минеров — 13,8 %, поваров — 7,4 %, разведчиц — 1,5 %, регулировщиц — 1,3 %. Для сравнения: ранения рядовых стрелков составляли — 4,3 %, снайперов — 1,8 %, зенитчиц — 1,2 % [3]. На фронте женщины оказались в

¹ Исследование выполнено в рамках НИР по государственному заданию «Гендерные аспекты социально-демографической динамики современной России» № 0165-2019-0011.

более тяжелом положении, чем их сослуживцы-мужчины. Помимо общих для всех военнослужащих проблем, на их долю выпали дополнительные трудности, связанные с несоответствующими бытовыми условиями, чрезмерными физическими и эмоциональными нагрузками [4].

Важной составной частью борьбы советского народа против гитлеровской Германии являлось партизанское движение. Оно было наиболее активной формой участия населения в разгроме иноземных захватчиков. За воинские заслуги, проявленные в период войны, 96 женщин получили звание Героя Советского Союза. Более 150 тыс. – награждены боевыми орденами и медалями. 200 женщин отмечены 1–2 орденами солдатской славы, а четыре — стали полными кавалерами ордена Славы [2; С. 172].

Работа тыла в годы войны во многом лежала на плечах женщин. В конце войны (1945 г.) из 15 920 тыс. женщин (рабочих и служащих) 11 млн. было занято в народном хозяйстве РСФСР. Производительность труда в эти годы увеличилась за счет массовой подготовки новых квалифицированных рабочих кадров и самоотверженному труду тружеников тыла, в том числе женщин. В крупнейших промышленных центрах Российской Федерации ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО в 1943 г. окончили многие девушки. Например, только в Свердловской области было подготовлено к квалифицированному труду 5117 девочек или 50,4% от общего числа обучающихся [5]. Недостаток трудовых ресурсов на селе был возмещен вовлечением в сельскохозяйственное производство женщин, престарелых, подростков. Например, если в 1940 г. в колхозном производстве работало 60% подростков, то в 1942 г.- 95%, престарелых и больных - соответственно 90 и 96%. В 1944 г. трудоспособных мужчин в деревне осталось немногим более четверти от довоенного 1940 г. Основная часть трудовых усилий легла на плечи женщин-колхозниц.

Война существенно повлияла на соотношение мужского и женского населения. В обычных условиях воспроизводства половая структура населения не ведет к появлению специфических демографических проблем.

Нарушение равновесия между полами, в том числе из-за войн, создает демографические и социальные проблемы. Например, в конце 19 века (1897 г.) доля мужчин и женщин составляла соответственно 49 и 51% населения, и соответствовала демографической норме. Потери значительной доли мужского населения в военный период 1941-1945 гг. ухудшили соотношение полов в России. За годы войны численность населения РСФСР уменьшилась с 111,0 до 97,6 миллионов человек (на 12%). Наибольшая доля потерь была среди детей и подростков, как мальчиков, так и девочек стало меньше на 22%. Очень высокими были потери среди мужчин трудоспособного возраста, погиб каждый пятый (-20%). Среди пожилых мужчин не дожили до Победы 14% [6].

Деформация половозрастной структуры вызвала социальные изменения во всех сферах жизнедеятельности населения. Многие женщины остались вдовами или никогда не смогли создать семью. При этом мужчины и женщины, ковавшие Победу, попадали в новый контекст взаимоотношений. Они по-иному, чем до войны организовывали работу и разделение труда. Инновационный характер взаимодействий заставлял не только опираться на институциональные схемы, привычные гендерные роли, с которыми они уже знакомы, но и формировать новые.

Коренным образом изменилось представление о роли женщины. Социально значимой стала женщина, занятая в различных отраслях народного хозяйства, а также студентка. Женщины чаще занимали руководящие должности на производстве. В политической сфере они более широко, чем до войны, были представлены на уровне низовых организаций. Однако в целом в связи с тем, что гендерные стереотипы глубоко укоренены и влияют на поведение людей бессознательно, социальные отношения достаточно инертны. Война и послевоенный период до середины пятидесятых годов 20 века – это время экономической мобилизации женщин, которая привела к распространению этакратического контракта «работающая мать». Феномен «двойной нагрузки» стал основой дискредитации эмансипации женщины. Он

не только не способствовал ликвидации «патриархатных» отношений, но, в определенной степени, их усиливал.

Сегодня существенной становится концептуализация гендерных противоречий различных уровней, институционального, интеракционного, индивидуального. Структурно-конструктивистские подходы и методология позволяют выявить, как институты через проявление гендерных порядков ограничивают или задают возможности действия индивидов, которые не бесполое существа, а мужчины и женщины с определенными гендерными стереотипами. Если мы действительно хотим достичь социального равенства, то необходимо говорить о защите личности женщины и мужчины от традиционного восприятия их ролей, закрепленных в культурных и отчасти юридических нормах [7]. Это предполагает создание широких возможностей развития и самореализации личности. Сегодня, учитывая уроки великой Победы важно понять, применима ли в полной мере данная концепция для решения современных социальных проблем с учетом их гендерного аспекта.

Литература:

1. История Великой Отечественной войны в Советском Союзе. 1941-1945 гг.» в 6 т. М., 1960-1965 гг.
2. Иванова Ю. Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М.: 2002.
3. Будко А. А. Женщина – воин, женщина – жертва. Организация медицинской помощи и лечения женщин, вставших на защиту Родины / Будко А.А., Грибовская Г. А // Военно-исторический журнал. – 2004. – № 3. – С. 15.
4. Барсукова Н. В. Женщины в Вооруженных силах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // ОНВ. 2012. №5 (112). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschiny-v-vooruzhennyh-silah-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg> (Дата обращения: 29.02.2020).
5. Мурманцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. – URL: <https://www.a-z.ru/women/texts/murman1r-1.htm> (Дата обращения 02.02.2020).
6. Великая Отечественная война. Юбилейный сборник. Росстат, 2015. – URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/VOV_svod_1.pdf (Дата обращения 09.02.2020).
7. Посадская А. И., Римашевская Н. М., Захарова Н. К. Как мы решаем женский вопрос – URL: <http://www.a-z.ru/women/texts/kommynr.htm#>: (Дата обращения 01.02.2020).

Сведения об авторах

Александрова О.А. — зам. директора ИСЭПН ФНИСЦ РАН по научной работе, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, д.э.н.; Москва.

Аликперова Н.В. — в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, доцент Департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве РФ, к.э.н.; Москва.

Амосов А.И. — г.н.с. ФБГУН Институт экономики РАН, д.э.н., академик РАЕН; Москва.

Аникин И.В. — врач анестезиолог-реаниматолог Медицинского научно-образовательного центра МГУ имени М.В. Ломоносова; Москва

Белехова Г.В. — н.с. ФГБУН Вологодский научный центр РАН; Вологда.

Бобков В. Н. — зав. Лабораторией проблем уровня и качества жизни ИСЭПН ФНИСЦ РАН, г.н.с. РЭУ им. Г. В. Плеханова, д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ; Москва.

Богатырева Т.Г. —эксперт РАНХиГС при Президенте РФ, доктор культурологии, профессор

Болдырев А.С. — м.н.с. ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси»; Минск, Беларусь.

Будилова Е.В. — с.н.с. биологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, д.биол.н.; Москва.

Виноградова К.В. — аналитик НИИ ОЗ ММ Департамента здравоохранения г. Москвы, м.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН; Москва.

Винокурова Н.А. — с.н.с. ЦЭМИ РАН, к.э.н.; Москва.

Герасимова И.В. — с.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, к.э.н.; Москва

Гриб Д.М. — м.н.с. Государственное научное учреждение «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси»; Минск, Беларусь.

Деменьтьева И.Н. — н.с. ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук»; Вологда

Джумабаева Ш.Х. - Национальный университет Узбекистана имени Мирза Улугбека; Ташкент, Узбекистан

Доброхлеб В.Г. — зав. Лабораторией гендерных проблем ИСЭПН ФНИСЦ РАН, д.э.н., профессор, гл.н.с. ИСПИ РАН; Москва.

Ефанова О.А. — с.н.с., ИСЭПН ФНИСЦ РАН, к.филос.н., доцент, Москва

Калабихина И. — зав. кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор.; Москва.

Каменева Т.Н. — зав. кафедрой общественного здоровья и здравоохранения ФГБОУ ВО Курского государственного медицинского университета, д.социол.н., доцент; Курск.

Ким М.А. — студентка факультета социологии и политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; Москва.

Коленникова О.А. — с.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, к.э.н.; Москва.

Колмаков И.Б. — Участник научного проекта РФФИ № 20-010-00271, д.э.н., доцент; Москва.

Красинец Е.С. — зав. Лабораторией миграционных исследований ИСЭПН ФНИСЦ РАН, к.э.н.; Москва.

Крошилин С. В. — ст.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, к.т.н., доцент.; Коломна.

Лагутин М.Б.

Леонидова Г. В. — в.н.с., зав. Лабораторией ФГБУН ВолНЦ РАНК, к.э.н.; Вологда.

Локосов Е.В. — ст. лаборант ИСЭПН ФНИСЦ РАН; Москва

Марков Д.И. — студент факультета социологии и политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; Москва.

Медведева Е. И.— с.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, профессор кафедры ЭиМ ЭФ ГСГУ, д.э.н., доцент.; Коломна

Мигранова Л. А. — г.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, к.э.н.; Москва.

Муртазиева Д. Д. — н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, к.э.н.; Москва.

Нацун Л. Н. — н.с. ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук»; Вологда

Одинцова Е.В. — в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, к.э.н.; Москва.

Попова Л. А.— зам. директора по научной работе Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, д.э.н., доцент; Сыктывкар.

Попова Р.И. — с.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН; Москва.

Попович А. — студентка факультета социологии и политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; Москва.

Ржаницына Л.С.— гл.н.с. ИЭ РАН, д.э.н., профессор; Москва.

Роик В. Д.— гл.н.с. ВНИИ труда Минтруда России, д.э.н., профессор; Москва.

Русанова Н.Е. — в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, д.э.н.; Москва.

Рыбаковский О.Л. — зав. Лабораторией проблем воспроизводства населения ИСЭПН ФНИСЦ РАН, д.э.н.; Москва.

Симагин Ю.А.— зав. Лабораторией социального и экономического поведения ИСЭПН ФНИСЦ РАН, к.геогр.н., доцент; Москва.

Соловьев А.К. — руководитель Департамента актуарных расчетов Пенсионного фонда РФ, д.э.н.; Москва

Токсанбаева М. С. — зав. Лабораторией проблем распределительных отношений ИСЭПН ФНИСЦ РАН, д.э.н.; Москва.

Фадеева Т. А. — н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, к.э.н.; Москва.

Хакумура Наоя — Государственный Университет ГИФУ, Япония

Чернова А. П. — м.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН; Москва.

Черных Е.А. — с.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, к.э.н.; Москва.
Шевцова Т.В. — в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, к.э.н.; Москва.
Шухатович В.Р. — зав. отделом социологии социальной сферы Государственного научного учреждения «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси», к.социол.н., доцент; Минск, Беларусь.
Юдина Т.Н. — с.н.с. Научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н.; Москва
Яковец Т.Ю. — с.н.с. ЦЭМИ РАН, к.э.н.; Москва
Яковлева Н.И. — н.с. ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси»; Минск, Беларусь.
Ямалова Н.Ю. руководитель отдела маркетинга Рекламного агентства ES «Media»; Москва.
Ярашева А.В. — ведущий аналитик НИИ ОЗ ММ Департамента здравоохранения г. Москвы, зав. лабораторией исследования поведенческой экономики ИСЭПН РАН, д.э.н., профессор, Профессор РАН; Москва.

Научное издание

**III РИМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ.
«СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ:
ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ,
УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
27 марта 2020 года

Соорганизаторы конференции:
Отделение общественных наук
Российской академии наук (ООН РАН)

Москва
2020

Подписано в печать 20.10.2020
Тираж 500 экз.
Заказ № 23965
ООО «Фабрика Офсетной Печати»
www.fop.ru

ISBN 978-5-4465-2988-9

9 785446 529889 >